

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

2/2022

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Правовое будущее России.
 Часть 1. Обзор основных позиций.....5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Дрыгина А. А. (Казань)* Ход конем: использование нелетального оружия
 по отношению к гражданскому населению во время вооруженного конфликта22

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Светличный А. А. (Тула)* Метод моделирования
 как основа построения криминалистической терминосистемы31

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Голубитченко М. А., Галанова И. С. (Саратов)* Досудебное урегулирование
 налоговых споров: перспективы в эпоху цифровизации39

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Мусаткина А. И. (Екатеринбург)* Проблемы установления и сокрытия личности
 участников уголовного судопроизводства46
- Цветкова А. Д. (Екатеринбург)* Криминалистическое исследование
 компьютерного (клавиатурного) почерка55
- Гусейнов Н. Ш. (Москва)* Характеристика интереса, защищаемого косвенным иском66
- Степанов К. А. (Екатеринбург)* Некоторые терминологические проблемы
 права социального обеспечения75

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)* The legal future of Russia.
 Part 1. Overview of the main positions.....5

INTERNATIONAL LAW

- Drygina A. (Kazan)* Knight's move: the use of non-lethal weapons against civilians
 during an armed conflict.....22

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Svetlichny A. (Tula)* The modelling method as a basis for building
 a terminological system of forensics.....31

ECONOMICS AND LAW

- Golubitchenko M., Galanova I. (Saratov)* Pre-judicial settlement of tax disputes:
 perspectives in the era of digitalization39

STUDENTS' BULLETIN

- Musatkina A. (Yekaterinburg)* Problems of identification and concealment
 of the identity of participants in criminal proceedings..... 46

- Tsvetkova A. (Yekaterinburg)* The forensic examination
 of computer (keyboard) handwriting.....55

- Guseinov N. (Moscow)* Characteristics of the interest protected by an indirect claim.....66

- Stepanov K. (Yekaterinburg)* Some terminological problems of social security law..... 75

ПРАВОВОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ Часть 1. Обзор основных позиций

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru

В первой части статьи исследуются два основных подхода к пониманию закономерностей, тенденций правового развития России, представленные в современной юридической литературе. Первый подход предполагает дальнейшее развитие страны в русле западной правовой традиции, но с учетом особенностей правового сознания, культуры русского народа (В. С. Нерсисянц, С. С. Алексеев, А. П. Семитко, В. Д. Зорькин и др.). В основе второго подхода лежит признание собственной цивилизационно-правовой идентичности России (В. Н. Сinyukov, М. Н. Марченко, А. Н. Кокотов, В. В. Сорокин и др.). Во второй части статьи излагается авторская позиция в отношении возможных сценариев правового развития России; анализируются факторы, способствующие и препятствующие ее правовому прогрессу.

Ключевые слова: правовое будущее человечества, особенности социально-правового развития России, правовой прогресс, правовой регресс, тенденции правового развития

Для цитирования: Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 5–21. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.

THE LEGAL FUTURE OF RUSSIA Part 1. Overview of the main positions

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru

The first part of the article examines two main approaches to understanding the patterns and trends in the legal development of Russia presented in modern legal doctrine. The first approach assumes the further development of the country in accordance with the Western legal tradition, but taking into account the peculiarities of legal consciousness and culture of the Russian people (V. S. Nersesyants, S. S. Alekseev, A. P. Semitko, V. D. Zorkin, etc.). The second approach is based on the recognition of Russia's own civilizational and legal identity (V. N. Sinyukov, M. N. Marchenko, A. N. Kokotov, V. V. Sorokin, etc.). The second part of the article presents the author's position on possible scenarios of Russia's legal development, and analyses the factors contributing to and hindering its legal progress.

Key words: legal future of mankind, features of the socio-legal development of Russia, legal progress, legal regression, trends in legal development

*For citation: Arkhipov S. (2022) The legal future of Russia. Part 1. Overview of the main positions. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 5–21, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_5.*

В современной российской юридической науке правовое будущее России, перспективы ее социально-правового развития обычно рассматриваются либо в рамках западной правовой традиции, но с учетом специфики правового сознания, правовой культуры русского народа, либо с точки зрения собственного цивилизационно-правового самоопределения нации. В зависимости от взятой за основу позиции авторов те или иные тенденции в правовой сфере общества оцениваются по-разному: как движение по пути прогресса или же как социальный регресс.

В рамках первой из названных позиций правовое будущее России рассматривается в трудах В. С. Нерсисянца, С. С. Алексеева, А. П. Семитко, В. Д. Зорькина и многих других авторов. Согласно либертарной теории права В. С. Нерсисянца общей тенденцией развития человечества является «наблюдаемый в истории прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления – это одновременно и правовой прогресс, прогресс в правовых (и государственно-правовых) формах выражения, существования и защиты этой развивающейся свободы»¹. Свобода как социальное явление существует в правовом облике, в форме законодательного и судебного признания индивида в качестве субъекта правовых отношений, закрепления его прав, юридических гарантий. Исторически она возникает в период разложения первобытного общества, становления государственно-правовых институтов. В рабовладельческом обществе она является достоянием лишь одной части социума, другая же его часть оказывается в положении неспособных лиц – рабов. В дальнейшем прогресс свободы проявляется в переходе от рабства к феодализму, когда появляются субъекты с различным правовым статусом (свободные, крепостные, монахи, священники и т. д.), затем – к капитализму. Государство и право, по мнению В. С. Нерсисянца, это всеобщие и необходимые формы бытия социальной свободы²; без юридического признания, государственной защиты, нормативных механизмов ее осуществления идея свободы не может материализоваться в общественной жизни.

На наш взгляд, в рамках обозначенного автором либертарной теории права процесса «освобождения людей» можно выделить три измерения. Во-первых, количественный рост правоспособных лиц, постепенное расширение круга участников правового общения, свободных граждан (соответственно, сокращение числа несвободных лиц). Во-вторых, расширение границ свободы, появление новых юридических возможностей, признание естественных, неотчуждаемых прав человека, нормативное закрепление судебных и иных гарантий от государственного произвола (содержательный аспект правовой свободы). В-третьих, переход от одного состояния правовой свободы (негативной, «свободы от») к другому (позитивному, «свободы для»). Первое состояние свободы связывается В. С. Нерсисянцем с освобождением от существующего гнета (рабства, крепостничества и т. д.), второе – с положительными действиями субъектов права, с осуществлением ими своих законных интересов. Следовательно, речь идет не об одном, а о разных аспектах правовой свободы и множественности критериев для измерения ее прогресса.

Кроме состояния свободы социально-правовое развитие человечества можно оценивать на основе иных выделенных В. С. Нерсисянцем «субстанциональных характеристик права». Поскольку он определял право как общеобязательную форму равенства, свободы и справедливости, то правовой прогресс можно также измерять исходя из критериев юридического (формального) равенства и справедливости. Правовое равенство, согласно воззрению автора либертарной теории права, предполагает общий масштаб, единую норму, равную меру. Законодатель абстрагируется от фактических различий, существующих между субъектами права, он их оценивает, уравнивает по формальному юридическому критерию – правоспособности. Что касается конкретных субъективных прав, они у участников правовой коммуникации будут различаться, принцип равенства к ним неприменим. Если рассматривать право

¹ Нерсисянц В. С. *Философия права: учеб. для вузов*. М.: Норма : Инфра-М, 1997. С. 25. Для автора либертарной теории права, как и для Гегеля, правовая свобода – это главный критерий социального развития. См.: Нерсисянц В. С. *Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы*. М.: Юрист, 1996. С. 3.

² Нерсисянц В. С. *Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства*. М.: Норма : Инфра-М, 2002. С. 47.

сквозь призму критерия формального равенства, то «история права – это история прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще»¹.

Еще одним критерием социально-правового прогресса человечества является принцип справедливости. По убеждению В. С. Нерсисянца, справедливость входит в понятие права, «право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т. д.)... Более того, *только право и справедливо*. Ведь справедливость потому, собственно, и справедлива, что воплощает собой и выражает общезначимую правильность, а это в своем рационализированном виде означает всеобщую правомерность, т. е. существо и начало права, смысл правового принципа всеобщего равенства и свободы»². Поскольку для ученого справедливость есть внутреннее самосознание, самовыражение и самооценка права, то социально-правовой прогресс человеческого рода можно измерять исходя из того, как меняется самосознание людей, как эволюционирует внутреннее чувство собственной правоты, оценка своих и чужих поступков, отношение к себе как субъекту права и к внешнему миру, правовой системе общества, правопорядку, государственному устройству.

Правовое развитие России, согласно представлениям В. С. Нерсисянца, с одной стороны, происходит в соответствии с общими закономерностями, исходными принципами права; с другой же стороны, созданный в советский период социалистический строй, отрицающий прошлое, представляет собой негативную стадию в развитии мировой истории. По его убеждению, социализм выполнил свою миссию, когда разрушил основу капитализма – частную собственность, социализировал средства производства. Обратный процесс, предполагающий переход от общественной к частной собственности, он считал невозможным, тупиковым³.

Чтобы преодолеть негативные последствия социалистических преобразований и продолжить линию правового прогресса, В. С. Нерсисянец предлагал создать в России новый постсоциалистический гражданский (цивилитарный) строй. В основе данного строя должна лежать «гражданская», индивидуализированная, но не являющаяся частной собственностью. Всю социалистическую собственность, согласно предлагаемому им плану, необходимо «индивидуализировать» исходя из принципа «Каждому гражданину равную долю». В этих целях он рекомендовал разделить общественную собственность на 160 млн долей (с учетом количества граждан России + некоторый запас), каждому открыть личный счет гражданской собственности, на который перечислять соответствующую долю доходов, получаемых от использования общей собственности. Гражданская собственность, по мысли автора, должна быть личной, прижизненной (от рождения до смерти), неотчуждаемой⁴. Сверх нормативного минимума гражданской собственности граждане вправе приобретать другие виды собственности без всякого ограничения. Конечным результатом преобразований социалистической собственности в гражданскую должно быть появление совершенно нового социального строя, в котором восторжествуют принципы свободы, равенства и справедливости.

На наш взгляд, по своему «духу» идея создания гражданской собственности социалистическая. Гражданскую собственность нельзя отчуждать, требовать ее выдела, совершать с ней какие-либо сделки, передавать по наследству. По сути, гражданская собственность сводится к праву граждан на получение доходов от использования общего имущества; они являются лишь выгодоприобретателями (получателями доходов), но не собственниками в полном смысле слова. «Гражданские собственники» не в состоянии оказывать влияние на процесс управления государственным имуществом, определять эффективность его использования, контролировать осуществле-

¹ Нерсисянец В. С. Философия права. С. 19.

² Нерсисянец В. С. Юриспруденция. С. 37.

³ Нерсисянец В. С. Философия права. С. 335.

⁴ Нерсисянец В. С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992. С. 313–318; *Его же*. Философия права. С. 336–340; *Его же*. Юриспруденция. С. 156.

ние сделок с ним. Главный порок, который будет присущ цивилитарному строю, если он когда-нибудь возникнет, – его распределительно-потребительский характер. Он не ориентирован на создание мощных стимулов к труду, производству материальных и иных благ, на технические инновации, «здоровую» конкуренцию, творческую инициативу, генерирование энергии в предпринимательской сфере. Его ключевая идея – это «справедливый», «честный» раздел наследия советской эпохи. Можно предположить, что цивилитарный строй, основанный на принципе распределения доходов от использования государственной собственности, не только не искоренит, а, напротив, даст новый импульс возрождению централизованной системы государственной бюрократии, где рычаги управления собственностью находятся в руках всевластных чиновников¹.

Иную позицию в отношении правового прогресса человечества и отдельно правового развития России сформулировал основатель уральской школы теории права С. С. Алексеев. Еще в советский период, когда не принято было рассуждать о правовом прогрессе, об особой ценности права для общества, о перспективах создания идеального правового строя, он последовательно отстаивал тезис о необходимости использования потенциала права в общественной жизни. Вразрез с господствующей идеей об отмирании права при социализме российский правовед в монографии «Социальная ценность права в советском обществе» (1971 г.) отмечал высокую *общечеловеческую ценность* права, его неразрывную связь с социальным прогрессом²; право, по его убеждению, «это не только неизбежность, необходимость, но и своеобразный социальный „капитал“, то, что нужно с максимальной эффективностью использовать, „пускать в дело“ для решения наших задач»³.

Его идея об особой роли права в переустройстве общества получила развитие в трудах «Проблемы теории права: курс лекций» (1972 г.), «Общая теория права» (1981 г.) и др. В монографии «Общая теория права» С. С. Алексеев вернулся к концептуальному положению о собственной ценности права, его способности совмещать несовместимое, быть организующим, дисциплинирующим фактором и одновременно выражать свободу, гарантировать осуществление личных интересов, индивидуальных потребностей. Он характеризовал право как «торжество правды, справедливости, истины», оно «по своей природе „сопротивляется“ произволу и беззаконию»⁴. Потенциал права нельзя оценивать негативно, исходя только из марксистских представлений о нем, он всегда позитивный, поскольку право есть важнейший фактор социального прогресса.

В постсоветский период творчества С. С. Алексеева идея социально-правового прогресса была им кардинально переосмыслена в контексте теорий естественного права, прав человека, гуманистических, либеральных воззрений. В работе «Теория права» (1993 г.) отдельный раздел был посвящен правовому прогрессу. Следуя в русле концепций Гегеля и Шеллинга, С. С. Алексеев развил представление о социальном прогрессе как прогрессе правовом, о том, что вне права и без права нет социального развития, прогресса, что именно в праве он находит естественное, необходимое воплощение.

Новой ступенью на пути осмысления проблемы социально-правового прогресса для С. С. Алексеева стало изучение творческого наследия И. Канта и написание работы «Самое святое, что есть у Бога на земле» (1998 г.). В ней он вернулся к ценностному измерению права, осознанию его особой роли в жизни общества. Один из главных итогов его исследования заключается в том, что право – не просто один из элементов

¹ Подробнее см.: *Архипов С. И.* Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 5. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/517> (дата обращения: 12.06.2022). Высказанное критическое отношение к перспективе учреждения цивилитарного строя в России не означает принципиального отрицания идеи В. С. Нерсисянца о целесообразности осуществления денежных выплат от использования государственного имущества, но, чтобы не формировать всеобщий «дух иждивенчества», данную идею, на наш взгляд, следует применить в отношении нуждающихся в социальной защите граждан: пенсионеров, инвалидов, малоимущих.

² Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. С. 160.

³ Там же. С. 38.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. С. 101.

в ряду многих социальных ценностей, важный общественный институт, а ценность высшего порядка, «самое святое», что есть у человеческого рода; что именно в нем заключен «замысел» природы, наше социальное будущее, конечная цель общественного развития; что правовое общение делает человека социальным существом, личностью¹.

Начиная с 1991 г., основатель уральской школы теории права особое внимание уделял проблеме правового будущего России. Анализируя отечественную историю, традиции, национальные особенности, он пришел к выводу, что страна уже испытала на себе негативные последствия отхода от магистрального пути развития человечества: «Для России путь в будущее – это путь, общий для всей цивилизации: путь свободы, неуклонное движение к свободному, саморегулирующемуся обществу, центром которого является человек, его права и достоинство»². Вместе с тем он не подвергал сомнению историческую значимость, необходимость учета таких известных принципов организации социального быта и государственного устройства народа, как «соборность», «общинность», «державность» и др.

Указывая на существенные недостатки капитализма и его «родной сестры» демократии, он, тем не менее, отмечал безальтернативность прохождения Россией данной ступени на пути исторического прогресса. С его точки зрения, для успешного экономического развития, процветания страны важно, чтобы возрождаемый капитализм был «классическим», основанным на принципах свободной конкуренции, состязательности хозяйствующих субъектов (не монополистическим). Прерванная революцией 1917 г. фаза естественной экономической и политической эволюции общества должна быть пройдена современной Россией, в этом он усматривал объективную социальную закономерность.

Обсуждая стратегию реформирования политико-правовой системы страны, российский правовед выделял следующие ее основания. Центральным пунктом в новой системе социальных координат должен быть человек, его интересы, права и свободы. Для поступательного развития общества в данном направлении необходимо сформировать цивилизованную собственность. Речь идет о производительной частной собственности, которая включает в себе мощные стимулы к напряженному труду, инвестициям, побуждает к рачительному, хозяйскому отношению к вещам. Социально-правовой прогресс не может произойти без духовного русского возрождения, без освобождения человека от всех форм политического гнета, пресса государственной идеологии, без создания системы, в которой торжествуют не формальные юридические нормы, а правозаконность³.

В процессе правового возрождения России, по убеждению С. С. Алексеева, особая миссия уготована системе частного права. В ней он видел главный источник правового прогресса, своего рода энергетический центр, в котором зарождаются импульсы социального обновления. Возрождение страны должно идти не сверху вниз, а посредством формирования внутренних предпосылок, приводящих в движение общественный организм. Именно частное право способно создать такие предпосылки, заложить фундамент гражданского общества и правового государства. Он проводил историческую параллель с Древним Римом, где зарождение частного права стало мощным толчком к интенсивному правовому развитию общества, имело «взрывной» эффект⁴.

Идеи С. С. Алексеева о всемирном правовом прогрессе и особенностях правового развития страны получили воплощение в правовой системе России, в Конституции 1993 г., Гражданском кодексе, других законодательных актах, в разработке которых он принимал активное участие. В них материализовались представления российского

¹ Подробнее см.: *Архипов С. И.* Идея правового прогресса в трудах С. С. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 6. С. 7–8. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1556> (дата обращения: 12.06.2022).

² *Алексеев С. С.* Будущее России: научно-публицистический очерк // *Алексеев С. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Публицистика. М.: Статут, 2010. С. 423.

³ *Алексеев С. С.* Стратегия реформ // *Алексеев С. С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Публицистика. М.: Статут, 2010. С. 488–491.

⁴ *Алексеев С. С.* Частное право: научно-публицистический очерк. М.: Статут, 1999. С. 78–79.

правоведа о необходимости конституционного закрепления естественных, неотчуждаемых прав человека, о разумном мироустройстве на основе принципов правового равенства, свободы и справедливости.

Среди специальных работ, посвященных проблеме правового прогресса в глобальном и национальном масштабе, можно выделить монографию и диссертационное исследование «Развитие правовой культуры как правовой прогресс», подготовленные одним из представителей уральской школы теории права А. П. Семитко. За основу при определении цели и траектории правового прогресса, по его мнению, следует брать личность, персону, человека как меру всех вещей¹. Правовое развитие человечества проявляется в расширении объема прав, свобод личности, в повышении уровня ее защищенности. Социально-правовой прогресс рассматривается автором сквозь призму правовой культуры, под которой понимается «обусловленное социально-экономическим, духовным, психологическим, историческим и т. п. строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне правового сознания и правового развития субъекта, уровне правовой деятельности и уровне юридических актов, иных текстов правового характера, а также степени гарантированной правом и государством свободы личности в единстве с ее ответственностью перед обществом»².

Сама идея исследования процесса развития правовой культуры как правового прогресса представляется вполне обоснованной. На наш взгляд, в правовой культуре, если понимать ее предельно широко (как и предлагает автор концепции), аккумулируется правовой прогресс. Анализ состояния правовой культуры позволяет оценить достигнутый нацией, цивилизацией, а также всем человечеством уровень правового развития, включая не только накопленные знания, освоенные правовые технологии, но и коммуникативный опыт, созданную социально-правовую инфраструктуру: правотворческую, судебную систему, контрольно-надзорные органы, организацию исполнения правовых предписаний, сформированную государствами глобальную систему международно-правовой безопасности. В этом смысле правовая культура, центром которой выступают человек и созданный им правовой мир, является материальным и духовным воплощением правового прогресса, его главным свидетельством.

А. П. Семитко выделяет два типа правовой культуры: социоцентристский и персоноцентристский. Для социоцентристского типа приоритетными являются государственные, общественные, коллективные интересы; для персоноцентристского – интересы индивида, личности, ее права и свободы. Первый тип основывается прежде всего на юридических обязанностях и запретах, второй – на дозволениях, договорных отношениях. По мысли автора, правовое развитие во всемирно-историческом масштабе заключается в переходе человечества от социоцентристского к персоноцентристскому типу правовой культуры (первый период правового развития завершился в конце XVIII в.; после него начался переход ко второму типу правовой культуры, продолжавшийся вплоть до 80–90-х гг. XX в.; в настоящее же время наступила эпоха утверждения персоноцентризма)³.

Основной движущей силой правового прогресса, согласно представлениям А. П. Семитко, должно выступать профессиональное юридическое сообщество, включающее в себя как практикующих юристов (судей, прокуроров, адвокатов, нотариусов), так и ученых-правоведов, преподавателей юридических дисциплин, теоретиков права. Юристы – носители правовых ценностей, идеалов свободы, равенства, справедливости, «священнослужители» правового прогресса. Речь идет скорее о долге, о призвании («юристы, в истинном смысле этого слова, должны были служить идеалам права и общества... призваны защищать личность от произвола любого субъекта,

¹ Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. С. 7.

² Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. С. 6.

³ Семитко А. П. Типы правовой культуры и этапы правового развития (правового прогресса) // Вестник Гуманитарного университета: Сер.: Право. 2002. № 1; Его же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. С. 147–194.

в том числе от произвола государства»¹), чем о реальном положении дел. Нередко профессиональные юристы служат не высоким идеалам «добра и справедливости», а власти, суверену, преследуют меркантильные интересы.

Особую роль в процессе правового развития общества, в формировании правовой культуры А. П. Семитко отводит правовому воспитанию и юридическому образованию. Под воспитанием понимается целенаправленное воздействие на сознание индивидов – субъектов права, способ трансляции культуры, передачи социального опыта, образцов поведения, норм, ценностей, идеалов одного поколения другому. Цели правового воспитания, по его мнению, и есть цели правового прогресса (при условии, что они не расходятся с правовыми идеалами). Правовое воспитание и правовое развитие общества неразрывно связаны с юридическим образованием. Оно является одним из ключевых факторов правового прогресса, создания правового государства, перехода от социоцентристского к персоноцентристскому типу правовой культуры.

Становление и развитие российского права, согласно представлениям А. П. Семитко, происходит по общим законам правовой сферы, хотя и со своей спецификой. Генеральный вектор (направленность) социально-правового развития страны определен Конституцией России 1993 г. – это защита прав и свобод человека и гражданина, построение правового государства. Отсюда вполне логичным, целесообразным было вхождение Российского государства в Совет Европы. Однако исторические традиции, сознание народа диктуют необходимость поиска компромисса: во-первых, признание приоритета Конституции России по отношению к решениям международных судов; во-вторых, определение оптимального темпа своего правового развития с учетом степени готовности общества к правовым преобразованиям².

Автор персоноцентристской теории правового прогресса полагает, что Россия в настоящее время переживает «коперниканский переворот», который выражается в трансформации фундаментальных ценностей и ориентиров развития общества. Государство как высшая ценность и исходный центр социальной системы уступает место индивиду, личности (согласно ст. 2 Конституции России «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»). На этом основании исследователь приходит к выводу, что тип правовой системы в России изменился: раньше он был социоцентристским (социалистическим), ориентированным на общественные интересы, теперь же он персоноцентристский, ориентированный на личность³. Он уверен в том, что данный процесс преобразований, модернизации является необратимым. Кардинальные изменения, по мнению А. П. Семитко, происходят и в российской юридической науке, где зарождается своего рода революция в мировоззрении и методологических ориентирах научного сообщества (идет смена парадигм), а также в сфере юридического образования, профессиональной подготовки юристов.

При осуществлении правовой модернизации Российского государства и общества автор предлагает в качестве ориентира брать не искаженные в результате кризиса западной культуры представления об идеальном мироустройстве, а исходные образы права, сформировавшиеся еще в эпоху Просвещения. В целом, как полагает А. П. Семитко, наша правовая модернизация имеет «догоняющий» характер, поскольку уровень правозащитного движения в стране уступает Западу, но по некоторым параметрам (например, деятельности института конституционной юстиции) Россия находится на передовых рубежах⁴. Оценивая ход, тенденции и перспективы правового развития страны, он высказывает предположение, что Россия способна осуществить ту «всемирно-историческую миссию», которая оказалась непосильной для западной

¹ Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. С. 211.

² Семитко А. П. Правовое развитие России: некоторые проблемы и решения // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Гуманитар. ун-та, 12–13 апреля 2016 г.: доклады: в 2 т. / редкол.: Л. А. Закс и др. Екатеринбург: Изд-во ГУ, 2016. Т. 2. С. 256–257.

³ Семитко А. П. 20 лет правового развития России: еще не время подводить итоги // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. ГУ (19–20 апреля 2011 г.): в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 2011. Т. 1. С. 404.

⁴ Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета: Сер.: Право. 2017. № 4. С. 35.

цивилизации, а именно воплотить в жизнь высокие идеалы эпохи Просвещения. Тогда она из вечно догоняющей Запад державы может стать форпостом правовой культуры и прогресса¹.

Также в русле западной культурно-правовой традиции рассматривает перспективы развития правовой системы России председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. В ряде своих публикаций он отмечает обусловленность правового пути Российского государства и общества общими закономерностями развития человечества как правовой цивилизации². При этом под «общими закономерностями» им понимаются тенденции, присущие западному правовому миру. По его мнению, есть смысл говорить «не о каком-то особом пути России, проклинаемом одними и восхваляемом другими, а просто о российской реальности в ее соотношении с правом и о праве в его современном понимании как меры свободы, выраженном в юридическом равенстве и справедливости»³. Есть общая – «столбовая», безальтернативная – дорога, по которой должны пройти все страны и народы, включая Россию. Мы должны перестать метаться из стороны в сторону, преодолеть наконец стоящий перед нами барьер, отделяющий нас от заветной цели – правового государства.

Движение по общей социально-правовой дороге, согласно позиции В. Д. Зорькина, должно осуществляться с учетом двух важных факторов: 1) *несинхронности всемирно-исторического развития народов* (различные страны находятся на разных ступенях лестницы правового прогресса, некоторые ушли вперед, другие отстают, а потому законодательное регулирование должно осуществляться исходя из существующих реалий); 2) *фундаментальной культурной специфики* каждой страны, народа, их исторического опыта, национально-правовых традиций, обычаев.

По убеждению В. Д. Зорькина, подлинный традиционализм в XXI столетии в России невозможен, в «тихой гавани архаики» наш корабль сгниет, у страны есть только один путь – подлинной модернизации⁴. Ядром общества эпохи модерна он называет культ права, превращение его в своего рода светскую религию. Однако новая светская вера во всемогущество закона, в силу права способна подорвать саму основу системы традиционной саморегуляции общества. Он справедливо отмечает, что страны Европы, успешно освоившие новую систему социальной регуляции, в значительной мере утратили «старые добрые» социальные регуляторы. Теперь для них колесо истории уже нельзя повернуть вспять. Учитывая данные обстоятельства, у реформаторов России, на наш взгляд, возникает трудноразрешимая проблема совмещения несовместимого. Как российскому народу в процессе «подлинной модернизации» общества не утратить собственную национальную самобытность, «фундаментальную культурную специфику»? Как русскому, татарину или удмурту избежать участи французов, немцев или голландцев, теряющих в результате европейской культурно-правовой унификации собственную национальную идентичность, превращающихся в нивелированное с точки зрения этнических различий множество «граждан объединенной Европы»?

В. Д. Зорькин предлагает соединить российские традиции соборности, общинности и коллективизма с западными, основанными на психологии индивидуализма социально-правовыми идеалами, теориями правового и социального государства. Но как это сделать, если, по его мнению, процесс правовой модернизации базируется на ином фундаменте, на другой вере? В своих работах он не дает готового рецепта для решения данной проблемы. По его мнению, наиболее подходящей для России является формула Б. Н. Чичерина «Либеральные меры – сильная власть»⁵. Но для Б. Н. Чичерина «сильная власть» – это не демократически избранная, а «железная» воля несменяемого российского императора. Ее сила заключалась в опоре на

¹ Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России. С. 56–67.

² Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма : Инфра-М, 2011; *Его же*. Правовой путь России. М.: Библиотечка РГ, 2014. Вып. 8; *Его же*. Цивилизация права и развитие России: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма : Инфра-М, 2016; *Его же*. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

³ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. С. 5.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 76.

патриархальный общинный уклад, православие, традиции народа, она покоилась на чувственном, подсознательном отношении подданных к своему монарху, на полном доверии к нему.

Либеральные западные реформы, нацеленные на раздробление общины, на формирование слоя свободных земельных собственников, – это не основа сильной монархической власти, а главная причина ее разложения, утраты исходного социального фундамента, на котором она покоилась, а также того патриархального чувства единения народа со своим владыкой-«отцом», которое на протяжении веков было мощным психологическим фактором устойчивости, непоколебимости монархической власти. Именно поэтому, на наш взгляд, закономерным итогом столыпинских реформ в России стало разрушение монархического строя. Формула Б. Н. Чичерина представляется пригодной для трансформации государства восточного типа в демократию западного образца, как стартовая позиция модернизации общества, но как основа мироустройства для современного российского общества, стремящегося сохранить свои культурные традиции и одновременно обеспечить социально-правовой и экономический прогресс, она нуждается в критическом переосмыслении. Необходимо также определить, что подразумевает идея «сильной власти» и что следует понимать под «либеральными мерами».

Спорным представляется и тезис В. Д. Зорькина о неразрывной связи права с демократией: одно, по его мнению, не может существовать без другого. Торжество права в будущем мироустройстве он обуславливает наличием демократического строя. При этом он не учитывает тот глубочайший кризис демократических ценностей, который возник и все более усугубляется в современном западном обществе, то внутреннее разочарование, которое нарастает в сознании европейцев по отношению к их «священному» институту, а также неприятие его в странах Востока. На наш взгляд, рассматривать демократию в качестве безусловного императива для современного и тем более будущего устройства правового мира – не самая конструктивная идея. Нужен поиск альтернатив, учитывающий принципиальные различия политической и правовой форм коммуникации.

В одной из новых публикаций, посвященных праву будущего, В. Д. Зорькин отмечает, с одной стороны, опасность возникновения неизвестного ранее типа социальной диктатуры – цифровой, основанной на манипулировании человеческими страхами посредством массмедиа и новых технических средств; с другой – необходимость продолжения усилий по созданию идеального правового мироустройства, в основе которого – «все те же вечные ценности свободы и справедливости, о которых говорил во II в. Ульпиан и до наших дней спорят юристы»¹. Он высказывает предположение, что в правовой системе будущего, как это ни парадоксально, главную правозащитную функцию призвано выполнять государство, оно также должно осуществлять необходимую социальную заботу в отношении своих граждан. На смену нынешней эпохи постмодерна, по его мнению, должен прийти метамодерн – социально-правовая система, которая предполагает признание и конституирование «самости» существующих государств, их культурно-правовой идентичности, осознание социально-правовой ценности индивида, человеческого достоинства, сохранение и укрепление основ эпохи Просвещения (модерна): ценностей свободы, равенства, добра и справедливости².

На наш взгляд, концепция правового будущего человечества В. Д. Зорькина зиждется на весьма спорной исходной посылке, согласно которой западная система ценностей и основанная на ней линия развития европейской цивилизации – это не один из возможных «сценариев» социально-правового прогресса, а всеобщий закон, в соответствии с которым осуществляется правовая эмансипация человечества. Россия, как и другие страны, чтобы не оказаться «на обочине правового прогресса», должна следовать проложенному Западом курсу. Но проблема в том, что западная цивилизация, несмотря на значительные достижения в правовой сфере, в юридическом образовании и науке, на ее внешнее величие, так и осталась локальной – европейской и частично североамериканской, она не трансформировалась в общемировую. В ней

¹ Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации. С. 7–19.

² Там же. С. 17–18.

есть элементы всеобщего, но есть и особенное, присущее только европейскому сознанию, культуре. Чтобы определить перспективы правового развития человечества, необходимо критически переосмыслить правовое наследие западной цивилизации, исключить из него особенное и попытаться вычлениить то общее, что может быть положено в основу теории правового прогресса.

Кроме того, необходимо учитывать, что Западный мир в настоящее время переживает глобальный цивилизационный кризис, связанный с утратой веры в те социально-правовые идеалы, на которые предлагает ориентироваться В. Д. Зорькин. В основании этого кризиса, на наш взгляд, лежит внутреннее противоречие между «нравственным фасадом» и «безнравственным духом» западной цивилизации. Правовая оболочка («нравственный фасад») уже не в состоянии скрыть агрессивную природу стоящего за ней мирового гегемона. В борьбе за сохранение всемирного господства Запад готов пожертвовать базовыми правовыми ценностями, составляющими основу его существования как культурной целостности. Для России же, чтобы не оказаться вместе со странами Западного мира в одном цивилизационном тупике, не растерять свои нравственно-правовые ценности, важно сделать правильный цивилизационный выбор.

В конце XX – начале XXI в. проблемы цивилизационно-правового самоопределения России, ее культурно-правовой самоидентификации, поиска собственного национально-правового пути развития приобрели особую актуальность. В связи с отказом от господствовавшей в советский период марксистской идеологии и глобальным кризисом западной правовой культуры в отечественной юридической науке сформировался устойчивый интерес к исследованию российской правовой системы как особого, самоценного культурного феномена. Интересные концептуальные положения по данной проблеме были сформулированы в работах В. Н. Синюкова¹. По его мнению, для российской правовой системы наступает «новое историческое время», эпоха «Русского Возрождения», вызревает «тектонический сдвиг» в правовом сознании народа, его культурной идентификации². В обществе происходят глубинные процессы переосмысления собственной государственной и правовой истории, накопленных уникальных духовных ценностей, сформированных веками культурных традиций.

Российская правовая система, по мнению В. Н. Синюкова, является квазироманской, она духовно, культурно-исторически так и не вошла в романо-германскую правовую семью, не интегрировалась в нее. В качестве основ русской юридической традиции он отмечает православие, неразрывную связь с государством (для которого характерны деперсонализация власти, народность, «земскость», внеклассовая и внесословная социальность – соборность), коллективизм в сознании и хозяйственной деятельности, этические принципы нестяжательства, благочестия, человеколюбия, а также антирационализм и антиформализм правового мышления, слитность права и морали³.

Отстаивая идею собственного пути развития российского права, автор концепции национальной правовой самоидентификации вынужден признать, что в культурно-правовой истории России трудно найти вектор ее развития, однозначно определить последовательность стадий прогресса. Эволюционная парадигма, предполагающая

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система (вопросы теории): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995; *Его же*. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010; *Его же*. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // *Lex russica*. 2021. № 2; Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Проблемы обновления методологии юридической науки в России // *Российский юридический журнал*. 2009. № 8.

² Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. С. 24, 181.

³ Там же. С. 215–217. М. Н. Марченко также исходил из того, что российское право всегда было и остается самобытным, уникальным явлением, что у него есть лишь внешнее сходство с романо-германским правом, глубинной же, внутренней связи между ними нет; он разделял идею типологии правовых систем на «цивилизационной» основе и отстаивал необходимость отказа от слепого следования западному курсу (Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М.: ООО «Городец-издат», 2002. С. 763–778, 791; *Его же*. Проблемы теории государства и права: учеб. М.: Проспект, 2001. 530–554; *Его же*. О перспективах развития российского государства и права // *Вестник МГУ. Сер. 2: Юридические науки*. 2017. № 4; *Его же*. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // *Lex russica*. 2018. № 5; *Его же*. Тенденции развития права в современном мире: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021).

восхождение к некоему идеалу, наличие непрерывной череды ступеней развития социальной системы, каждая из которых находится на более высоком уровне по отношению к предыдущей, не вполне применима к национально-правовым системам как феноменам культуры. Согласно позиции В. Н. Синюкова, речь идет о статической правовой сущности, в рамках которой происходит «внутренний круговорот различных культурно-стилевых преобразований и эволюций, образующих неповторимый рисунок истории национального права»¹. Тем не менее в истории российского права он выделяет кризисные периоды (например, XVIII в.), «великолепную культурную эволюцию» в советский период, «звездный час» российского права (60–70 гг. XX в.), эпоху «Российского Возрождения»² (современный период); следовательно, можно предположить, что эволюционная парадигма все же не чужда автору данной концепции. Подтверждением данного предположения является приводимая им характеристика российского права как устремленного в «лучшее» будущее, заключающее в себе некий образ, идеал мироустройства³. Исходя из этой внутренней целеустремленности национальной правовой системы, он ставит перед отечественной юридической наукой задачу создания адекватных теоретических представлений о прогрессе российского права и поиска возможных путей его развития в XXI в.

В целях преодоления отчуждения существующей в стране нормативной системы от культурно-правовых основ российского общества В. Н. Синюков предлагает реанимировать предправовые источники, отношения и структуры (развивать местную правовую культуру, системы традиционного, обычного, сакрального регулирования, создавать альтернативные юридические механизмы разрешения социальных конфликтов и т. д.). Что касается формирования в России правового государства, то, по его мнению, оно должно быть незападного (неклассического) типа. В нем должна быть заключена не абстрактная правовая идея, а национально-правовой дух, учтены особенности сознания российского народа, его культурные традиции. России необходимо государство не с ограниченными функциями «ночного сторожа», а максимально полномочное, «тоталитарное», но имеющее «строго определенное назначение как способ выражения национального жизнестроительства»⁴. Он убежден в том, что отечественному правовому укладу должна соответствовать не многопартийность западного образца, а устойчивая однопартийная структура национально-демократической ориентации, объединяющая различные политические силы.

В одной из новых публикаций В. Н. Синюков анализирует зарождение и развитие совершенно иной тенденции в правовом регулировании социальных отношений, которая в определенной мере идет вразрез с высказанной им гипотезой о наступлении эпохи национально-культурного возрождения российского права. В связи с развитием революционных технологий, появлением виртуальной реальности, искусственного интеллекта, создаваемых в результате генной инженерии «неестественных» социальных субъектов, по его мнению, существует угроза разрыва формировавшейся веками культурно-правовой традиции, возможность системной трансформации социально-правовых отношений, самой сущности права⁵. Становление цифрового права, использование в социальной сфере искусственного разума приводят к тому, что нравственные принципы, культурные традиции, правовые и иные ценности начинают нивелироваться в правовой коммуникации, она становится «бессубъектной». Технологическое право вытесняет человека как нравственную сущность за рамки правового поля. По мнению В. Н. Синюкова, формируется принципиально новое явление – *право без человека*. В этом автор анализируемой концепции видит глобальный вызов российской правовой системе, а также отечественной юридической науке. Как российскому праву сохранить свою культурную идентичность, нравственную основу и успешно опосредовать, освоить новую реальность?

На наш взгляд, В. Н. Синюков верно определил новую тенденцию в правовом регулировании сферы социальных инноваций и опасности, которые она порождает

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. С. 104.

² Там же. С. 159, 181, 229.

³ Там же. С. 260, 263.

⁴ Там же. С. 349.

⁵ Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна. С. 9, 16–18.

ет. Данная тенденция имеет общемировой характер, проявляется в странах как Запада, так и Востока. С одной стороны, современные технологии и опосредующее их право заключают в себе огромный позитивный потенциал с точки зрения экономики, развития социальных, юридических отношений. В частности, они выводят на новый уровень коммерческую торговлю, сферу услуг, финансовые расчеты, существенно ускоряют совершение сделок и обеспечивают их юридическую надежность, стабилизируют имущественный оборот, способствуют решению злободневной для России проблемы беспристрастности рассмотрения судебных споров (электронное правосудие). С другой стороны, они создают угрозу массовой безработицы, появления системы тотального контроля за частной жизнью граждан, нарушения элементарных прав человека в этой сфере.

Первоначально создаваемые для улучшения качества жизни человека технологические инновации очень скоро начинают использоваться в противоположных целях. Человечество еще не оправилось от эпохи государственного тоталитаризма, а уже оказалось на пороге новой эры «технократического рабства». Внешне подчинение человека новым правилам жизни выглядит как лишенное всякой идеологической подоплеки исполнение объективных требований, не зависящих от воли участников социальной коммуникации. Если в тоталитарном обществе диктатура осуществляется прямо, открыто, посредством всеобщих законов и подзаконных актов, то в современном «инновационном» обществе – скрытно, под покровом осуществления технологических требований. Уходящую волну правового либерализма сменяет волна технопозитивизма.

Возможно, В. Н. Синюков не совсем прав, утверждая, что в современном мире формируются бессубъектные правовые отношения. Они, на наш взгляд, субъектны, но вместо реальных, чувствующих и мыслящих индивидов их участниками назначены «по технологическим соображениям» электронные агенты, обезличенные покупатели и продавцы, плательщики и получатели денежных средств. В число этих обезличенных правовых персон можно включить электронную программу, роботов, «правовых мопсов». Происходит искусственное размножение субъектов права для целей «упрощения» и «ускорения» правового оборота («классические» субъекты права целенаправленно вытесняются «постклассическими» симулякрами – копиями, не имеющими в реальной жизни оригиналов). В основании «инновационной» правовой гиперреальности лежит зарождающийся технопозитивистский тип правового сознания определенной части населения, а также утративших профессиональные ценностные ориентиры юристов.

Если профессиональное юридическое сообщество не унаследовало той системы культурно-правовых ценностей, о которых пишет В. Н. Синюков, или в результате кризиса западного правового сознания лишилось внутреннего духовно-правового стержня, то для заинтересованных в новом технопорядке экономических и политических элит практически нет препятствий на пути осуществления их прагматических целей. Таким образом, Россия сегодня в очередной раз оказалась перед непростым цивилизационным выбором: угасающий западный правовой либерализм, национальная культурно-правовая самоидентификация или зарождающийся правовой технократизм.

Идею культурно-правового и политического «оздоровления русского национального организма» также отстаивает в своих трудах А. Н. Кокотов¹. Правовое и политическое будущее России он видит в укреплении духовных основ русского народа, культурных корней российской государственности и права. По его мнению, в современном отечественном общественном сознании доминирует точка зрения о безусловном примате общечеловеческих ценностей, прав абстрактного человека, вследствие чего игнорируются особые национальные интересы, права отдельных этносов. Возвышение всеобщего и принижение национального несет в себе опасность социальных конфликтов. Требуются гармония, органическое сочетание индивидуальных, групповых, коллективных, национальных и общесоциальных интересов. Идея русского культурного возрождения – это не проявление национализма, а восстановление необходимого баланса общественных интересов.

¹ Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1994. С. 4.

Культурно-правовое развитие любого этноса, включая нацию, предполагает наличие у него возможности быть участником правовой коммуникации. А. Н. Кокотов приходит к выводу, что у каждого этноса отсутствует такой важнейший атрибут субъекта права, как единая воля. Он может обладать правами, состоять в правоотношениях, но совершенно не способен самостоятельно осуществлять свои правомочия (является правосубъектным, но абсолютно недееспособным). Материализация правового статуса этноса, согласно представлениям автора, – это одна из глобальных и наиболее трудноразрешимых задач. Русская нация, как и любой другой этнос, вправе претендовать на сохранение своей самостоятельности и на собственное правовое развитие. Реализация русской нацией своего (национального) суверенитета, по мнению А. Н. Кокотова, подразумевает признание за ней права на существование, а также прав на национальную территорию, на самобытность (они рассматриваются им в качестве правомочий, детализирующих право русской нации на самоопределение и право внутрирусских групп на защиту)¹.

Перспективу дальнейшей эволюции российской государственности А. Н. Кокотов видит в трансформации псевдофедерации в унитарное государство с наличием множества автономий, включая законодательно-территориальные. Он допускает возможность преобразования некоторых ныне существующих национальных республик во внутренние государства, определяющие свои отношения с унитарной Россией на основе двусторонних межгосударственных договоров. Что касается отдаленного будущего, то ученый, с одной стороны, не исключает появления в Евразии в результате активизации процесса национально-государственного размежевания этносов русского национального государства. С другой стороны, миссию объединительного наднационального института, по его мнению, могло бы выполнить Содружество Независимых Государств – созданная на договорной основе евразийская конфедерация².

Иной взгляд на правовое будущее России, перспективы ее развития отстаивает В. В. Сорокин. По его мнению, российское общество утратило понимание «высшего смысла своего существования», отечественная наука «оторвалась от своих корней и дрейфует в лоне западничества», «оперирует либеральными ценностями»³. Алтайский правовед предлагает «христианский взгляд на право» во имя спасения российской правовой культуры, восстановления преемственности национальной философской и правовой мысли. Он убежден в том, что наука и религия не противоречат друг другу, что к истине в правовых исследованиях, в постижении права можно прийти через религию; для максимально полного, глубокого и всестороннего изучения правовой сферы российская юридическая наука нуждается в религиозной философии права⁴. Христианско-православное переосмысление права, согласно его концепции, должно способствовать изменению духовного климата в обществе, искоренению нежелательных, вредных тенденций, укреплению общественной морали и правопорядка.

В. В. Сорокин квалифицирует отечественный тип правопонимания как православный, поскольку именно православие лежит в основе правовой культуры российского народа. Православная традиция «оказалась самой приближенной к цели духовного совершенствования человеческого общества»⁵, православие относится к праву как национальному достоянию России, ее высшей святыне. Возрождение России автор связывает с восстановлением данной традиции, с отказом от кантовских и иных инородных западных идей. Современное российское общество «требует» создания синтетической теории права, духовным базисом которой будет православие. Следует вести постоянную работу по «очищению» отечественного правосознания от чуждых воззрений. Он предлагает признать ошибочным положение Конституции России

¹ Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность (Конституционно-правовой аспект взаимоотношений): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С. 8, 30–31.

² Там же С. 37; Кокотов А. Н. Об идеальной и реальной формах государственного устройства России // Российский юридический журнал. 1995. № 3. С. 51–52.

³ Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: моногр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. С. 5.

⁴ Там же. С. 10–11.

⁵ Там же. С. 269.

о недопустимости существования государственной идеологии; официальной государственной идеологией должно быть православие¹.

На наш взгляд, основная идея В. В. Сорокина о необходимости укрепления духовно-нравственных основ российского общества, сохранения и развития культурных традиций народа вполне конструктивна. Осознание роли православия как исторического выбора русского народа, определившего его судьбу, культурный код, возникло еще в дореволюционную эпоху, об этом писали известные российские философы и правоведы. Значение роли христианства как фактора социального и правового прогресса отмечалось многими западными мыслителями. Что же касается предложения о признании православия в качестве официальной государственной идеологии, то в случае практического осуществления данная инициатива будет иметь весьма негативные последствия для российской государственности и правопорядка.

Во-первых, не стоит забывать, что российский народ многонациональный, исповедующий различные религии (по разным подсчетам, в России от 10 до 20 млн мусульман, более 2 млн протестантов, от 500 до 700 тыс. буддистов, от 200 до 300 тыс. католиков, более 200 тыс. исповедуют иудаизм). Признание в Конституции России в качестве официальной идеологии православия – это прямой вызов инакомыслящим, акт религиозного раскола, который будет иметь разрушительные последствия для единства и территориальной целостности государства.

Во-вторых, по сути, В. В. Сорокин предлагает «перейти Рубикон», разделяющий религию и право, признать религию в качестве внешнего регулятора социальных отношений. В современном светском государстве сфера правового регулирования ограничивается внешними (поведенческими) отношениями (закон может карать за поступки, но не за мысли), религия ограничивается внутренним миром (сознанием) индивида. В период Средневековья этот хрупкий баланс был нарушен, христианская религия вторглась в сферу социально-правового регулирования. Результаты данного вторжения известны: «святая инквизиция» с ее судами над еретиками, религиозные войны, крестовые походы и т. д. Исторический опыт подсказывает, что лучше оставить «кесарю кесарево», не нарушать существующие границы, разделяющие религию и право.

В-третьих, В. В. Сорокин, возможно, недооценивает регулятивный потенциал права. Религия, как и политика, способна разделять народы, государства, индивидов, право же, напротив, может их объединять. Система римского частного права, основанная на принципах свободы субъектов и совмещения их произволов, история его успешного применения на протяжении многих веков – пример такой объединительной способности. Люди, исповедующие разные религии, живущие в разных политических системах, плодотворно взаимодействуют, осуществляют коммерческую и иную деятельность на основе тех юридических конструкций, которые были созданы две тысячи лет назад римскими юристами. Кроме того, исходные принципы римского частного права стали фундаментом правового объединения европейских стран, создания ими Евросоюза. Российская государственность, на наш взгляд, скорее нуждается в прочных правовых основах народного единства, чем в религиозном расколе.

Список литературы

Алексеев С. С. Будущее России: научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Публицистика. М.: Статут, 2010. С. 378–443.

Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.

Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. 224 с.

Алексеев С. С. Стратегия реформ // Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Публицистика. М.: Статут, 2010. С. 444–494.

Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. М.: Статут, 1999. 160 с.

Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах С. С. Алексеева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 6. С. 5–10. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1556> (дата обращения: 12.06.2022).

Архипов С. И. Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 5. С. 5–14. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/517> (дата обращения: 12.06.2022).

¹ Сорокин В. В. Указ. соч. С. 271–272.

Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма : Инфра-М, 2011. 720 с.

Зорькин В. Д. Правовой путь России. М.: Библиотечка РГ, 2014. Вып. 8. 192 с.

Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России: моногр. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма : Инфра-М, 2016. 416 с.

Кокотов А. Н. Об идеальной и реальной формах государственного устройства России // Российский юридический журнал. 1995. № 3. С. 49–57.

Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность (Конституционно-правовой аспект взаимоотношений): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 39 с.

Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1994. 126 с.

Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М.: ООО «Городец-издат», 2002. 1068 с.

Марченко М. Н. О перспективах развития российского государства и права // Вестник МГУ. Сер. 2: Юридические науки. 2017. № 4. С. 5–11.

Марченко М. Н. Основные тенденции развития российского государства и права на современном этапе // Lex russica. 2018. № 5. С. 19–32.

Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М.: Проспект, 2001. 760 с.

Марченко М. Н. Тенденции развития права в современном мире: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 376 с.

Нерсесянц В. С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992. 349 с.

Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М.: Юрист, 1996. 160 с.

Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М.: Норма : Инфра-М, 1997. 652 с.

Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М.: Норма : Инфра-М, 2002. 288 с.

Семитко А. П. 20 лет правового развития России: еще не время подводить итоги // 20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. ГУ (19–20 апреля 2011 г.): в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 2011. Т. 1. С. 404–413.

Семитко А. П. Правовое развитие России: некоторые проблемы и решения // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Гуманитар. ун-та, 12–13 апреля 2016 г.: доклады: в 2 т. / редкол.: Л. А. Закс и др. Екатеринбург: Изд-во ГУ, 2016. Т. 2. С. 248–258.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 288 с.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА; Изд-во Гуманитар. ун-та, 1996. 313 с.

Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета: Сер.: Право. 2017. № 4. С. 32–72.

Семитко А. П. Типы правовой культуры и этапы правового развития (правового прогресса) // Вестник Гуманитарного университета: Сер.: Право. 2002. № 1. С. 44–77.

Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2. С. 9–20.

Синюков В. Н. Российская правовая система (вопросы теории): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. 421 с.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010. 672 с.

Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Проблемы обновления методологии юридической науки в России // Российский юридический журнал. 2009. № 8. С. 22–41.

Сорокин В. В. Типы правопонимания и сущность права: моногр. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2021. 275 с.

References

Alekseev S. S. (1971) *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve* [The social value of law in Soviet society]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 224 p.

Alekseev S. S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]: in 2 vols. Moscow, Yuridicheskaya literatura, vol. 1, 360 p.

Alekseev S. S. (1999) *Chastnoe pravo: nauchno-publitsisticheskii ocherk* [Private law: a scientific and journalistic essay]. Moscow, Statut, 160 p.

Alekseev S. S. (2010) *Budushchee Rossii: nauchno-publitsisticheskii ocherk* [The future of Russia: a scientific and journalistic essay]. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: in 10 vol. Vol. 9: Publitsistika*. Moscow, Statut, pp. 378–443.

Alekseev S. S. (2010) *Strategiya reform [Strategy of reforms]*. In Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii: in 10 vol. Vol. 9: Publitsistika*. Moscow, Statut, pp. 444–494.

Arkhipov S. I. (2015) *Libertarnaya teoriya prava V. S. Nersesyantsa: dostoinstva i nedostatki [V. S. Nersesyants's libertarian theory of law: the merits and defects]*. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 5–14, available at: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/517> (accessed: 12.06.2022).

Arkhipov S. I. (2019) *Ideya pravovogo progressa v trudakh S. S. Alekseeva [The idea of legal progress in the works by S. S. Alekseev]*. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 5–10, available at: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1556> (accessed: 12.06.2022).

Kokotov A. N. (1994) *Russkaya natsiya i rossiiskaya gosudarstvennost' [Russian nation and Russian statehood]*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, 126 p.

Kokotov A. N. (1995) *Ob ideal'noi i real'noi formakh gosudarstvennogo ustroystva Rossii [On the ideal and real forms of the state structure of Russia]*. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 49–57.

Kokotov A. N. (1995) *Russkaya natsiya i rossiiskaya gosudarstvennost' (Konstitutsionno-pravovoi aspekt vzaimootnoshenii): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Russian nation and Russian statehood (Constitutional and legal aspect of relations): an abstract of a doctor of legal sciences thesis]*. Yekaterinburg, 39 p.

Marchenko M. N. (2001) *Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of theory of state and law]*. Moscow, Prospekt, 760 p.

Marchenko M. N. (2002) *Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya [The course of comparative law]*. Moscow, OOO «Gorodets-izdat», 1068 p.

Marchenko M. N. (2017) *O perspektivakh razvitiya rossiiskogo gosudarstva i prava [On the prospects for the development of the Russian state and law]*. In *Vestnik MGU. Ser. 2: Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 5–11.

Marchenko M. N. (2018) *Osnovnye tendentsii razvitiya rossiiskogo gosudarstva i prava na sovremenom etape [The main trends in the development of the Russian state and law at the present stage]*. In *Lex russica*, no. 5, pp. 19–32.

Marchenko M. N. (2021) *Tendentsii razvitiya prava v sovremenom mire [Trends in the development of law in the modern world]*. Moscow, Prospekt, 376 p.

Nersesyants V. S. (1992) *Nash put' k pravu. Ot sotsializma k tsivilizmu [Our way to law. From socialism to civilism]*. Moscow, Rossiiskoe pravo, 349 p.

Nersesyants V. S. (1996) *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy [Law is the mathematics of freedom. Past experiences and perspectives]*. Moscow, Yurist, 160 p.

Nersesyants V. S. (1997) *Filosofiya prava [Philosophy of law]*. Moscow, Norma, Infra-M, 652 p.

Nersesyants V. S. (2002) *Yurisprudentsiya. Vvedenie v kurs obshchei teorii prava i gosudarstva [Jurisprudence. Introduction to the course of the general theory of law and state]*. Moscow, Norma, Infra-M, 288 p.

Semitko A. P. (1996) *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress [Development of legal culture as legal progress]*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, 313 p.

Semitko A. P. (1996) *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress (problemy teorii i metodologii): dis. ... d-ra yurid. nauk [Development of legal culture as legal progress (problems of theory and methodology): a doctor of legal sciences thesis]*. Yekaterinburg, 288 p.

Semitko A. P. (2002) *Tipy pravovoi kul'tury i etapy pravovogo razvitiya (pravovogo progressa) [Types of legal culture and stages of legal development (legal progress)]*. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta. Ser. Pravo*, no. 1, pp. 44–77.

Semitko A. P. (2011) *20 let pravovogo razvitiya Rossii: eshche ne vremya podvodit' itogi [20 years of legal development of Russia: it's not time to sum up yet]*. In *20 let postsovetsoi Rossii: krizisnye yavleniya i mekhanizmy modernizatsii: conference papers: in 2 vols.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, vol. 1, pp. 404–413.

Semitko A. P. (2016) *Pravovoe razvitie Rossii: nekotorye problemy i resheniya [Legal development of Russia: some problems and solutions]*. In Zaks L. A. et al. (Eds.) *Ustoichivoe razvitie Rossii: vyzovy, riski, strategii: conference papers: in 2 vols.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo GU, vol. 2, pp. 248–258.

Semitko A. P. (2017) *Rossiiskaya pravovaya kul'tura i osobennosti ee modernizatsii: k stoletiyu Oktyabr'skogo gosudarstvennogo perevorota v Rossii [Russian legal culture and features of its modernization: to the centenary of the October Coup d'etat in Russia]*. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta. Ser. Pravo*, no. 4, pp. 32–72.

Sinyukov V. N. (1995) *Rossiiskaya pravovaya sistema (voprosy teorii): dis. ... d-ra yurid. nauk [The Russian legal system (questions of theory): a doctor of legal sciences thesis]*. Saratov, 421 p.

Sinyukov V. N. (2010) *Rossiiskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu [The Russian legal system. Introduction to general theory]*. 2nd ed., add. Moscow, Norma, 672 p.

Sinyukov V. N. (2021) *Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost' i novizna [The law of the XX and XXI centuries: continuity and novelty]*. In *Lex russica*, no. 2, pp. 9–20.

Sinyukov V. N., Sinyukova T. V. (2009) Problemy obnovleniya metodologii yuridicheskoi nauki v Rossii [Problems of updating the methodology of legal science in Russia]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 8, pp. 22–41.

Sorokin V. V. (2021) *Tipy pravoponimaniya i sushchnost' prava* [Types of legal understanding and the essence of law]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 275 p.

Zor'kin V. D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow, Norma : Infra-M, 720 p.

Zor'kin V. D. (2014) *Pravovoi put' Rossii* [The legal way of Russia]. Moscow, Bibliotekha RG, iss. 8, 192 p.

Zor'kin V. D. (2016) *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [The civilization of law and the development of Russia]. 2nd ed. Moscow, Norma : Infra-M, 416 p.

Zor'kin V. D. (2020) Providentia ili o prave budushchego v epokhu tsifrovizatsii [Providentia or on the law of the future in the era of digitalization]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 7–19.

ХОД КОНЕМ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЛЕТАЛЬНОГО ОРУЖИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Дрыгина Анастасия Александровна

Преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Казань),
аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского)
федерального университета (Казань), ORCID: 0000-0002-3099-2413, e-mail: ana_drygina@mail.ru

Статья посвящена проблемам, возникающим в связи с применением нелетального оружия в вооруженном конфликте. Исследуется вопрос законности использования данного оружия в отношении гражданского населения, при том что нормы международного гуманитарного права (далее – МГП) запрещают прямые и умышленные нападения на гражданских лиц. Дается общее описание нелетального оружия и изучаются некоторые его виды. Рассматриваются общие нормы МГП, которые могут регулировать применение нелетального оружия (конкретных норм, регламентирующих использование данного оружия, на данный момент не существует). Автор изучает статус различных категорий лиц, вовлеченных в вооруженный конфликт (лица, взятые в заложники; «живые щиты»; лица, работающие на военных объектах, и др.), а также различные ситуации на поле боя, в которых применение нелетального оружия, в отличие от оружия конвенционного, помогло бы сохранить жизни большего количества гражданских лиц. Делается вывод, что при соблюдении определенных условий нелетальное оружие может быть применено в отношении гражданских лиц.

Ключевые слова: нелетальное оружие, гражданское население, военная необходимость, принцип соразмерности, принцип проведения различия, сопутствующий ущерб

Для цитирования: Дрыгина А. А. Ход конем: использование нелетального оружия по отношению к гражданскому населению во время вооруженного конфликта // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 22–30. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_22.

KNIGHT'S MOVE: THE USE OF NON-LETHAL WEAPONS AGAINST CIVILIANS DURING AN ARMED CONFLICT

Drygina Anastasia

Lecturer, State University of Physical Culture, Sports and Tourism (Kazan),
post-graduate, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan),
ORCID: 0000-0002-3099-2413, e-mail: ana_drygina@mail.ru

The article is devoted to the problems arising due to the use of non-lethal weapons in an armed conflict. It explores the legality of the use of these weapons against the civilian population, despite the fact that the norms of international humanitarian law (hereafter – IHL) prohibit direct and deliberate attacks on civilians. The article provides a general description of non-lethal weapons and studies some of their types. It also discusses the general rules of IHL, which can regulate the use of non-lethal weapons (there are currently no specific rules governing the use of these weapons). The author studies the status of various categories of persons involved in an armed conflict (persons taken hostage, «human shields», persons working at military facilities, etc.), as well as various situations on the battlefield, in which the use of non-

lethal weapons, as opposed to conventional weapons, would help to save the more civilians' lives. The article concludes that, under certain conditions, non-lethal weapons can be used against civilians.

Key words: non-lethal weapons, civilian population, military necessity, principle of proportionality, principle of distinction, collateral damage

*For citation: Drygina A. (2022) Knight's move: the use of non-lethal weapons against civilians during an armed conflict. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 22–30, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_22.*

Если мы отметим, что ведение войны похоже на шахматную партию, мы не скажем ничего нового. Есть законные объекты, на которые можно нападать, цель, которую необходимо достичь, фигуры, которые нужно сохранить, иногда жертвуя другими. Однако если сказать, что применение права во время вооруженного конфликта – это та же игра в шахматы, в которой участники конфликта выбирают, какая стратегия будет более подходящей с правовой точки зрения, возможно, данная мысль будет новеллой. Подстраивать нормы права, созданные много лет назад, под современные реалии, не меняя смысл норм, но находя в них новые возможности, – эти действия почти идентичны поиску успешной шахматной стратегии.

В арсенале некоторых государств появляются новые виды оружия, которые предназначены не для того, чтобы уничтожить противника, а для того, чтобы вывести его из участия в боевых действиях. Такое оружие называют нелетальным, или несмертельным. Основная цель его применения – нейтрализация, а ущерб здоровью и физическому состоянию людей должен быть сведен к минимуму.

Можно допустить, что нелетальное оружие используется в военных конфликтах, особенно тех, в которые вовлечено гражданское население. Данное оружие оставляет больше шансов выжить в войне, оно более гуманно. Однако когда слышишь, что сотни людей погибли из-за использования усыпляющего газа, встречаешь людей с разрушенным здоровьем, которые подверглись действию оружия непонятной природы, зарождаются сомнения в гуманности и даже законности применения нелетального оружия в вооруженном конфликте.

Цель данной статьи – найти ответ на вопрос о том, насколько применение нелетального оружия против гражданского населения соответствует нормам и принципам международного гуманитарного права (далее – МГП) и международного права прав человека (далее – МППЧ).

Оружие по критерию урегулированности нормами международного права можно разделить на два вида:

традиционное оружие, которое упоминается в международных конвенциях как разрешенное или запрещенное для использования в военных действиях (конвенционное), соответствующее или не соответствующее нормам международных обычаев и принципам МГП;

новые виды оружия, которые стали разрабатываться в результате адаптации правил ведения войны к характеру современных вооруженных конфликтов и появились уже после принятия большинства конвенций, касающихся запрещений или ограничений применения оружия. Одним из таких видов стало нелетальное оружие.

Разрешение и запрещение конкретных видов оружия в бою между законными участниками военных действий – комбатантами – довольно четко отражено в МГП. Ограничения на применение оружия устанавливаются в международных договорах, нормах обычного права и принципах МГП и включают в себя:

- требования, обеспечивающие защиту комбатантов от излишних страданий;
- требования, защищающие гражданское население;
- требования, обеспечивающие защиту окружающей среды, и т. д.

Нормы об ограничении и запрещении оружия, которое противоречит описанным выше требованиям, содержатся и в судебных решениях (например, в консультативном заключении Международного Суда ООН о законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г.).

Нелетальное оружие не относится к конвенционным видам оружия, и регулирование его применения в вооруженных конфликтах в основном ограничивается ст. 36 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (эта статья обязывает государства проводить проверку нового оружия, средств и методов ведения войны на соответствие нормам МГП) и Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г.

Однако, начиная со второй половины XX в., нелетальное оружие появилось в арсенале некоторых стран наряду с конвенционным. Так, во время Вьетнамской войны дефолиант¹ «Agent Orange» сбрасывался с военных самолетов США для того, чтобы уничтожить густой растительный покров джунглей и тем самым облегчить поиск партизан во вьетнамских лесах². Данные действия были очевидным нарушением договоров и обычного права, касающегося защиты окружающей среды во время вооруженного конфликта. Более того, последствия применения дефолианта отразились на экологии и социальной жизни смежных стран (Лаоса, Камбоджи).

Ситуация, когда нелетальное оружие применяется в военном конфликте вместе с летальным, может вызывать ряд вопросов о законности такого применения с точки зрения МГП и МППЧ³. Так, во время войны во Вьетнаме слезоточивый газ использовался для того, чтобы «усилить эффект применения летального оружия, а не для того, что уменьшить количество жертв»⁴ (что, возможно, стало причиной запрета использования средств борьбы с беспорядками как средства ведения войны).

Вместе с тем в данной статье мы не будем заострять внимание на использовании нелетального оружия в ситуации классического вооруженного конфликта, где сражения происходят между законными участниками военных действий. Хотелось бы выяснить, как нелетальное оружие может быть применено в ситуациях, где наряду с комбатантами в сражение вовлечено гражданское население.

Нормы международного гуманитарного права запрещают вести боевые действия против гражданского населения. Проведение различия между комбатантами и гражданским населением – это фундаментальный принцип международного гуманитарного права. Он нашел закрепление в таких международных соглашениях, как Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., Женевские конвенции 1949 г., Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

Ввиду относительной новизны нелетального оружия и отсутствия конкретных международных механизмов его регулирования единственные правовые нормы, которые возможно применять при определении законности его использования, – это обычаи войны (например, «стороны, находящиеся в конфликте, в любое время должны проводить различие между гражданскими лицами и комбатантами. Нападения не могут быть направлены против гражданских лиц»)⁵ и принципы МГП (упомянутый выше принцип проведения различия, принцип гуманности, соразмерности и т. д.)

Военные действия должны быть направлены исключительно на военные объекты, соответственно, все виды оружия, которые имеют неизбирательное действие, применяться во время конфликтов не должны. Что касается использования нелетального оружия, в некоторых случаях оно нарушает требования пропорциональности и избирательности. Так, отдельные виды оружия или оружейные системы, попадающие под понятие «нелетальные» (акустическая система, электромагнитные технологии, некоторые химические и биологические вещества), предполагают поражение боль-

¹ Химическое вещество, предназначенное для провоцирования искусственного опадания листьев растений. См.: Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь. Кишинев: Гл. ред. Молд. сов. энциклопедии, 1989. URL: <https://ecolog.academic.ru/372/ДЕФОЛИАНТЫ> (дата обращения: 23.03.2022).

² Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций, прочитанный на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. М.: Междунар. комитет Красного Креста, 2011. С. 341.

³ Davison N. «Non-Lethal» Weapons. L.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 3; Casey-Maslen S. Non-kinetic-energy weapons termed «non-lethal» – A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law. Geneva: Geneva Academy of international humanitarian law and human rights, 2010. P. 44.

⁴ Casey-Maslen S. Op. cit. P. 10.

⁵ Хенкерцс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 3 т. Т. 1: Нормы. М.: Междунар. комитет Красного Креста, 2006. С. 3.

шой группы людей. В таких ситуациях объективно не получается провести различие между военными и гражданским населением. Широкомасштабное, неизбирательное применение силы не укладывается в рамки закона¹.

Тем не менее в соответствии с принципом военной необходимости могут иметь место уничтожение гражданских объектов и причинение смерти гражданскому населению в связи с пропорциональными боевыми атаками, направленными на военный объект или цель (сопутствующий ущерб)². В своем открытом письме прокурор Международного уголовного суда (далее – МУС) Луис Морено-Окампо подчеркивает, что «смерть гражданских лиц в ходе вооруженного конфликта не является военным преступлением»³. Сторонам конфликта разрешено проводить пропорциональные нападения на военные объекты, даже если известно, что могут быть жертвы среди гражданского населения. Преступлением считается умышленное нападение, направленное против гражданских лиц (ст. 8 (2) (b) (i) Римского статута МУС), или умышленное нападение, когда известно, что оно станет причиной случайной гибели или увечья гражданских лиц, которые будут явно несоизмеримы с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством (ст. 8 (2) (b) (iv) Римского статута МУС)⁴.

Является ли нарушением ситуация, когда нелетальное оружие специально применяется против гражданского населения, но не как оружие в классическом смысле, а в качестве инструмента по выведению из строя людей? В таких случаях применение силы по отношению к гражданскому населению не является случайностью, которая может иметь место в рамках вооруженного конфликта. Это намеренное причинение вреда людям, не имеющим отношения к военным действиям. Можно ли использовать нелетальное оружие для атаки населения? Для ответа на этот вопрос необходимо изучить не только само оружие, но и метод, с помощью которого оно применяется, через призму норм МГП.

По мнению Международного комитета Красного Креста, оружие или средство ведения войны нельзя рассматривать отдельно от метода ведения войны. Следовательно, «законность оружия зависит не только от его конструкции или предполагаемого использования, но также и от способа, которым, как ожидается, оно будет применяться на поле боя»⁵, так как воздействие оружия будет результатом сочетания его конструкции и способа его использования⁶. В комментариях к Дополнительным протоколам отмечается: «...оружие, которое разрешено применять, поскольку оно характеризуется точным наведением, может использоваться и в нарушение права против гражданского населения. В этом случае запрет наложен не на оружие, но на метод или способ, которым оно применяется»⁷.

Можно сделать следующие выводы:

1. Использование нелетального оружия как такого не запрещено, но легальность его применения зависит от цели и метода, с помощью которого это оружие используется. Согласно данной концепции применение нелетального оружия без проведения различия не нарушает МГП, потому что цель использования оружия в данном случае не убийство гражданских лиц, а временная нейтрализация. То есть неизбирательное применение нелетального оружия влечет за собой приемлемый сопутствующий ущерб. Это основное отличие нелетального оружия от конвенционного. Законность различных видов конвенционного оружия (например, снарядов), которые применяются избирательно, но причиняют ущерб гражданскому населению, не вызывает во-

¹ *Koplow D. Red-Teaming NLW: A Top Ten List of Criticisms about Non-Lethal Weapons // Case Western Reserve Journal of International Law. 2015. Vol. 47. Iss. 1. P. 235.*

² *Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. С. 59–64, 193–206.*

³ Office of the Prosecutor of the ICC response to communications received concerning Iraq, 9 February 2006. URL: <https://www.icc-cpi.int/news/otp-response-communications-received-concerning-iraq> (дата обращения: 23.03.2022).

⁴ *Ibid.*

⁵ Руководство по проверке соответствия нормам права новых видов оружия, средств и методов ведения войны. Меры по имплементации статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 г. / К. Лоэнд, Р. Купланд, П. Херб. М.: Междунар. комитет Красного Креста, 2006. С. 9.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 8.

просов. Если после атаки погибают гражданские лица, ее итог воспринимается как трагический, но легальность подобного способа ведения войны не ставится под сомнение. Думается, не совсем правильно признавать, что серьезный сопутствующий ущерб – это нормальное явление, и при этом называть применение нелетального оружия незаконным средством ведения войны¹.

2. Использование нелетального оружия не запрещено, пока результаты такого использования соответствуют нормам МГП, в частности принципам пропорциональности и военной необходимости. И даже поощряется, если после применения нелетального оружия гражданское население окажется в лучшем положении, чем после проведения такой же операции с оружием летальным.

К такому же заключению приходит М. Гросс: «В отличие от традиционного оружия, нелетальное специально используется против гражданского населения. При использовании оружия против гражданского населения принцип иммунитета от нападений подвергается тесту „меньшего зла“, при котором противопоставляются друг другу небольшая степень целенаправленного вреда и более серьезная степень непреднамеренного вреда (который может повлечь применение обычного оружия). Если первый меньше второго, то основания для использования нелетального оружия имеют моральное оправдание»².

Он делает три вывода о законности применения нелетального оружия в вооруженных конфликтах³: 1) нелетальное оружие не причиняет вреда; 2) ущерб от применения нелетального оружия не является настолько существенным, чтобы нарушить иммунитет гражданского лица; 3) некоторым гражданским лицам может причиниться ущерб⁴. Мы не совсем согласны с первым утверждением (по большей части ввиду его размытости), но поддерживаем два последних.

Объектами применения нелетального оружия в рамках ведения военных действий могут быть следующие категории гражданского населения: заложники, «живые щиты», гражданские лица, находящиеся в городе во время проведения военных операций, и т. д.

Сегодня известен случай относительно успешного освобождения заложников с помощью химического нелетального оружия, а именно успокаивающего газа. Ситуация произошла в мирное время, но технологии применения газа в мирное и военное время не сильно отличаются.

26 октября 2002 г. в здании театрального комплекса на Дубровке была проведена необычная на то время операция по освобождению заложников «Норд-Ост». Театральный комплекс и почти 900 человек в нем были захвачены чеченскими сепаратистами и удерживались в течение трех дней. На третий день осады, ранним утром, через вентиляцию в театр стал проникать усыпляющий газ, который поражал как захватчиков, так и заложников. Осада была снята без единого выстрела. Однако много людей погибло непосредственно при эвакуации (ввиду ее неправильной организации), но этот вопрос попадает уже в сферу прав человека, а не МГП⁵. Здесь важнее, что при ином планировании операции, например в случае прямого штурма здания театра, жертв могло быть гораздо больше (известно, что захватчики имели в своем распоряжении взрывчатые вещества)⁶. Усыпляющий газ вызвал проблемы со здоровьем, которые впоследствии привели к смерти, но большинство заложников остались живы именно благодаря использованию этого вещества.

¹ *Fidler D.* The International Legal Implications of «Non-Lethal» Weapons // *Michigan Journal of International Law.* 1999. Vol. 21. Iss. 1. P. 84.

² *Gross M. L.* The Second Lebanon War: The Question of Proportionality and the Prospect of Non-Lethal warfare // *Journal of Military Ethics.* 2008. Vol. 7. Iss. 1. P. 15–16. Цит. по: *Coleman S.* Possible Ethical Problems with Military Use of Non-Lethal Weapons // *Case Western Reserve Journal of International Law.* 2015. Vol. 47. Iss. 1. P. 192.

³ *Gross M.* Nonlethal Weapons, Noncombatant Immunity, and the Principle of Participatory Liability // *Case Western Reserve Journal of International Law.* 2015. Vol. 47. Iss. 1. P. 203.

⁴ М. Гросс не поясняет, что имеется в виду под формулировкой «некоторым гражданским лицам может причиниться ущерб». Думается, такими лицами могут быть следующие категории: «живые щиты»; гражданские лица, обеспечивающие работу военных объектов; гражданские лица, не являющиеся комбатантами, но непосредственно участвующие в военных действиях.

⁵ ECHR, *Case Finogenov and others v. Russia* (applications 18299/03, 27311/03) Judgment of 4 June 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-108231> (дата обращения: 23.03.2022).

⁶ *Coleman S.* Op. cit. P. 193–194.

Здесь, несомненно, нужно учитывать контекст ситуации, в которой применяется нелетальное оружие. То, что считается нарушением в мирное время, может оказаться допустимым в военное, так как МГП является *lex specialis* по отношению к МППЧ. Так, во время военной операции при взятии заложников нелетальное оружие может быть использовано для того, чтобы усыпить и тем самым вывести из участия в конфликте и самих заложников, и тех, кем они были взяты в плен, так как обе стороны в данном случае, как правило, находятся в очень тесном контакте и во время атаки практически невозможно провести разграничение между ними.

Городская война – популярный вид ведения военных действий в современных конфликтах. Нелетальное оружие может быть использовано, чтобы заставить гражданское население покинуть поле боя во избежание получения серьезных ранений. Этой цели может служить акустическое, кинетическое, электромагнитное, электрошоковое оружие и т. д.

Так, военное агентство, занимающееся разработкой нелетального оружия в США, предложило к использованию нелетальное оружие под названием *Active Denial System*, или *ADS* (система активного сдерживания¹). *ADS* представляет собой «аналог гигантской микроволновой печи»². Это прибор, который при атаке генерирует луч шириной 2 м в диаметре и длиной в несколько сотен метров. Те, кто попадает под его действие, чувствуют невыносимый жар, который пропадает, как только человек покидает зону действия оружия. Устройство содержит огромный потенциал для применения в ситуациях, где присутствуют и военнослужащие, и гражданское население. *ADS* разрабатывалась и тестировалась в течение десятилетия³.

Существует несколько сценариев того, как можно использовать данную систему. Первый описан самим военным агентством, где была разработана *ADS*. Предполагается применять данное оружие как средство, заставляющее гражданское население покинуть поле боя перед тем, как там начнутся реальные военные действия между комбатантами⁴. Данная идея хороша, однако вызывает ряд вопросов. Нельзя не заметить, что действие *ADS* неизбирательно. Также непонятно, как в этой ситуации поступать с теми, кто является *hors de combat* и все еще находится в зоне поражения луча⁵.

Предположим, что военное командование решило использовать данное оружие, чтобы очистить территорию от гражданского населения и приступить к военным действиям, сосредоточившись на вражеских комбатантах. Гражданское население заранее должно получить предупреждение⁶ о том, что будет применяться конкретное оружие с конкретным действием, чтобы люди успели покинуть территорию предполагаемой атаки. В противном случае, как только оружие начнет действовать, люди, испытывающие сильную боль, могут не понять, что происходит, что нужно делать и в какую сторону двигаться, чтобы избавиться от боли. Возникнет хаос. Возможно, появится необходимость в организации путей отступления для того, чтобы мирные жители не металась в зоне поражения.

Но если одна сторона конфликта предупредит население заранее, очевидно, что данную информацию может получить и другая сторона конфликта. Учитывая, что в большинстве случаев военные операции разработаны, чтобы застать противника врасплох, вопросы о целесообразности применения *ADS* возникают уже с точки зрения военной стратегии. Кроме того, военные операции не всегда кратковременны, особенно в условиях ведения городской войны. Операция может затянуться на дни и месяцы, и применение такого оружия может привести к появлению категории вну-

¹ В официальных документах на русском языке данное оружие не упоминается, поэтому встречаются разные переводы его названия: «система активного отбрасывания», «система активного блокирования» и т. д.

² Coleman S. Op. cit. P. 194.

³ Koplow D. Op. cit. P. 233.

⁴ US Defence Department Non-Lethal Weapons Annual Review. 2013. Vol. 7. P. 6. URL: https://jnlwp.defense.gov/Portals/50/Documents/Press_Room/Annual_Reviews_Reports/2013/DoD_Non-Lethal_Weapons_Program_Annual_Review_11.19.2012_HTML_format_v1.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

⁵ Coleman S. Op. cit. P. 194–195.

⁶ Каждая сторона в конфликте должна принимать все возможные меры предосторожности, чтобы избежать потерь среди гражданского населения (правило 17) (Хенкерцс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. С. 72).

тренне перемещенных лиц (люди, которые вынуждены покинуть место своего проживания в связи с вооруженным конфликтом¹).

М. Гросс предлагает иной сценарий. Солдаты США, размещенные на базе недалеко от деревни в Афганистане, замечают подозрительную активность вдоль периметра базы. Изучив обстановку, они обнаруживают большую группу людей – мужчин и женщин. Никто из их не носит форму или иные отличительные знаки, следовательно, невозможно распознать, кто из них является потенциальным членом военной группировки, а кто – мирным жителем деревни. Солдаты также не видят, что кто-то из них носит оружие (однако носить оружие скрытно – это обычная тактика партизанской войны). Группе дано первое предупреждение с требованием разойтись, но люди ему не следуют. Тогда солдаты применяют ADS. В ответ некоторые члены группы открывают огонь. Американские солдаты используют оружие снова и, полагая, что все некомбатанты покинули поле боя, открывают ответный огонь против военной группы. Данный сценарий уже более правдоподобен и показывает преимущества применения нелетального оружия в реальной ситуации².

«Живые щиты» – проблемная категория в гуманитарном праве. Этим термином обозначают гражданских лиц или других охраняемых лиц, чье присутствие используется для защиты от военных действий определенных пунктов, районов или вооруженных сил (ст. 8 (2) (b) (xxiii) Римского статута МУС). Использование «живых щитов» подразумевает намеренное совмещение в пространстве военных объектов и гражданских лиц или лиц, вышедших из строя, с конкретной целью постараться предотвратить нападение на эти военные объекты³.

Несмотря на необходимость принять меры предосторожности перед атакой, «живые щиты» могут быть объектом нападения в случае военной необходимости⁴.

В зависимости от того, как именно расположено гражданское население (в тесном контакте с вооруженными силами противника или на отдалении либо рассеяно по территории), оно может быть выведено из строя различными способами. В первом случае (тесный контакт), как и в ситуации с заложниками, может быть использовано нелетальное оружие неизбирательного действия. Во втором случае (на отдалении либо рассеяно по территории), возможно, лучше применить то же оружие, что и для ведения городской войны.

Хотелось бы также упомянуть, что нелетальное оружие можно использовать по отношению к гражданским лицам, которые работают на военных объектах. Их статус схож с положением «живых щитов», так как обе эти категории являются гражданскими лицами, на которых, тем не менее, разрешены военные нападения⁵.

Нелетальное оружие также может быть применено в ситуации, известной как «вращающиеся двери»: гражданское лицо, не являясь комбатантом, берет оружие и непосредственно участвует в военных действиях, а затем, после сражения, снова возвращается к обычной жизни, повторяя данную последовательность на протяжении всего периода военных действий. Если есть подозрения, что гражданское лицо выполняет «непрерывные боевые функции», оно может быть атаковано, и будет лучше, если эта атака пройдет с использованием нелетального оружия⁶.

Данный вид оружия может находить еще много применений в военном конфликте с участием гражданских лиц, до тех пор пока используется в соответствии с нормами и принципами МГП (например, если у воюющей стороны нет намерения прямо нарушить нормы, касающиеся разрешенных средств и методов ведения войны, она может применить нелетальное оружие, например, в качестве «классического» оружия по отношению к гражданскому населению или как средство устрашения).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что нелетальное оружие в вооруженном конфликте необходимо рассматривать как: 1) один из видов вооружения; 2) специальное

¹ Internally displaced people // UN Refugee Agency. URL: <https://www.unhcr.org/internally-displaced-people.html> (дата обращения: 23.03.2022).

² Gross M. Nonlethal Weapons, Noncombatant Immunity, and the Principle of Participatory Liability. P. 202.

³ Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. С. 429.

⁴ Fleck D. The Handbook of International Humanitarian Law. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 187.

⁵ Ibid. P. 186–187.

⁶ Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. Geneva: ICRC, 2009. P. 71.

средство выведения людей из строя, «инструмент военной стратегии», метод ведения военных действий.

В первом случае использовать оружие с целью, противоречащей праву вооруженных конфликтов, запрещено. Целью применения силы должны быть исключительно комбатанты. Нельзя использовать оружие для того, чтобы уничтожить, устрасить или причинить иной ущерб гражданскому населению. Другое дело, если гражданское население получило повреждения во время военной операции, происходящей между комбатантами враждующих сторон, и данный ущерб можно определить как сопутствующий. В таком случае правомерность применения нелетального оружия уже будет зависеть от множества факторов: результатов проверки в соответствии со ст. 36 Дополнительного протокола I, грамотного планирования военных действий, исключая участие в них гражданского населения, и т. д.

Во втором случае нельзя сказать, что нелетальное оружие выполняет ожидаемые, «классические» функции оружия – ослабить противника, причинить ему вред. Здесь, скорее, это так называемое меньшее зло, инструмент защиты людей от большего вреда.

Использование нелетального оружия в военном конфликте может нарушать права человека, но эти нарушения можно оправдать контекстом ситуации и приоритетом МГП над МППЧ во время вооруженного конфликта. Многое зависит от того, какое именно летальное оружие может быть использовано в качестве альтернативы нелетальному. Если существует выбор между двумя вариантами действий против гражданских лиц: применение успокаивающего газа либо использование взрывчатых веществ или иных видов конвенционного оружия, то логичнее выбрать первый вариант, так как есть шанс, что кто-то из гражданских лиц останется в живых.

Итак, как и в шахматной партии, многие фигуры, участвующие в реальных военных действиях, приносятся в жертву основной цели – победе. Нередко в этой роли выступают гражданские лица, хотя они как раз должны быть тем самым королем, которого изо всех сил нужно охранять. Возможно, использование нелетального оружия в вооруженном конфликте позволит сохранить как можно больше фигур на доске – речь не только их жизни, но и здоровье, физическое и ментальное.

Список литературы

Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций, прочитанный на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. М.: Междунар. комитет Красного Креста, 2011. 1144 с.

Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь. Кишинев: Гл. ред. Молд. сов. энциклопедии, 1989. URL: <https://ecolog.academic.ru/372/ДЕФОЛИАНТЫ> (дата обращения: 23.03.2022).

Руководство по проверке соответствия нормам права новых видов оружия, средств и методов ведения войны. Меры по имплементации статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 г. / К. Лоэнд, Р. Купланд, П. Херб. М.: Междунар. комитет Красного Креста, 2006. 32 с.

Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право: в 3 т. Т. 1: Нормы. М.: Междунар. комитет Красного Креста, 2006. 818 с.

Casey-Maslen S. Non-kinetic-energy weapons termed «non-lethal» – A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law. Geneva: Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, 2010. 86 p.

Coleman S. Possible Ethical Problems with Military Use of Non-Lethal Weapons // Case Western Reserve Journal of International Law. 2015. Vol. 47. Iss. 1. P. 185–199.

Davison N. «Non-Lethal» Weapons. L.: Palgrave Macmillan, 2009. 328 p.

Fidler D. The International Legal Implications of «Non-Lethal» Weapons // Michigan Journal of International Law. 1999. Vol. 21. Iss. 1. P. 51–100.

Fleck D. The Handbook of International Humanitarian Law. Oxford: Oxford University Press, 2008. 775 p.

Gross M. Nonlethal Weapons, Noncombatant Immunity, and the Principle of Participatory Liability // Case Western Reserve Journal of International Law. 2015. Vol. 47. Iss. 1. P. 201–216.

Gross M. L. The Second Lebanon War: The Question of Proportionality and the Prospect of Non-Lethal warfare // Journal of Military Ethics. 2008. Vol. 7. Iss. 1. P. 1–22.

Koplow D. Red-Teaming NLW: A Top Ten List of Criticisms about Non-Lethal Weapons // Case Western Reserve Journal of International Law. 2015. Vol. 47. Iss. 1. P. 229–238.

Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. Geneva: ICRC, 2009. 85 p.

References

Casey-Maslen S. (2010) *Non-kinetic-energy weapons termed «non-lethal» – A Preliminary Assessment under International Humanitarian Law and International Human Rights Law*. Geneva, Geneva Academy of international humanitarian law and human rights, 86 p.

Coleman S. (2015) Possible Ethical Problems with Military Use of Non-Lethal Weapons. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 47, iss. 1, pp. 185–199.

David E. (2011) *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov: kurs lektsii, pročitannyi na yuridicheskoy fakul'tete Otkrytogo Bryussel'skogo universiteta* [Principles of the law of armed conflict: a lecture course delivered at the Faculty of Law of the Open University of Brussels]. Moscow, Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta, 1144 p.

Davison N. (2009) *«Non-Lethal» Weapons*. London, Palgrave Macmillan, 328 p.

Dedyu I. I. (1989) *Ekologicheskii enciklopedicheskii slovar'* [Ecological encyclopedic dictionary]. Kishinev, Glavnaya redaktsiya Moldavskoi sovetskoi enciklopedii, available at: <https://ecolog.academic.ru/372/DEFOLIANTY> (accessed: 23.03.2022).

Fidler D. (1999) The International Legal Implications of «Non-Lethal» Weapons. In *Michigan Journal of International Law*, vol. 21, iss. 1, pp. 51–100.

Fleck D. (2008) *The Handbook of International Humanitarian Law*. Oxford, Oxford University Press, 775 p.

Gross M. (2015) Nonlethal Weapons, Noncombatant Immunity, and the Principle of Participatory Liability. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 47, iss. 1, pp. 201–216.

Gross M. L. (2008) The Second Lebanon War: The Question of Proportionality and the Prospect of Non-Lethal Warfare. In *Journal of Military Ethics*, vol. 7, iss 1, pp. 1–22.

Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L. (2006) *Obychnoe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo. Vol. 1. Normy* [Customary International Humanitarian Law. Vol. 1. Norms.]. Moscow, Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta, 818 p.

Koplow D. (2015) Red-Teaming NLW: A Top Ten List of Criticisms about Non-Lethal Weapons. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 47, iss. 1, pp. 229–238.

Loend K., Kupland R., Kherb P. (2006) *Rukovodstvo po proverke sootvetstviya normam prava novykh vidov oruzhiya, sredstv i metodov vedeniya voyny. Mery po implementatsii stat'i 36 Dopolnitel'nogo protokola I 1977 g.* [ICRC. A Guide to the Legal Review of New Weapons, Means and Methods of Warfare. Measures to Implement Article 36 of Additional Protocol I of 1977]. Moscow, Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta, 32 p.

Melzer N. (2009) *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*. Geneva, ICRC, 85 p.

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Светличный Александр Алексеевич

Заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела
института права и управления Тульского государственного университета (Тула),
кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-5611-9914,
e-mail: alexandrsvetl@rambler.ru

В настоящий момент тезис о том, что криминалистика представляет собой самостоятельную область знаний, не вызывает сомнений, однако мы не можем оспорить тот факт, что развитие она получила на базе и под непосредственным влиянием иных наук уголовно-правового цикла, в частности уголовного процесса, уголовного права и т. д. Соответственно, и терминологический аппарат криминалистики был сформирован на основе заимствований из терминологии уголовно-правовых наук. Вместе с тем в криминалистике успешно сочетаются достижения естественных, технических, экономических, общественных наук, что тоже существенно расширяет применяемый в теории и на практике круг терминов. Автор предлагает использовать метод моделирования для комплексного анализа терминологической системы криминалистики. В частности, с помощью метода моделирования выделяются категории криминалистических понятий с определенной последовательностью значений, иерархическими отношениями между ними, что позволяет рассматривать их комплексно, в рамках единой криминалистической терминосистемы.

Ключевые слова: криминалистика, терминологический аппарат, метод моделирования, криминалистическая терминосистема

Для цитирования: Светличный А. А. Метод моделирования как основа построения криминалистической терминосистемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 31–38. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_31.

THE MODELLING METHOD AS A BASIS FOR BUILDING A TERMINOLOGICAL SYSTEM OF FORENSICS

Svetlichny Alexander

Head of the chair, Tula State University (Tula), candidate of legal sciences, associate professor,
ORCID: 0000-0001-5611-9914, e-mail: alexandrsvetl@rambler.ru

At the moment, the thesis that forensics is an independent category of knowledge is beyond doubt, however, we cannot dispute the fact that it was developed on the basis of and under the direct influence of other sciences of the criminal law cycle, in particular, criminal procedure, criminal law, etc. Accordingly, the terminological apparatus of forensics was formed on the basis of many borrowings from the terminology of criminal law sciences. On the other hand, forensics successfully combines the achievements of natural, technical, economic, and social sciences, and this also significantly expands the range of terms used in theory and practice. The author proposes to use the modelling method for a deeper and more comprehensive analysis of the terminological system of forensics. In particular, the author, by using the modelling method, identifies categories of forensic concepts with a certain sequence of meanings, hierarchical relationships within each of them, and this, in turn, allows us to consider them comprehensively, within a single forensic terminological system.

Key words: forensics, terminological apparatus, modelling method, terminological system of forensics

For citation: Svetlichny A. (2022) The modelling method as a basis for building a terminological system of forensics. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 31–38, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_31.

Своеобразным инструментом приобретения, хранения, воспроизводства и передачи специальной информации выступают термины, образующие в своей совокупности особую систему языкового выражения специальных понятий (терминологию). Терминологический аппарат современной науки благодаря научно-техническому прогрессу, обширным и многочисленным открытиям и изобретениям за последние десятилетия существенно расширился. Однако большой массив новой информации, появление новых знаний стали приводить к тому, что терминологический аппарат отдельных областей знания не всегда справляется со своей задачей – аккумулировать и передавать информацию с необходимой точностью и четкостью во избежание недопонимания и двусмысленности как в науке, так и в сфере правоприменительной деятельности. Для комплексного анализа терминов необходима их систематизация, позволяющая объединить термины в отдельные группы, характеризующиеся внутренними иерархическими связями.

Полагаем, что основой для систематизации терминов может послужить метод моделирования. Этот метод получил широкое применение в философских¹, физико-математических², экономических³ и других науках. Однако в последние годы метод моделирования приобретает все большую значимость в науках уголовно-правового цикла. Основные проблемы моделирования связаны с понятием моделей, методами и принципами их анализа и построения⁴.

В 70-е гг. прошлого столетия под моделью стали понимать систему, исследование которой служит средством получения информации о другой системе⁵. Наиболее полным представляется определение, сформулированное К. Б. Батороевым: «Модель есть созданная или выбранная объектом система, воспроизводящая существенные для данной цели познания стороны изучаемого объекта и в силу того находящаяся с ним в таком соотношении замещения и сходства, что исследование ее служит опосредованным способом получения знания об этом объекте»⁶. Согласно данному определению терминологическая модель, среди прочих, может иметь как формализованную, так и естественно-языковую форму.

Следует исходить из того, что модель – это система; она материальна или мысленна; замещает объект исследования; позволяет получить знание об исследуемом объекте не путем его непосредственного изучения, а опосредованно.

Рассмотрим возможности применения метода моделирования для построения криминалистической терминосистемы. Прежде всего необходимо затронуть вопросы образования и становления криминалистики как самостоятельной науки, про-

¹ См., например: *Беляев В. В.* Моделирование финитных ситуаций и критика финитных моделей в традиционной логике: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998; *Шнейдер В. Б.* Моделирование прагматической коммуникации: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000 и др.

² *Черток А. В.* Моделирование потоков заявок на финансовых рынках с помощью обобщенных процессов риска: дис. ... канд. физ.-мат. наук. М., 2015; *Силина Е. К.* Моделирование колебательных движений: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. СПб., 1996 и др.

³ *Рябчиков А. П.* Моделирование процессов формирования нематериальных активов: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007; *Ольховая О. Н.* Моделирование риска банкротства инфокоммуникационной компании: дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2010 и др.

⁴ См., например: *Павлов А. А.* Методика преодоления противодействия расследованию преступлений со стороны защитника-адвоката: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Антонов О. Ю., Елинский В. И.* Криминалистические модели преступной деятельности и следственные ситуации, возникающие при выявлении и расследовании преступлений, связанных с проведением избирательных кампаний и референдумов, и меры по их разрешению // *Российский следователь.* 2011. № 13; *Сидоренко Э. Л.* Зарубежные модели легализации оружия и криминологическая безопасность личности // *Общество и право.* 2011. № 1; *Аминев Ф. Г.* Актуальные проблемы ситуационного моделирования в судебно-экспертной деятельности // *Эксперт-криминалист.* 2013. № 3 и др.

⁵ См., например: *Уемов А. И.* Логические основы метода моделирования. М.: Мысль, 1971; Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. А. Эйман, Н. А. Якубович. М.: Юрид. лит., 1978 и др.

⁶ *Батороев К. Б.* Аналогии и модели в познании. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. С. 129.

следить процесс формирования ее языка, объединившего в себе термины из сферы юриспруденции, технических, естественных и иных наук.

Свою научную и практическую состоятельность криминалистика окончательно доказала в середине XX в. Теперь уже невозможно представить эффективную организацию расследования преступлений без использования криминалистических знаний.

Ученые отмечают, что, являясь наукой, право располагает специфическим с технической точки зрения языком, однако, будучи наукой нормативной, применяемой к действиям всех членов общества, право должно говорить на общедоступном языке¹.

Отстаивая тезис о юридической природе криминалистики, А. Н. Васильев, А. И. Винберг и С. П. Митричев приводили следующие аргументы:

ее служебная функция, решаемые ею задачи относятся к правовой сфере деятельности государственных органов, к правовым процессам (расследование, судебное разбирательство);

все рекомендации, разрабатываемые криминалистикой для практики, носят строго выраженный правовой характер, основаны на законе, соответствуют его духу и букве, вызваны к жизни потребностью ликвидации в стране преступности;

криминалистика связана со многими науками – как общественными, так техническими и естественными, но связи эти носят преимущественно частный и локальный характер, тогда как основной «питательной средой» для криминалистики является право, правовые науки, следственная, судебная и экспертная практика; исторически криминалистика зародилась в рамках именно правовой – уголовно-процессуальной – науки².

Некоторые ученые (например, Г. Ю. Маннс), подчеркивая прикладную (техническую) природу криминалистики, тем самым хотели доказать невозможность существования и развития криминалистических и процессуальных знаний в рамках одной науки и необходимость их «отпочкования»³. На долю криминалистики они оставили только криминалистическую технику.

Б. М. Шавер опровергал техническую природу криминалистики, отмечая, что она изучает неправовые приемы и методы работы с доказательствами⁴, чем дал повод для некоторых ученых-процессуалистов присоединиться к позиции Г. Ю. Маннса. Так, М. С. Строгович пришел к выводу, что «криминалистика является научной юридической дисциплиной постольку, поскольку она изучает способы наиболее успешного, правильного совершения процессуальных действий... представляет собой уголовно-процессуальную дисциплину, продолжение или специальный курс уголовного процесса»⁵. М. А. Чельцов писал, что «...область криминалистики – это техника обнаружения, закрепления и обработки вещественных доказательств, построенная на применении методов естественных и технических наук, приспособленных к специальным целям уголовного процесса»⁶.

Таким образом, первоначально криминалистика формировалась как техническое дополнение уголовного процесса. Что, безусловно, ограничивало сферу ее применения, а соответственно, и развитие ее теоретических и методологических основ, включая язык науки.

Начало криминалистике как правовой науке положил П. И. Тарасов-Родионов. Он предложил рассматривать криминалистическую тактику и методику расследования

¹ Трушина Е. В. Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения (в русском и французском языках): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 48.

² Винберг А. И. Вопросы развития криминалистики // Социалистическая законность. 1962. № 1. С. 22; Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики (Введение в науку): учеб. пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1965. С. 65; Васильев А. Н. Теоретические проблемы советской криминалистики // Вестник Московского университета. 1985. № 2. С. 78.

³ Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел I: Науки гуманитарные. Иркутск: Госиздат, 1921. Вып. 2. С. 139.

⁴ Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 57.

⁵ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 101.

⁶ Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 96, 97.

как правовые направления и в то же время в рамках единой науки криминалистики допускал наличие технического направления – криминалистической техники¹. Концепция П. И. Тарасова-Родионова стала основанием для предложений о выделении из криминалистики в самостоятельную дисциплину криминалистической экспертизы.

Взгляд на криминалистику как юридическую науку окончательно сформировался в 1952–1955 гг. и впоследствии стал господствующим в правовой науке. Первыми с обоснованием этой концепции выступили А. И. Винберг и С. П. Митричев².

Сложный процесс формирования терминологического аппарата криминалистики, вобравшего в себя множество понятий из разных областей знания, обусловил повышенный интерес ученых к проблемам языка данной науки. Так, Н. А. Селиванов в монографии «Советская криминалистика: система понятий» рассмотрел понятийный аппарат общей теории криминалистики, а также основные понятия ее разделов: криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики³. Р. С. Белкиным были подготовлены три издания «Криминалистической энциклопедии» – фундаментального справочника, содержащего информацию о терминах и определениях криминалистики, ученых, исторические справки⁴. Вопросы криминалистической терминологии частично рассмотрены в диссертационной работе Д. В. Панариной⁵.

Применение метода моделирования в криминалистике не является изобретением автора. Этот метод использовался еще в работах основателей криминалистики Г. Гросса, В. И. Громова, И. Н. Якимова⁶ и других ученых. Авторы рекомендовали следователям для успешного расследования воссоздавать картину события преступления, вживаться в него и смотреть на происходящее изнутри, тем самым предлагая моделировать поведение преступника на месте преступления, а также прогнозировать его дальнейшие действия. Безусловно, это находило отражение и в языке науки. При моделировании события преступления создаются и терминологические модели, которые находят выражение, например, в протоколах следственных действий. Эти модели впоследствии становятся общепринятыми и используются при расследовании любого преступления. Иными словами, в терминосистеме образуются типовые модели, отражающие, например, упорядоченную схему осмотра места происшествия, обыска, допроса и т. д. Неотделим метод моделирования и от такого следственного действия, как следственный эксперимент.

Таким образом, терминологические модели непосредственно связаны с криминалистической деятельностью участвующих в процессе раскрытия и расследования преступлений субъектов (следователя, дознавателя, оперативного сотрудника и др.). Но здесь важно иметь в виду, что образовавшаяся терминологическая модель должна однозначно восприниматься всеми субъектами не только криминалистической, но и уголовно-процессуальной, судебно-экспертной, оперативно-розыскной деятельности, т. е. обеспечивать формирование единого информационного поля для различных участников уголовно-правовой деятельности.

¹ Тарасов-Родионов П. И. Советская криминалистика // Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 7.

² См., например: Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза письма // Ученые записки. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. Вып. 3. С. 29; Его же. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Госюриздат, 1949; Его же. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956; Винберг А. И., Белкин Р. С. Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969; Их же. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973; Митричев С. П. Предмет, метод и система советской криминалистики: учеб. пособие. М.: б. и., 1956; Его же. Теоретические основы советской криминалистики.

³ Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982.

⁴ Белкин Р. С. Криминалистика: крат. энциклопедия. М.: Большая рос. энциклопедия, 1993; Его же. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997; Его же. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон-XXI, 2000.

⁵ Панарина Д. В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2018.

⁶ См., например: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Репринт. изд. 1908 г. / науч. ред. В. В. Крылов. М.: ЛексЭст, 2002; Громов В. И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления. М.: ЛексЭст, 2003; Якимов И. Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003; Его же. Осмотр. М.: Изд-во УРКМ г. Москвы, 1935 и др.

Отметим, что под моделированием криминалистической терминологии мы понимаем формирование языка криминалистического поля в соответствии с установленными требованиями, предъявляемыми к научному языку. Именно моделирование позволяет обнаружить системные связи между понятиями, которые выражены терминами. Согласимся с учеными, которые отмечают: «...для того, чтобы проанализировать терминосистему, нужно проанализировать внутрисистемные понятийные отношения, что становится возможным благодаря применению логико-понятийного моделирования»¹.

Мы уже указывали, что системность понятий предполагает определение структуры конкретной терминосистемы. В криминалистической профессиональной терминологии, на наш взгляд, можно выделить следующие часто встречающиеся категории понятий: люди; предметы; следы; вещества; документы; признаки и свойства; величины (единицы измерения); состояния; режимы; процессы (действия).

К категории людей принадлежат понятия, описывающие потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетеля, эксперта, специалиста, иных лиц, трупы и их части. К категории предметов можно отнести понятия, характеризующие орудия преступления, предметы, имеющие связь с событием преступления (одежда, обувь, транспортные средства, предметы быта, посуда и т. п.). К категории следов относятся понятия, характеризующие контактные следы (рук, обуви, орудий и инструментов, транспортных средств и др.). Категория веществ объединяет понятия, характеризующие преимущественно определенное состояние веществ (твердое, сыпучее, жидкое, вязкое, газообразное и т. п.). К категории документов принадлежат понятия, связанные с описанием различного рода действий (материалы уголовного дела, протоколы следственных действий, заключения, запросы и т. п.). В категорию признаков и свойств входят понятия, характеризующие качественную сторону предметов (возможность причинения повреждения самому себе, возможность совершения определенных действий в определенных условиях, например возможность предотвратить наезд на пешехода, и др.). К категории величин можно отнести понятия, оценивающие ту или иную деятельность с количественной стороны. Поскольку количественно оцениваются и предметы, и процессы, и свойства, то типы понятий, входящих в категорию величин, могут быть чрезвычайно разнообразны. В категорию процессов (действий) следует включить понятия, связанные с проведением следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыск, следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования и др.

Особенностью криминалистической терминологии является то, что практически все категории понятий могут быть заменены следующими категориальными моделями: «информация», «криминалистически значимая информация», «фактические данные», «фактические сведения», «сведения о фактах» и наконец «любые сведения». Последняя модель используется законодателем в УПК РФ. Ею заменили категориальную модель «фактические данные», которая применялась законодателем в УПК РСФСР (ст. 68). Первые две модели являются собственно криминалистическими, остальные заимствованы из уголовного процесса, но также используются криминалистической наукой. Мы не разделяем позицию законодателя, заменившего модель «фактические данные» и «сведения о фактах» моделью «любые сведения», поскольку слово «фактический» отражает действительное состояние чего-либо, прилагательное же «любой» предполагает наличие не только действительного состояния, но и иного (например, вымышленного, предполагаемого и т. п.).

Таким образом, применение метода моделирования в криминалистике позволяет осуществлять системные построения, выделять криминалистические терминосистемы, для которых характерны определенная последовательность значений и иерархические отношения внутри каждой категории. При этом каждая категория имеет соответствующие связи со значениями других категорий.

Список литературы

Аминев Ф. Г. Актуальные проблемы ситуационного моделирования в судебно-экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 12–14.

¹ Шевцова А. Ю. Моделирование – эффективное средство систематизации терминологии в прикладном исследовании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1–2. С. 49.

Антонов О. Ю., Елинский В. И. Криминалистические модели преступной деятельности и следственные ситуации, возникающие при выявлении и расследовании преступлений, связанных с проведением избирательных кампаний и референдумов, и меры по их разрешению // Российский следователь. 2011. № 13. С. 2–8.

Батороев К. Б. Аналогии и модели в познании. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. 319 с.

Белкин Р. С. Криминалистика: крат. энциклопедия. М.: Большая рос. энциклопедия, 1993. 111 с.

Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 342 с.

Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.

Беляев В. В. Моделирование финитных ситуаций и критика финитных моделей в традиционной логике: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998. 21 с.

Васильев А. Н. Теоретические проблемы советской криминалистики // Вестник Московского университета. 1985. № 2. С. 78–80.

Винберг А. И. Вопросы развития криминалистики // Социалистическая законность. 1962. № 1. С. 22–26.

Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 220 с.

Винберг А. И. Криминалистическая экспертиза письма // Ученые записки. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. Вып. 3. С. 29–31.

Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М.: Госюриздат, 1949. 132 с.

Винберг А. И., Белкин Р. С. Криминалистика и доказывание. М.: Юрид. лит., 1969. 216 с.

Винберг А. И., Белкин Р. С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 264 с.

Громов В. И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления. М.: ЛексЭст, 2003. 544 с.

Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Репринт. изд. 1908 года / науч. ред. В. В. Крылов. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.

Маннс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел I: Науки гуманитарные. Иркутск: Госиздат, 1921. Вып. 2. С. 139–164.

Митричев С. П. Предмет, метод и система советской криминалистики: учеб. пособие. М.: б. и., 1956. 52 с.

Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики (Введение в науку): учеб. пособие. М.: РИО ВЮЗИ, 1965. 92 с.

Ольховая О. Н. Моделирование риска банкротства инфокоммуникационной компании: дис. ... канд. экон. наук. Оренбург, 2010. 160 с.

Павлов А. А. Методика преодоления противодействия расследованию преступлений со стороны защитника-адвоката: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.

Панарина Д. В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2018. 238 с.

Рябчиков А. П. Моделирование процессов формирования нематериальных активов: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 177 с.

Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.

Сидоренко Э. Л. Зарубежные модели легализации оружия и криминологическая безопасность личности // Общество и право. 2011. № 1. С. 139–146.

Силина Е. К. Моделирование колебательных движений: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. СПб., 1996. 15 с.

Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. А. Эйсман, Н. А. Якубович. М.: Юрид. лит., 1978. 192 с.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 703 с.

Тарасов-Родионов П. И. Советская криминалистика // Социалистическая законность. 1951. № 7. С. 6–15.

Трушина Е. В. Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения (в русском и французском языках): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с.

Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М.: Мысль, 1971. 312 с.

Чельцов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 624 с.

Черток А. В. Моделирование потоков заявок на финансовых рынках с помощью обобщенных процессов риска: дис. ... канд. физ.-мат. наук. М., 2015. 113 с.

Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 56–82.

Шевцова А. Ю. Моделирование – эффективное средство систематизации терминологии в прикладном исследовании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1–2. С. 47–51.

Шнейдер В. Б. Моделирование прагматической коммуникации: дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. 289 с.

Якимов И. Н. Криминалистика: руководство по уголовной технике и тактике. М.: ЛексЭст, 2003. 471 с.

Якимов И. Н. Осмотр. М.: Изд-во УРКМ г. Москвы, 1935. 119 с.

References

Aminev F. G. (2013) Aktual'nye problemy situatsionnogo modelirovaniya v sudebno-ekspertnoi deyatelnosti [Actual problems of situational modeling in forensic activities]. In *Ekspert-kriminalist*, no. 3, pp. 12–14.

Antonov O. Yu., Elinskii V. I. (2011) Kriminalisticheskie modeli prestupnoi deyatelnosti i sledstvennye situatsii, vznikayushchie pri vyavlenii i rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s provedeniem izbiratel'nykh kampanii i referendumov, i mery po ikh razresheniyu [Forensic models of criminal activity and investigative situations arising from the detection and investigation of crimes related to the conduct of election campaigns and referendums, and measures to resolve them]. In *Rossiiskii sledovatel'*, no. 13, pp. 2–8.

Batoroev K. B. (1981) *Analogii i modeli v poznanii* [Analogies and models in cognition]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, 319 p.

Belkin R. S. (1993) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 111 p.

Belkin R. S. (1997) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic encyclopedia]. Moscow, BEK, 342 p.

Belkin R. S. (2000) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic encyclopedia]. Moscow, Megatron-XXI, 333 p.

Belyaev V. V. (1998) *Modelirovanie finitnykh situatsii i kritika finitnykh modelei v traditsionnoi logike: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Modeling of finite situations and criticism of finite models in traditional logic: an abstract of a candidate of philosophical sciences thesis]. St. Petersburg, 21 p.

Chel'tsov M. A. (1948) *Ugolovnyi protsess* [Criminal process]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo MYu SSSR, 624 p.

Chertok A. V. (2015) *Modelirovanie potokov zayavok na finansovykh rynkakh s pomoshch'yu obobshchennykh protsessov riska: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk* [Modelling of application flows in financial markets using generalized risk processes: a candidate of physical and mathematical sciences thesis]. Moscow, 113 p.

Gromov V. I., Krylov V. V. (Eds.) (2003) *Doznanie i predvaritel'noe sledstvie. Metodika rassledovaniya prestuplenii. Osmotr mesta prestupleniya* [Inquiry and preliminary investigation. Crime investigation methodology. Inspection of the crime scene]. Moscow. LeksEst, 544 p.

Gross G., Krylov V. V. (Eds.) (2002) *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki. Reprintnoe izdanie 1908 goda* [A guide for forensic investigators as a forensic system. Reprint edition of 1908]. Moscow, LeksEst, 1088 p.

Manns G. Yu. (1921) *Kriminalistika kak prikladnaya distsiplina i predmet prepodavaniya* [Forensics as an applied discipline and a subject of teaching]. In *Sbornik trudov professorov i prepodavatelei Gosudarstvennogo Irkutskogo Universiteta. Otdel I: Nauki gumanitarnye*. Irkutsk, Gosizdat, iss. 2, pp. 139–164.

Mitrichev S. P. (1956) *Predmet, metod i sistema sovetskoj kriminalistiki* [Subject, method and system of Soviet forensics]. Moscow, s. n., 52 p.

Mitrichev S. P. (1965) *Teoreticheskie osnovy sovetskoj kriminalistiki (Vvedenie v nauku)* [Theoretical foundations of Soviet forensics (Introduction to science)]. Moscow, RIO VYuZ, 92 p.

Ol'khovaya O. N. (2010) *Modelirovanie riska bankrotstva infokommunikatsionnoi kompanii: dis. ... kand. ekon. nauk* [Modeling the risk of bankruptcy of an infocommunication company: a candidate of economic sciences thesis]. Orenburg, 160 p.

Panarina D. V. (2018) *Sovremennye problemy i tendentsii razvitiya yazyka obshchei teorii sudebnoi ekspertizy: dis. ... kand. jurid. nauk* [Modern problems and trends in the development of the language of the general theory of forensic science: a candidate of legal sciences thesis]. Tula, 238 p.

Pavlov A. A. (2006) *Metodika preodoleniya protivodeistviya rassledovaniyu prestuplenii so storony zashchitnika-advokata: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Methodology for overcoming opposition to the investigation of crimes by the defender-lawyer: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 23 p.

Ryabchikov A. P. (2007) *Modelirovanie protsessov formirovaniya nematerial'nykh aktivov: dis. ... kand. ekon. nauk* [Modelling the processes of formation of intangible assets: a candidate of economic sciences thesis]. Moscow, 177 p.

Selivanov N. A. (1982) *Sovetskaya kriminalistika: sistema ponyatii* [Soviet forensics: a system of concepts]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 152 p.

Selivanov N. A., Tanasevich V. G., Eisman A. A., Yakubovich N. A. (1978) *Sovetskaya kriminalistika. Teoreticheskie problemy* [Soviet forensics. Theoretical problems]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 192 p.

Shaver B. M. (1938) Predmet i metod sovetskoj kriminalistiki [The subject and method of Soviet criminalistics]. In *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, no. 6, pp. 56–82.

Shevtsova A. Yu. (2017) Modelirovanie – effektivnoe sredstvo sistematizatsii terminologii v prikladnom issledovanii [Modelling is an effective means of terminology systematization in applied research]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 1–2, pp. 47–51.

Shneider V. B. (2000) *Modelirovanie pragmaticheskoi kommunikatsii: dis. ... d-ra philos. nauk* [Modelling of pragmatic communication: a doctor of philosophical sciences thesis]. Yekaterinburg, 289 p.

Sidorenko E. L. (2011) Zarubezhnye modeli legalizatsii oruzhiya i kriminologicheskaya bezopasnost' lichnosti [Foreign models of weapons legalization and criminological security of the individual]. In *Obshchestvo i pravo*, no. 1, pp. 139–146.

Silina E. K. (1996) *Modelirovanie kolebatel'nykh dvizhenii: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk* [Modelling of oscillatory movements: an abstract of a candidate of physical and mathematical sciences thesis]. St. Petersburg, 15 p.

Strogovich M. S. (1958) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 703 p.

Tarasov-Rodionov P. I. (1951) Sovetskaya kriminalistika [Soviet forensics]. In *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, no. 7, pp. 6–15.

Trushina E. V. (2005) *Terminosistemy kriminalistiki i kriminologii v ramkakh kognitivnogo terminovedeniya (v russkom i frantsuzskom yazykakh): dis. ... d-ra filol. nauk* [Terminological systems of forensic science and criminology within the framework of cognitive terminology (in Russian and French): a doctor of philological sciences thesis]. Yekaterinburg, 185 p.

Uemov A. I. (1971) *Logicheskie osnovy metoda modelirovaniya* [Logical foundations of the modelling method]. Moscow, Mysl', 312 p.

Vasil'ev A. N. (1985) Teoreticheskie problemy sovetskoj kriminalistiki [Theoretical problems of Soviet forensics]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 2, pp. 78–80.

Vinberg A. I. (1941) Kriminalisticheskaya ekspertiza pis'ma [Forensic examination of writing]. In *Uchenye zapiski*, Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, iss. 3, pp. 29–31.

Vinberg A. I. (1949) *Osnovnye printsipy sovetskoj kriminalisticheskoi ekspertizy* [Basic principles of Soviet forensic examination]. Moscow, Gosyurizdat, 132 p.

Vinberg A. I. (1956) *Kriminalisticheskaya ekspertiza v sovetskom ugolovnom protsesse* [Forensic examination in the Soviet criminal process]. Moscow, Gosyurizdat, 220 p.

Vinberg A. I. (1962) Voprosy razvitiya kriminalistiki [Questions of the development of forensics]. In *Sotsialisticheskaya zakonnost'*, no. 1, pp. 22–26.

Vinberg A. I., Belkin R. S. (1969) *Kriminalistika i dokazyvanie* [Forensics and proof]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 216 p.

Vinberg A. I., Belkin R. S. (1973) *Kriminalistika. Obshcheteoreticheskie problemy* [Criminalistics. general theoretical problems]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 264 p.

Yakimov I. N. (1935) *Osmotr* [Inspection]. Moscow, Izdatel'stvo URKM g. Moskvy, 119 p.

Yakimov I. N. (2003) *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoi tekhnike i taktike* [Forensics. Guide to criminal technique and tactics]. Moscow, LeksEst, 496 p.

ДОСУДЕБНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Голубитченко Мария Александровна

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права им. профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru

Галанова Ирина Сергеевна

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права им. профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-4617-8707, e-mail: irina64irina@mail.ru

Сегодня особенно актуальным является совершенствование правовой регламентации досудебного порядка урегулирования налоговых споров между налоговыми органами и налогоплательщиками. Значительное влияние на развитие рассматриваемого института оказывает цифровизация. Необходимо распространить налоговый мониторинг на максимальное число налогоплательщиков, что будет способствовать снижению количества налоговых споров, возникающих обычно ввиду несогласия с результатами налоговой проверки. Одновременно с этим важно проводить мероприятия, направленные на раскрытие преимуществ досудебного порядка урегулирования налоговых споров, на формирование большего доверия налогоплательщика к налоговому органу, на повышение уровня финансовой и цифровой грамотности налогоплательщиков.

Ключевые слова: налоговый спор, досудебный порядок урегулирования налоговых споров, налоговая проверка, защита прав налогоплательщиков

Для цитирования: Голубитченко М. А., Галанова И. С. Досудебное урегулирование налоговых споров: перспективы в эпоху цифровизации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 39–45. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_39.

PRE-JUDICIAL SETTLEMENT OF TAX DISPUTES: PERSPECTIVES IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Golubitchenko Maria

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru

Galanova Irina

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-4617-8707, e-mail: irina64irina@mail.ru

Today it is especially relevant to improve the legal regulation of the pre-trial procedure for the settlement of tax disputes between tax authorities and taxpayers. Digitalization has a significant impact on the development of the considered institution. It is necessary to extend tax monitoring to as many taxpayers as possible, and this will help to reduce the number of tax disputes that usually arise due to disagreement with the results of a tax audit. At the same time, it is important to carry out activities aimed at revealing the advantages of the pre-trial procedure for the settlement of tax

disputes, at ensuring greater confidence of the taxpayer in the tax authority, and at increasing the level of financial and digital literacy of taxpayers.

Key words: tax dispute, pre-trial procedure for the settlement of tax disputes, tax audit, protection of taxpayers' rights

*For citation: Golubitchenko M., Galanova I. (2022) Pre-judicial settlement of tax disputes: perspectives in the era of digitalization. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 39–45, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_39.*

В правовом государстве существует объективная необходимость соблюдения баланса публичных и частных интересов в сфере налогообложения. Актуальность проблематики досудебного урегулирования налоговых споров обусловлена тем, что отношения между публично-правовыми образованиями и налогоплательщиками складываются на началах неравенства. Анализ содержания правоотношений в сфере налогообложения показывает, что налоговые органы в рамках защиты государственных интересов, обладая по отношению к налогоплательщикам и плательщикам сборов властными полномочиями, обеспечивают исполнение последними обязанности по уплате обязательных платежей. Реализация таких полномочий приводит к значительному количеству налоговых споров, в которых налогоплательщики осуществляют защиту своих прав и законных интересов путем обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц в досудебном порядке.

Отсутствие четкого механизма разрешения налоговых споров в досудебном порядке затрудняет реализацию прав и законных интересов налогоплательщиков, а также влияет на реализацию фискальных интересов государства и муниципальных образований.

Можно констатировать, что сегодня налоговая культура населения значительно выросла. Многие налогоплательщики хорошо ориентируются в законодательстве, которое регулирует исчисление и способы уплаты налогов в бюджеты различных уровней¹. Вместе с тем налогоплательщики, помимо доступа к нормативно-правовой базе, имеют право на получение консультаций от должностных лиц налоговых органов и могут не соглашаться с их действиями (бездействием), а также их решениями. Очевидно, что в сложившейся ситуации увеличивается количество налоговых споров.

Понятие «налоговый спор» не закреплено в Кодексе административного судопроизводства РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ, Гражданском процессуальном кодексе РФ и Налоговом кодексе РФ. В НК РФ вместо понятия «спор» употребляются термины «возражения» (ст. 95, 101 НК РФ) и «обжалование» (ст. 101, 137–140, 142 НК РФ).

Ввиду отсутствия законодательного закрепления понятия «налоговый спор» разработкой его определения занимались многие исследователи². Так, Е. О. Козлова считает, что налоговый спор – это конфликт налогового органа и налогоплательщика из-за выполнения организацией или же индивидуальным предпринимателем законных требований о налогах и сборах³. Данное определение представляется не совсем точным, поскольку при защите своих прав физические лица, которые не ведут

¹ Боровинских В. А., Поверинова Е. М., Бычкова Г. Н. Сущность налогового спора // Научный альманах. 2015. № 10-1. С. 77.

² См., например: Орахелашвили Д. Б. Понятие налоговых споров и отдельные направления их разрешения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 72; Овсянников С. В. Налоговые споры в арбитражном суде (общая характеристика) // Правоведение. 1996. № 3. С. 145–146; Семушкин В. С., Воробьева Ю. В. К вопросу о понятии и основаниях возникновения налоговых споров // Налоговые споры: теория и практика. 2004. № 12. С. 24; Рыбакова С. В., Калинина И. А. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 141–150; Тедеев А. А., Парыгина В. А. Налоговое право: учеб. 8-е изд. перераб и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 123; Шинкарьюк Д. А. Досудебное урегулирование налоговых споров (финансово-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 28; Янкевич С. В. Налоговые споры в Российской Федерации: понятие и источники правового регулирования // Публично-правовые исследования. 2015. № 1. С. 59.

³ Козлова Е. О. Квалификация адвокатом налогового спора // Адвокатская практика. 2014. № 5. С. 20.

предпринимательскую деятельность, также могут стать стороной налогового спора, а в приведенном определении такие лица не упоминаются.

Полагаем, что наиболее полное определение налогового спора сформулировали Е. А. Первышов и Д. С. Абрамян. Под налоговым спором они понимают «юридическое разногласие, которое возникло между участниками налоговых правоотношений в связи с проверкой законности нормативных актов, решений, действий государственного органа и правильности, своевременности исполнения налогоплательщиком своих обязанностей»¹.

На наш взгляд, под налоговым спором следует понимать юридический факт, в основании которого лежит конфликт интересов субъектов налоговых правоотношений, возникший ввиду проверки налоговым органом полноты, своевременности и правильности исполнения налогоплательщиком своих обязанностей либо ввиду проверки законности актов, решений, действий (бездействия) государственного органа. Думается, что в целях предотвращения практических проблем, обусловленных отсутствием единого понимания налогового спора, приведенное определение следует закрепить в НК РФ.

В соответствии со ст. 137 НК РФ налоговые споры могут разрешаться двумя способами. Первый способ – обращение в судебный орган с заявлением об оспаривании решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц. Второй способ – досудебное урегулирование спорных вопросов в форме направления жалобы в налоговый орган, который является вышестоящим по отношению к тому, чье решение обжалуется.

В юридической научной и учебной литературе приводятся авторские определения досудебного порядка урегулирования налоговых споров. Например, А. А. Тедеев и В. А. Парыгина под досудебным урегулированием налоговых споров понимают процедуру, применение которой позволяет оперативно урегулировать возникающие конфликты, не доводя решение спора до судебного разбирательства². В свою очередь, М. Е. Медникова определяет досудебный порядок урегулирования спора как «совокупность норм и правил, регулирующих действия сторон юридического конфликта по его урегулированию до обращения в судебные органы»³.

Досудебное урегулирование налоговых споров нельзя назвать новеллой налогового законодательства. Так, этот институт был закреплен в части первой НК РФ уже 1 января 1999 г. Однако налогоплательщики довольно редко пользовались такой возможностью защиты своих прав, отдавая предпочтение судебной форме защиты.

Нормативной базой, регламентирующей досудебный порядок урегулирования налоговых споров, является НК РФ (в особенности ст. 137 и 138). Следует упомянуть также приказ Федеральной налоговой службы России от 13 февраля 2013 г. № ММВ-7-9/78@ «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы». Основной задачей названной Концепции было изменение представлений налогоплательщика о налоговом органе как о карательном государственном институте. Представляется, что на современном этапе данную цель можно считать достигнутой.

В досудебном урегулировании налоговых споров важную роль играют постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства», а также информация Федеральной налоговой службы России «О разъяснении порядка досудебного урегулирования налоговых споров».

Сегодня в соответствии с п. 2 ст. 138 НК РФ действует обязательный досудебный порядок разрешения налоговых споров. То есть, прежде чем обратиться в суд, не-

¹ Первышов Е. А., Абрамян Д. С. К вопросу о понятии налогового спора // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 187.

² Тедеев А. А., Парыгина В. А. Указ. соч. С. 109–110.

³ Медникова М. Е. Досудебное урегулирование и альтернативное разрешение экономических споров: соотношение правовых категорий // Юрист. 2006. № 9. С. 15.

обходимо изначально обжаловать акт налогового органа или действия (бездействие) должностных лиц налогового органа в вышестоящий налоговый орган.

Также в ст. 138 НК РФ закреплено два вида обращений в вышестоящий налоговый орган: 1) жалоба – обращение в связи с обжалованием вступивших в законную силу ненормативных актов, действий или бездействия налоговых органов; 2) апелляционная жалоба – обращение в вышестоящий налоговый орган в связи с обжалованием не вступившего в законную силу решения о привлечении к налоговой ответственности. В соответствии с п. 7 ст. 38 НК РФ, начиная с 17 марта 2021 г., налогоплательщик вправе отозвать поданную им жалобу (апелляционную жалобу), однако в будущем он будет лишен права на повторное обращение с жалобой (апелляционной жалобой) по тем же основаниям и в том же порядке.

По словам И. А. Хавановой, досудебный порядок обжалования «не заменяет правосудие и не лишает права на судебную защиту и при выборе удачных и эффективных правовых решений способен значительно снизить нагрузку на судебную систему при сохранении качества защиты прав и законных интересов налогоплательщиков»¹. Действительно, обязательный досудебный порядок обжалования налоговых споров можно назвать фильтрующим механизмом, который позволяет вышестоящему налоговому органу выявлять ошибки в работе нижестоящего налогового органа. Вместе с тем обязательный досудебный порядок не только помогает разгрузить судебную систему, но и экономит время налогоплательщика, так как судебное решение спора носит, как правило, более длительный характер.

Из правил об обязательном досудебном порядке урегулирования налоговых споров существуют исключения. Они были введены относительно недавно. Так, в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 приводятся основания, при которых соблюдение обязательного досудебного порядка не требуется:

по имущественным требованиям лиц об обяывании налогового (таможенного) органа возратить суммы излишне взысканных налогов (таможенных платежей), пеней и штрафов, выплатить проценты (подп. 5 п. 1 ст. 21, ст. 79 НК РФ);

по делам об оспаривании решения вышестоящего налогового органа, принятого по результатам рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы) (п. 5 ст. 140 НК РФ);

по имущественным требованиям лиц о признании не подлежащими исполнению инкассовых поручений или постановлений налоговых (таможенных) органов о взыскании налогов (таможенных платежей), вынесенных в соответствии со ст. 46 и ст. 47 НК РФ;

по требованиям о возврате (зачете) излишне уплаченных налогов (таможенных платежей), заявленным после отказа налоговых (таможенных) органов в возврате (зачете) спорных сумм в добровольном порядке по заявлению плательщика (ст. 78 НК РФ).

По мнению З. М. Казачковой и Е. А. Летавиной, «досудебное урегулирование налоговых споров, или досудебный аудит, – это универсальный правовой институт, которым обладают практически все развитые и развивающиеся государства, стремящиеся выстроить одновременно жесткую и гибкую систему налогового администрирования, отвечающую современным стандартам эффективной налоговой политики»². Российская Федерация в этом процессе не является исключением.

К настоящему времени порядок взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков претерпел значительные изменения. Налогоплательщики обращаются в Федеральную налоговую службу России (далее – ФНС России) не только с жалобами, но и за квалифицированной консультацией должностных лиц налоговых органов. Налогоплательщики теперь более доверительно относятся к советам специалистов налоговых органов, настроены на сотрудничество с ними, а не конфронтацию.

Становлению подобных доверительных отношений способствовала цифровизация. В качестве примера можно привести активное внедрение такой формы нало-

¹ Хаванова И. А. Право налоговой (административной) жалобы: отдельные вопросы теории и практики // Финансовое право. 2010. № 7. С. 23.

² Казачкова З. М., Летавина Е. А. Досудебный порядок урегулирования налоговых споров // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 45.

гового контроля, как налоговый мониторинг¹. Он заменяет налоговые проверки онлайн-взаимодействием на основе удаленного доступа к информационным системам налогоплательщика и его бухгалтерской и налоговой отчетности. Подобный способ предоставления данных налоговому органу, во-первых, позволяет налогоплательщику достаточно быстро согласовывать позицию по налогообложению планируемых и совершенных операций, а во-вторых, способствует выявлению налоговых рисков и оперативному урегулированию налоговых споров². Налоговый мониторинг помогает предупредить возникновение налоговых споров, поскольку исключает проведение налоговых проверок, по результатам которых, как правило, и возникает налоговый спор.

В настоящий момент участие в налоговом мониторинге является правом, а не обязанностью налогоплательщика. Вместе с тем если обратиться к аналитическому portalу ФНС России и изучить статистические данные за последние три года, можно констатировать, что количество компаний, желающих применять налоговый мониторинг, ежегодно увеличивается более чем в два раза: в 2019 г. таких компаний было 44, в 2020 г. – 95, а в 2021 г. – 209³. Это еще раз подчеркивает возросшее доверие налогоплательщиков к налоговым органам, демонстрирует их готовность к перманентному сотрудничеству, стремление к открытости.

Активное развитие именно цифрового взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков началось еще в 2012 г., когда был создан и запущен сервис «Личный кабинет налогоплательщика». Исследователи справедливо отмечают, что сегодня это один из самых развитых, успешных, крупных и передовых IT-проектов в государственном секторе не только в России, но и во всем мире⁴.

Интенсивному внедрению цифровых технологий, в том числе в сферу налогового администрирования, способствовала пандемия COVID-2019. Так, популярной стала защита прав налогоплательщиков в досудебном порядке в цифровом (бесконтактном) формате, позволяющем подать жалобу либо апелляционную жалобу без личного посещения налогового органа и без помощи представителя. Для подачи документа достаточно воспользоваться любым цифровым устройством, подключенным к Интернету (компьютер, планшет или смартфон), и иметь доступ к личному кабинету налогоплательщика.

Официальный сайт ФНС России снабжен всеми необходимыми для формирования и дальнейшего отслеживания жалобы (апелляционной жалобы) сервисами, начиная с образца создания жалобы (апелляционной жалобы) со ссылкой на нормы законодательства и заканчивая сервисом «Узнать о жалобе», предоставляющим организациям и физическим лицам возможность получать информацию о ходе и результатах рассмотрения обращений (жалоб, заявлений, предложений)⁵.

Чтобы подать жалобу (апелляционную жалобу), необходимо на главной странице официального сайта ФНС России открыть вкладку «Контакты и обращения», затем перейти на вкладку «Досудебное урегулирование налоговых споров». Следует выбрать нужный для налогоплательщика пункт («Юридическое лицо» или «Физическое лицо») и, придерживаясь формы, изложить содержание жалобы (апелляционной жалобы) с подробным описанием каждого ее пункта и ссылками на действующее законодательство⁶.

Федеральным законом от 17 февраля 2021 г. № 6-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации», помимо прочих измене-

¹ Финансовому праву также известно понятие банковского мониторинга. См.: Рыбакова С. В. Теоретико-правовые основы банковского надзора в России: моногр. / науч. ред. Н. И. Придворов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. С. 97–101.

² Налоговый мониторинг // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/taxmonit/ (дата обращения: 17.05.2022).

³ Поступления в бюджетную систему РФ // Аналитический портал ФНС России. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2022).

⁴ Лебедева Т. Ю. Трансформация налоговых отношений на стадии досудебного урегулирования налоговых споров в условиях современной цифровизации // Теоретическая экономика. 2021. № 8. С. 105–106.

⁵ Узнать о жалобе // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: <https://service.nalog.ru/complaints.do> (дата обращения: 17.05.2022).

⁶ Досудебное урегулирование споров // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/apply_fts/pretrial/ (дата обращения: 17.05.2022).

ний в досудебном урегулировании налоговых споров, была законодательно закреплена возможность рассмотрения жалобы с использованием видео-конференц-связи в порядке, утверждаемом ФНС России¹.

Представляется, что досудебное урегулирование споров в цифровом формате продолжит свое развитие. Некоторые исследователи считают необходимым внедрение искусственного интеллекта для рассмотрения «мелких налоговых споров»². Думается, что в настоящий момент такие предложения преждевременны. Внедрению подобных технологий должно предшествовать комплексное исследование возможности их применения как с технической, так и с правовой точки зрения. Кроме того, нельзя забывать, что, вероятнее всего, искусственный интеллект не сможет всесторонне рассмотреть спор и объективно оценить весь спектр значимых факторов, влияющих на его исход.

Подводя итог, отметим, что досудебный способ урегулирования налоговых споров по сравнению с судебным способом имеет ряд преимуществ: простая и менее формализованная процедура обращения; более короткие сроки рассмотрения жалобы; отсутствие расходов, связанных с оплатой государственной пошлины, и других судебных издержек.

Видится необходимым проведение мероприятий, направленных на разъяснение налогоплательщикам преимуществ досудебного порядка урегулирования налоговых споров; на формирование большего доверия налогоплательщика к налоговому органу; на повышение уровня финансовой и цифровой грамотности налогоплательщиков. Представляется, что в средствах массовой информации и социальных сетях могли бы публиковаться соответствующие статьи, а также информационные обучающие видеоролики. Кроме того, думается, что предупреждению возникновения налоговых споров между налоговым органом и налогоплательщиком-организацией способствовало бы распространение налогового мониторинга на максимально возможное число налогоплательщиков.

Список литературы

Боровинских В. А., Поверинова Е. М., Бычкова Г. Н. Сущность налогового спора // Научный альманах. 2015. № 10-1. С. 77–80.

Голубитченко М. А., Галанова И. С. Актуальные вопросы регулирования налоговых споров в досудебном порядке // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 56–64. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_56.

Казачкова З. М., Летавина Е. А. Досудебный порядок урегулирования налоговых споров // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 45–49.

Козлова Е. О. Квалификация адвокатом налогового спора // Адвокатская практика. 2014. № 5. С. 17–21.

Лебедева Т. Ю. Трансформация налоговых отношений на стадии досудебного урегулирования налоговых споров в условиях современной цифровизации // Теоретическая экономика. 2021. № 8. С. 105–109.

Медникова М. Е. Досудебное урегулирование и альтернативное разрешение экономических споров: соотношение правовых категорий // Юрист. 2006. № 9. С. 14–17.

Мельников А. С. Зарубежный опыт цифрового развития досудебного урегулирования налоговых споров // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 3. С. 53–56.

Овсянников С. В. Налоговые споры в арбитражном суде: общая характеристика // Правоведение. 1996. № 3. С. 144–149.

Орахелашвили Д. Б. Понятие налоговых споров и отдельные направления их разрешения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 185 с.

Первышов Е. А., Абрамян Д. С. К вопросу о понятии налогового спора // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 186–191.

Рыбакова С. В. Теоретико-правовые основы банковского надзора в России: моногр. / науч. ред. Н. И. Придворов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. 142 с.

¹ Об изменениях в правовом регулировании досудебного урегулирования налоговых споров подробнее см.: *Голубитченко М. А., Галанова И. С.* Актуальные вопросы регулирования налоговых споров в досудебном порядке // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 56–57. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_56.

² *Мельников А. С.* Зарубежный опыт цифрового развития досудебного урегулирования налоговых споров // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2021. № 3. С. 55–56.

Рыбакова С. В., Калинина И. А. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 141–150.

Семущин В. С., Воробьева Ю. В. К вопросу о понятии и основаниях возникновения налоговых споров // Налоговые споры: теория и практика. 2004. № 12. С. 23–28.

Тедеев А. А. Налоговое право России: учеб. 8-е изд. перераб и доп. М.: Юрайт, 2021. 410 с.

Хованова И. А. Право налоговой (административной) жалобы: отдельные вопросы теории и практики // Финансовое право. 2010. № 7. С. 23–27.

Шинкарьук Д. А. Досудебное урегулирование налоговых споров (финансово-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 163 с.

Янкевич С. В. Налоговые споры в Российской Федерации: понятие и источники правового регулирования // Публично-правовые исследования. 2015. № 1. С. 56–75.

References

Borovinskikh V. A., Poverinova E. M., Bychkova G. N. (2015) Sushchnost' nalogovogo spora [The essence of the tax dispute]. In *Nauchnyi al'manakh*, no. 10-1, pp. 77–80.

Golubitchenko M. A., Galanova I. S. (2021) Aktual'nye voprosy regulirovaniya nalogovykh sporov v dosudebnom poryadke [Current issues of tax disputes regulation in pre-trial proceedings]. In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 12, pp. 56–64, DOI: 10.47643/1815-1337_2021_12_56.

Kazachkova Z. M., Letavina E. A. (2014) Dosudebnyi poryadok uregulirovaniya nalogovykh sporov [Pre-trial procedure for the settlement of tax disputes]. In *Administrativnoe pravo i protsess*, no. 5, pp. 45–49.

Khovanova I. A. (2010) Pravo nalogovoi (administrativnoi) zhaloby: otdel'nye voprosy teorii i praktiki [The right of tax (administrative) complaint: separate issues of theory and practice]. In *Finansovoe pravo*, no. 7, pp. 23–27.

Kozlova E. O. (2014) Kvalifikatsiya advokatom nalogovogo spora [Qualification by a lawyer of a tax dispute]. In *Advokatskaya praktika*, no. 5, pp. 17–21.

Lebedeva T. Yu. (2021) Transformatsiya nalogovykh otnoshenii na stadii dosudebnogo uregulirovaniya nalogovykh sporov v usloviyakh sovremennoi tsifrovizatsii [Transformation of tax relations at the stage of pre-trial settlement of tax disputes in the conditions of modern digitalization]. In *Teoreticheskaya ekonomika*, no. 8, pp. 105–109.

Mednikova M. E. (2006) Dosudebnoe uregulirovanie i al'ternativnoe razreshenie ekonomicheskikh sporov: sootnoshenie pravovykh kategorii [Pre-trial settlement and alternative resolution of economic disputes: correlation of legal categories]. In *Yurist*, no. 9, pp. 14–17.

Mel'nikov A. S. (2021) Zarubezhnyi opyt tsifrovogo razvitiya dosudebnogo uregulirovaniya nalogovykh sporov [Foreign experience of digital development of pre-trial settlement of tax disputes]. In *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu*, no. 3, pp. 53–56.

Orakhelashvili D. B. (2004) *Ponyatie nalogovykh sporov i otdel'nye napravleniya ikh razresheniya v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [The concept of tax disputes and certain areas of their resolution in the Russian Federation: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 185 p.

Ovsyannikov S. V. (1996) Nalogovye spory v arbitrazhnom sude: obshchaya kharakteristika [Tax disputes in the arbitration court: general characteristics]. In *Pravovedenie*, no. 3, pp. 144–149.

Pervyshov E. A., Abramyan D. S. (2015) K voprosu o ponyatii nalogovogo spora [On the question of the concept of a tax dispute]. In *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 186–191.

Rybakova S. V. (2004) *Teoretiko-pravovye osnovy bankovskogo nadzora v Rossii* [Theoretical and legal foundations of banking supervision in Russia], ed. by N. I. Pridvorov. Tambov, Izdatel'stvo TGU im. G. R. Derzhavina, 142 p.

Rybakova S. V., Kalinina I. A. (2015) Nalogovyi spor v aspekte garantii prav nalogoplatel'shchikov [Tax dispute in aspect of guarantees of the rights of taxpayers]. In *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 141–150.

Semushkin V. S., Vorob'eva Yu. V. (2004) K voprosu o ponyatii i osnovaniyakh vozniknoveniya nalogovykh sporov [On the question of the concept and grounds for the occurrence of tax disputes]. In *Nalogovye spory: teoriya i praktika*, no. 12, pp. 23–28.

Shinkaryuk D. A. (2008) *Dosudebnoe uregulirovanie nalogovykh sporov (finansovo-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk* [Pre-trial settlement of tax disputes (financial and legal research): a candidate of legal sciences thesis]. Omsk, 163 p.

Tedeev A. A. (2021) *Nalogovoe pravo Rossii* [Tax law of Russia], 8th ed., revis. and add. Moscow, Yurait, 410 p.

Yankevich S. V. (2015). Nalogovye spory v Rossiiskoi Federatsii: ponyatie i istochniki pravovogo regulirovaniya [Tax disputes in the Russian Federation: the concept and sources of legal regulation]. In *Publichno-pravovye issledovaniya*, no. 1, pp. 56–75.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Мусаткина Арина Игоревна

Студент Уральского государственного юридического университета
им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-1330-0868,
e-mail: arina_musatkina@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением категории «личность» в уголовном процессе. На основе проведенного анализа принципов-гарантий уголовного судопроизводства автор приходит к выводу, что личностью в уголовном судопроизводстве является каждый человек, вовлеченный в деятельность органов, ведущих производство по уголовному делу, вне зависимости от наличия у него процессуального статуса. Дается обобщенная характеристика процедуры установления личности участников уголовного судопроизводства, описываются ее особенности. Значительное внимание уделяется проблеме обязательности выяснения анкетных данных подозреваемого (обвиняемого) для производства отдельных процессуальных действий и осуществления уголовного преследования в целом. Обосновывается мысль о том, что при наличии доказательств, отвечающих требованиям ч. 1 ст. 88 УПК РФ и опровергающих презумпцию невиновности подозреваемого (обвиняемого), отсутствие сведений о его личности не препятствует привлечению его к уголовной ответственности. Автор отмечает неоднозначность формулировок положений уголовного процессуального закона, регламентирующих применение мер обеспечения безопасности отдельных участников уголовного судопроизводства, в том числе посредством сокрытия их личности с помощью псевдонимов.

Ключевые слова: личность в уголовном процессе, установление личности, сокрытие личности, псевдонимы, участники уголовного судопроизводства

Для цитирования: Мусаткина А. И. Проблемы установления и сокрытия личности участников уголовного судопроизводства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 46–54. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_46.

PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND CONCEALMENT OF THE IDENTITY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Musatkina Arina

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-1330-0868, e-mail: arina_musatkina@mail.ru

The article discusses issues related to the definition of the category «identity» in criminal proceedings. Based on the analysis of the principles of criminal proceedings, the author comes to the conclusion that a person in criminal proceedings is every person involved in the activities of bodies conducting criminal proceedings, regardless of whether he / she has a procedural status. A generalized characteristic of the institute of identification of participants in criminal proceedings is given, and its features are described. Special attention is paid to the problem of the obligation to clarify the personal data of the suspect (accused) for the implementation of certain procedural actions and criminal prosecution as a whole. It is substantiated that if there is evidence that meets the requirements of paragraph 1 of Article 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and refutes the presumption of innocence of the suspect (accused), the lack of information about his / her identity does not prevent him / her from being brought to criminal responsibility. The author highlights the

ambiguous nature of the wording of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the application of security measures to individual participants in criminal proceedings, including the concealment of their identity by using pseudonyms.

Key words: identity in criminal proceedings, identification, concealment of identity, pseudonyms, participants in criminal proceedings

*For citation: Musatkina A. (2022) Problems of identification and concealment of the identity of participants in criminal proceedings. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 46–54, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_46.*

Понятие «личность» в настоящее время приобрело настолько широкое распространение в источниках различных отраслей права, что его употребление на практике происходит автоматически, без каких-либо сомнений в трактовке и дополнительных размышлений по поводу его содержания. Между тем ни один нормативный правовой акт не закрепляет легальное определение этого термина.

Вероятно, отсутствие законодательной дефиниции слова «личность» обусловлено многообразием связанных друг с другом подходов к пониманию данной категории, среди которых выделяют философский, социологический и, безусловно, правовой. По мнению некоторых авторов, личность для права – это любой человек¹, и это косвенно подтверждается положениями Конституции РФ, признающими человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), а достоинство личности – объектом охраны государства (ч. 1 ст. 21). Таким образом, каждый человек, являющийся субъектом определенных правоотношений, есть личность, наделенная той или иной совокупностью прав и обязанностей.

В уголовном праве, как материальном, так и процессуальном, с одной стороны, изучается противоправное поведение человека, особенности характера, причины и условия, которые оказали на него негативное влияние и послужили отправной точкой для совершения преступлений, а с другой – предусматриваются всевозможные гарантии обеспечения прав личности, в том числе от необоснованного их ограничения действиями органов публичной власти.

В законодательной системе принципов уголовного судопроизводства, закрепленных в гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ, выделяется такая группа, как принципы-гарантии прав личности (ст. 9–13, 19 УПК РФ)². Они основаны на конституционных положениях о правах и свободах человека, при этом каждый принцип связан с защитой интересов именно участников уголовного судопроизводства. Предположив, что под «участниками» подразумеваются лица, непосредственно принимающие участие в досудебном и судебном производстве, можно заключить, что личностью для уголовного процесса будет считаться любой человек, вовлеченный в деятельность правоохранительных органов, независимо от наличия у него процессуального статуса, поскольку ряд гарантий обеспечения прав человека при производстве по уголовному делу закреплен и в статьях Основного закона РФ. Вместе с тем термин «личность», употребляемый в УПК РФ, допустимо рассматривать и с иной точки зрения, подразумевая под ним не конкретного человека, а комплекс уникальных признаков, присущих только этому лицу и позволяющих его идентифицировать.

Думается, сложно переоценить значение ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Однако следует отметить, что даче свидетельских показаний, а соответственно, и возможному отказу от предоставления информации, ставящей под сомнение невиновность участника уголовного судопроизводства, обязательно предшествует такая процедура, как установление личности.

¹ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. С. 5.

² Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма : Инфра-М, 2022. С. 102.

В действующем отечественном законодательстве не устанавливается порядок проведения названной процедуры, а также не дается ее однозначное определение. При этом законодательные и исполнительные органы государственной власти повсеместно используют данную формулировку¹, встречается она и в уголовном процессуальном законе.

Пункт 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ обязывает следователя указывать в протоколе следственного действия фамилию, имя и отчество всех лиц, участвующих в следственном действии, а в необходимых случаях – их адрес и другие данные об их личности. Аналогичное требование содержится в ч. 1 ст. 265 УПК РФ, регламентирующей порядок установления личности подсудимого посредством выяснения председательствующим его персональных данных, включая дату и место рождения, владение языком, на котором ведется производство по уголовному делу, образование, род занятий. Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в одном из постановлений² указал, что процесс установления личности подсудимого, описанный в ч. 1 ст. 265 УПК РФ, не освобождает суд от обязанности в ходе судебного следствия выяснить обстоятельства, характеризующие его личность и имеющие значение для постановления приговора или иного итогового судебного решения, потому что этого требуют положения ст. 73 УПК РФ. Еще одним примером ситуации, когда проведение процедуры установления личности обязательно, является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, которое наряду с общими признаками субъекта преступления (вменяемость и достижение возраста уголовной ответственности) обладает дополнительными признаками, предусмотренными соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ.

На первый взгляд установление и удостоверение личности должны предшествовать любому процессуальному действию правоохранительных органов в отношении лица, чьи права и свободы в той или иной мере могут быть затронуты или ограничены его производством. Тем не менее далее приведены некоторые положения уголовного процессуального закона, которые очевидно закрепляют обратное.

Часть 2 ст. 91 УПК РФ указывает на допустимость задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, если его личность не установлена. То же самое обстоятельство (неустановление личности подозреваемого или обвиняемого) в исключительных случаях является основанием для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 2 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Наконец, факт отсутствия в заявлении потерпевшего или его законного представителя данных о лице по уголовным делам частного обвинения не препятствует передаче мировым судьей заявления руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении такого уголовного дела (ч. 4 ст. 20 УПК РФ, ч. 1.1 ст. 319 УПК РФ).

Представляется, что объяснить возможность осуществления уголовного преследования в отношении лица, данные о личности которого неизвестны, можно целью уголовного судопроизводства, которая заключается в установлении лица, совершившего преступление, и опровержении презумпции его невиновности с последующим привлечением его к уголовной ответственности либо возложением на него соответствующих мер государственного принуждения³. Иной же порядок не отвечал бы

¹ См., например, ст. 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Судом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 2 июля 2021 г.), которая связывает процесс установления личности с проверкой паспорта или других документов, исключающих любые сомнения относительно личности указанного гражданина.

В нормативных правовых актах Министерства внутренних дел РФ (далее – МВД России) наряду с названным «документарным» подходом к порядку установления личности можно обнаружить весьма нетривиальный способ подтверждения личности гражданина «путем получения письменных пояснений в произвольной форме от лиц, указанных заявителем...» (пп. 159.2–159.3 Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 16 ноября 2020 г. № 773 (ред. от 8 ноября 2021 г.)).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

³ Уголовный процесс / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. С. 79.

не только названному «ориентир», но и основным принципам производства по уголовному делу.

Допустимо ли производство уголовного дела в отношении обвиняемого, а также последующее его привлечение к уголовной ответственности, если правоприменительными органами не установлена его личность?

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 171 УПК РФ в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны быть указаны его фамилия, имя и отчество, число, месяц, год и место рождения. Следователь также удостоверяется в личности обвиняемого перед объявлением ему упомянутого постановления (ч. 5 ст. 172 УПК РФ).

Сегодня ни в одном нормативном правовом акте не закреплен исчерпывающий перечень способов установления личности гражданина, что объясняется зависимостью выбора соответствующего способа от конкретной ситуации. Изучение федеральных законов, подзаконных и ведомственных актов позволяет выделить наиболее распространенные методы идентификации:

- 1) получение информации непосредственно от лица, чья личность устанавливается;
- 2) удостоверение личности на основании документов;
- 3) поиск сведений в информационных базах данных;
- 4) опознание по свидетельским показаниям и др.

Вряд ли хотя бы один из перечисленных методов допустимо считать универсальным, так как каждый из них по тем или иным причинам может оказаться неэффективным: человек способен умышленно исказить свои персональные данные или отказаться от их сообщения; документы, удостоверяющие личность, могут быть поддельными; не всегда представляется возможным найти сведения в базах данных, равно как и свидетелей, способных дать необходимые показания.

Смоделируем ситуацию, когда пока еще подозреваемый называет одну фамилию, в его паспорте указана другая, а в документе о высшем образовании вписана третья. Кроме того, безрезультатными оказались все средства получения данных об этом лице, включая показания свидетелей, запросы информации, сделанные во всевозможные учреждения, предприятия и организации (ч. 4 ст. 21 УПК РФ) и т. д. В то же время органами предварительного расследования установлено, что соответствующее преступление совершил конкретно этот человек, о чем свидетельствует имеющаяся достаточная совокупность относимых, допустимых и достоверных доказательств, необходимая для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). В описанном случае возможен лишь один вариант действий правоохранительных органов – продолжить производство по уголовному делу, и этому есть обоснование.

В уголовном судопроизводстве действует ряд материально-правовых презумпций, среди которых значимую роль играют презумпция вменяемости лица, совершившего преступление, и презумпция достижения им возраста уголовной ответственности.

Верховный Суд РФ отметил, что при совершении преступления несовершеннолетним установление его возраста обязательно, поскольку его возраст входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, и является одним из условий его уголовной ответственности¹. При этом возраст устанавливается по соответствующим документам (паспорт, свидетельство о рождении и т. д.). Однако если документы, подтверждающие возраст несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), отсутствуют или вызывают сомнение у органов предварительного расследования, ими обязательно иницируется судебная экспертиза (п. 5 ст. 196 УПК РФ).

Аналогично требуется назначение и производство судебной экспертизы, если необходимо установить психическое или физическое состояние подозреваемого (обвиняемого), когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве (п. 3 ст. 196 УПК РФ).

В обоих случаях в зависимости от результатов судебной экспертизы, направленной на опровержение упомянутых ранее презумпций материального уголовного закона, будет решаться вопрос о том, в каком порядке продолжать производство по

¹ Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

уголовному делу, поскольку невменяемое лицо уголовной ответственности не подлежит, равно как и несовершеннолетний, не достигший 14 лет (малолетний), несмотря на совершение ими общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ.

Таким образом, если у следствия имеются доказательства, отвечающие признакам ч. 1 ст. 88 УПК РФ и опровергающие невиновность конкретного лица, то для осуществления уголовного преследования достаточно установления двух названных признаков субъекта преступления, продиктованных ст. 19 УК РФ, независимо от того, известны ли анкетные данные подозреваемого (обвиняемого) вообще и являются ли они достоверными. В подтверждение этого суждения можно привести пример совместного совершения преступления лицом, достигшим 18-летнего возраста, и лицом, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность. В отношении малолетнего будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), поскольку он не отвечает признакам субъекта преступления. В связи с этим при постановлении обвинительного приговора в отношении взрослого в его описательно-мотивировочной части указывается лишь то, что преступление совершено им совместно с другим лицом, без упоминания анкетных данных (фамилии, имени и отчества) малолетнего, поскольку в противном случае будет нарушаться презумпция его невиновности¹.

При неустановленной личности обвиняемого, отвечающего признакам субъекта преступления, нет никаких препятствий для того, чтобы вовсе не указывать его фамилию, имя и отчество в соответствующем процессуальном документе, заменив анкетные данные следующими формулировками: «лицо, именующее себя...», «гражданин, отказавшийся назвать себя» и др.² Наряду с первым вариантом допустимо применить по аналогии ч. 9 ст. 166 УПК РФ³, предусматривающую присвоение псевдонимов отдельным участникам уголовного процесса в целях обеспечения их безопасности и защиты прав личности.

Часть 1 ст. 6 УПК РФ определяет назначение уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения. Несмотря на то что формулировка настоящего положения не исчерпывает содержание определяемого понятия⁴, стоит отметить, что законодатель отдает приоритет именно охране прав личности. Думается, что категория «личность» здесь должна пониматься в широком смысле, т. е. подразумевать наличие доступа к механизму защиты интересов у каждого человека, ставшего участником уголовно-процессуальной деятельности, с учетом его фактического положения.

В свою очередь, названный механизм реализуется посредством применения мер безопасности, перечень которых закреплен в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. При грамматическом толковании данного положения обнаруживаются некоторые неточности в его формулировке. Изначально законодатель перечисляет конкретные процессуальные статусы: «потерпевший», «свидетель», а после использует понятие «иные участники судопроизводства», вероятно, в качестве собирательного термина. Далее приводятся меры обеспечения безопасности через отсылки к другим положениям УПК РФ: присвоение псевдонимов (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 189 УПК РФ); опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); закрытое судебное разбирательство (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ), и др.

Первоначально кажется, что при наличии достаточных данных о поступлении в адрес участников процесса угроз компетентные органы государства могут обеспечить защиту прав и интересов *любого* лица, задействованного в производстве,

¹ Пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

² Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 11.

³ Козубенко Ю. В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. С. 146.

⁴ Уголовный процесс современной России: проблемные лекции: в 2 т. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 81.

с помощью *любого* из названных способов. Однако содержание практически всех приведенных норм уголовного процессуального закона ограничивает круг участников, на защиту прав которых направлено действие мер безопасности, потерпевшим и свидетелем (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 189, ч. 8 ст. 193, ч. 5 ст. 278 УПК РФ), и лишь п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ указывает на допустимость проведения закрытого судебного заседания, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства.

Остановимся на одной из перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ мер безопасности – присвоении псевдонима (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Псевдоним представляет собой вымышленное имя человека (п. 1 ст. 19 Гражданского кодекса РФ), заменяющее по тем или иным причинам настоящее. В уголовном судопроизводстве возможность использования псевдонима предусмотрена в качестве средства обеспечения конфиденциальности сведений об участниках процесса (потерпевших, их представителей, свидетелей), если имеются основания полагать, что на них и их близких родственников может быть оказано негативное психологическое или физическое воздействие. Однако анализ статей УПК РФ, регулирующих порядок применения данного способа защиты субъектов процесса, позволяет выделить ряд проблемных моментов.

Если поводом для возбуждения уголовного дела служит заявление о преступлении (п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), то при его подаче в письменной форме уголовный процессуальный закон требует личную подпись заявителя (ч. 2 ст. 141 УПК РФ), а при занесении в протокол заявления, сделанного в устном виде, кроме подписи необходимо указание личных данных и сведений о документах, удостоверяющих личность (ч. 3 ст. 141 УПК РФ). Одновременно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ допускает присвоение псевдонимов участникам досудебного производства, в том числе при проверке сообщения о преступлении.

Получается, что лицо сначала под своим настоящим именем делает заявление о преступлении в устной форме, его данные вносятся в протокол, а затем при рассмотрении такого сообщения в порядке ст. 144 УПК РФ заявитель может участвовать в процессуальных действиях под псевдонимом, при том что его личность уже установлена и не исключен вариант утечки личной информации. Возникает закономерный вопрос: каким образом органы, которые уполномочены рассматривать сообщение о преступлении, поступившее в форме заявления, должны обеспечивать сохранение в тайне персональных сведений заявителя, если их указание является обязательным? Только путем регистрации другого повода – например, вместо принятия заявления составляется рапорт об обнаружении признаков преступления (но объяснение все равно берется у фактического потерпевшего (заявителя), предоставившего свои личные данные).

Фактически присвоение псевдонимов участникам процесса становится доступным в полном объеме лишь со стадии предварительного расследования, когда лица приобретают соответствующие процессуальные статусы. В частности, право ходатайствовать о применении всех мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ, принадлежит только потерпевшему, его представителю (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетелю (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Вновь обращаясь к содержанию ч. 3 ст. 11 УПК РФ, находим еще одно противоречие: в качестве основания принятия правоприменительными органами мер защиты прав личности приведена угроза потерпевшему или свидетелю опасными противоправными действиями. Соответственно, если названным участникам угрожают, значит, их личность достоверно известна тому, кто осуществляет это противоправное воздействие, а потому эффективность дальнейшего присвоения псевдонима в качестве меры безопасности вызывает сомнения. Кроме того, не исключены случаи, при которых участники уголовного судопроизводства могут злоупотреблять своим правом на применение мер безопасности либо добросовестно заблуждаться относительно наличия угрозы (воспринимая, например, «молчаливые» телефонные звонки как угрозу)¹.

Среди прочего не может остаться незамеченным и отсутствие подробного регулирования процедуры засекречивания персональных данных. В ч. 9 ст. 166 УПК РФ

¹ Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших (Оценка показаний свидетелей и потерпевших на предварительном следствии и в суде первой инстанции). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. С. 85.

предусмотрен лишь порядок конкретных действий органов предварительного расследования. Это положение напоминает инструкцию, из которой исключили несколько важных шагов и деталей: нет информации о том, кто выбирает вымышленное имя – непосредственно лицо, сведения о личности которого должны приобрести конфиденциальный характер, или же следователь (дознатель); закон не предъявляет каких-либо требований к самому псевдониму, оставляя решение этого вопроса на усмотрение участников следственного действия; не указан срок, в течение которого следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление о сохранении в тайне личных данных, и т. д.

Несмотря на имеющиеся недостатки использования псевдонимов в уголовном процессе, они играют значимую роль в осуществлении производства по уголовному делу. Скрытие настоящего имени участника судопроизводства позволяет ему ощущать себя в безопасности и, как следствие, активнее оказывать содействие расследованию преступления. Наиболее результативным представляется присвоение псевдонимов свидетелям, потому что их количество может быть неограниченным, а вероятность того, что с подсудимым все они будут знакомы лично, очень мала. При этом в документы, составляемые в рамках предварительного и судебного следствия, не должны включаться не только анкетные данные, но и такие сведения, как место жительства, место работы или учебы, и иная информация, допускающая возможность найти «засекреченного» свидетеля¹. Однако при применении псевдонимов в уголовном судопроизводстве необходимо соблюдать баланс прав участвующих сторон: в основу обвинительного заключения не могут быть положены показания лиц, сведения о которых не раскрываются; они могут и должны изучаться судом только в совокупности с другими доказательствами², поскольку доказывание виновности обвиняемого с помощью показаний анонимных свидетелей может нарушить его право на защиту³.

Резюмируя, отметим, что «личность» в уголовном процессе – это многогранное и многозначное понятие, подразумевающее как всех участников уголовного судопроизводства, независимо от их процессуального статуса, так и совокупность определенных характеристик и качеств, присущих конкретному лицу. При этом нормы, направленные на защиту прав личности, в контексте уголовного процессуального закона распространяются лишь на отдельные категории участников процесса (физических лиц), будучи неприменимыми к должностным лицам и государственным органам, осуществляющим производство по уголовному делу.

Процедура установления личности участников уголовного процесса, а именно обвиняемого (подозреваемого), в настоящее время не нашла подробного правового регулирования в УПК РФ. Думается, что однозначно говорить о ее значении для производства по уголовному делу вряд ли возможно, так как, с одной стороны, в определенных случаях нельзя произвести те или иные процессуальные или следственные действия без анкетных данных лица (например, в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица), а с другой – с точки зрения материального уголовного закона для привлечения лица к уголовной ответственности при имеющейся у следствия достаточной совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств, указывающих на виновность лица, достаточно того, чтобы оно отвечало двум признакам субъекта преступления: вменяемости и достижения возраста уголовной ответственности.

Уголовный процессуальный закон определяет основные средства, с помощью которых осуществляется защита прав личности участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Вместе с тем представляется, что применение компетентны-

¹ Брусницын Л. В. Псевдонимы в уголовном процессе // Законность. 2005. № 1. С. 24.

² Татаров Л. А. Свойства доказательств в уголовном судопроизводстве: правовые и гносеологические проблемы // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10. С. 153.

³ Калиновский К. Б. Условие для неразглашения данных о личности свидетеля и потерпевшего по УПК РФ // Юридические гарантии правового статуса личности: защита свидетелей и лиц, способствующих раскрытию преступлений в уголовном процессе: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2004. С. 117.

ми государственными органами мер обеспечения безопасности с целью сокрытия личности участников уголовного судопроизводства должно быть целесообразным и обоснованным. В частности, положения ч. 9 ст. 166 УПК РФ не должны применяться в отсутствие реальных угроз свидетелям или потерпевшим, поскольку это следовало бы расценивать как произвол в отношении обвиняемого (подозреваемого) и нарушение законности¹.

Список литературы

Брусницын Л. В. Псевдонимы в уголовном процессе // Законность. 2005. № 1. С. 23–25.

Калиновский К. Б. Условия для неразглашения данных о личности свидетеля и потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Юридические гарантии правового статуса личности: защита свидетелей и лиц, способствующих раскрытию преступлений в уголовном процессе: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2004. С. 117.

Козубенко Ю. В. Механизм уголовно-правового регулирования и антисистема. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. 304 с.

Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 39 с.

Татаров Л. А. Свойства доказательств в уголовном судопроизводстве: правовые и гносеологические проблемы // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10. С. 152–155.

Уголовный процесс современной России: проблемные лекции: в 2 т. Т. 1: Общие положения уголовного судопроизводства / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 366 с.

Уголовный процесс: учеб. / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма : Инфра-М, 2022. 888 с.

Уруков В. Н. К вопросу о доказательственной силе показаний анонимных свидетелей (с учетом прецедентов Европейского суда) // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 61–63.

Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. 232 с.

Якуб М. Л. Показания свидетелей и потерпевших (Оценка показаний свидетелей и потерпевших на предварительном следствии и в суде первой инстанции). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 128 с.

References

Brusnitsyn L. V. (2005) Pseudonimy v ugovolnom protsesse [Pseudonyms in criminal proceedings]. In *Zakonnost'*, no. 1, pp. 23–25.

Kalinovskii K. B. (2004) Usloviya dlya nerazglasheniya dannyykh o lichnosti svidetelya i poterpevshego po Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Conditions for non-disclosure of data on the identity of the witness and the victim under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. In *Yuridicheskie garantii pravovogo statusa lichnosti: zashchita svidetelei i lits, sposobstvuyushchikh raskrytiyu prestuplenii v ugovolnom protsesse: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, p. 117.

Kozubenko Yu. V. (2013) *Mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya i antisistema* [A mechanism of criminal law regulation and anti-system]. Yekaterinburg, UMTs UPI, 304 p.

Proshlyakov A. D. (1997) *Vzaimosvyaz' material'nogo i protsessual'nogo ugovolnogo prava: avto-ref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Interrelation of substantive and procedural criminal law: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 39 p.

Proshlyakov A. D., Balakshin V. S., Kozubenko Yu. V. (Eds.) (2022) *Ugolovnyi protsess* [Criminal process]. Moscow, Norma : Infra-M, 888 p.

Shadrin V. S. (2000) *Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestuplenii* [Ensuring the rights of the individual in the investigation of crimes]. Moscow, Yurлитinform, 232 p.

Tatarov L. A. (2013) *Svoistva dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve: pravovye i gnoseologicheskie problemy* [Properties of evidence in criminal proceedings: legal and epistemological problems]. In *Global'nyi nauchnyi potentsial*, no. 10, pp. 152–155.

Tomina V. T., Zinchenko I. A. (Eds.) (2021) *Ugolovnyi protsess sovremennoi Rossii: problemnye lektsii: in 2 vols. Vol. 1: Obshchie polozheniya ugovolnogo sudoproizvodstva* [The criminal process of modern Russia: problematic lectures: in 2 vols. Vol. 1: General provisions of criminal proceedings]. 2nd ed., reprint. and add. Moscow, Yurait, 366 p.

¹ Уруков В. Н. К вопросу о доказательственной силе показаний анонимных свидетелей (с учетом прецедентов Европейского суда) // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 61–63.

Urukov V. N. (2009) K voprosu o dokazatel'stvennoi sile pokazanii anonimnykh svidetelei (s uchetom pretsedentov Evropeiskogo suda) [On the question of the evidentiary value of the testimony of anonymous witnesses (taking into account the precedents of the European Court)]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 2, pp. 61–63.

Yakub M. L. (1968) *Pokazaniya svidetelei i poterpevshikh (Otsenka pokazanii svidetelei i poterpevshikh na predvaritel'nom sledstvii i v sude pervoi instantsii)* [Testimony of witnesses and victims (Assessment of testimony of witnesses and victims at the preliminary investigation and in the court of first instance)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 128 p.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО (КЛАВИАТУРНОГО) ПОЧЕРКА

Цветкова Анна Денисовна

Студент Уральского государственного юридического университета
им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), сотрудник группы проектов CrimLib.info,
ORCID: 0000-0002-1631-9265, e-mail: at@crimlib.info

Работа построена на аргументированной гипотезе о том, что компьютерный (клавиатурный) почерк имеет много общего с традиционным рукописным, в результате чего также содержит информацию о своем носителе и характеризуется относительной стабильностью, воспроизводимостью и индивидуальностью. Обосновывается важность этого факта в условиях, когда рукописные тексты постепенно утрачивают свое значение, а вопросы определения исполнителя электронных материалов ставятся все чаще. Исходя из этого, предлагается выделить самостоятельную подотрасль криминалистической техники – криминалистическое исследование компьютерного (клавиатурного) почерка, в рамках которого будут рассматриваться признаки компьютерного почерка, позволяющие идентифицировать исполнителя или ответить на ряд диагностических вопросов о нем. К этим признакам относятся: степень выработанности, темп набора и скорость печати, динамика ввода, сила нажатия на клавиши, модель внесения исправлений, системные опечатки и др. Указываются факторы, которые могут влиять на устойчивость компьютерного почерка: психоэмоциональное состояние исполнителя, условия создания текста, вовлеченность в процесс, привычность клавиатуры, характер текста и т. д. Излагаются основы методики соответствующей криминалистической экспертизы, носящей комплексный характер и способной занять место на стыке компьютерно-технических и почерковедческих исследований. Характеризуются этапы исследования, объекты, цели и задачи экспертизы; приводится перечень примерных вопросов, предлагаемых экспертам. Детально рассматривается технология кейлоггеров – устройств для захвата показателей клавиатурного почерка.

Ключевые слова: компьютерный (клавиатурный) почерк, идентификация исполнителя печатного текста, кейлоггер, криминалистическое исследование компьютерного почерка, комплексная компьютерно-техническая и почерковедческая экспертиза

Для цитирования: Цветкова А. Д. Криминалистическое исследование компьютерного (клавиатурного) почерка // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 55–65. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_55.

THE FORENSIC EXAMINATION OF COMPUTER (KEYBOARD) HANDWRITING

Tsvetkova Anna

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
employee, CrimLib.info Project Group, ORCID: 0000-0002-1631-9265, e-mail: at@crimlib.info

The article is based on the reasoned hypothesis that computer (keyboard) handwriting has much in common with traditional handwriting, thus, it also contains information about its carrier and is characterized by relative stability, reproducibility and individuality. This fact is really important today, when handwritten texts are gradually losing their significance, and the issues of determining the performer of electronic materials are increasingly being raised. Based on this, it is proposed to single out an

independent sub-branch of forensic technology – a forensic study of computer (keyboard) handwriting, which will consider the signs of computer handwriting identifying the performer or giving answers to a number of diagnostic questions about him. These signs include: the degree of elaboration, typing pace and typing speed, input dynamics, keystroke force, model of corrections, system typos, etc. The factors that can influence computer handwriting are indicated: the psycho-emotional state of the performer, conditions for creating the text, involvement in the process, familiarity of the keyboard, nature of the text, etc. The author outlines the methodology basics of the relevant forensic examination, which has a complex nature and can take place at the junction of computer-technical and handwriting studies. The stages of the study, objects, goals and objectives of the examination are disclosed; a list of sample questions proposed to experts is given. The technology of keyloggers – devices for capturing indicators of keyboard handwriting – is considered in detail.

Key words: computer (keyboard) handwriting, identification of the performer of the printed text, keylogger, forensic examination of computer handwriting, complex computer-technical and handwriting expertise

For citation: Tsvetkova A. (2022) The forensic examination of computer (keyboard) handwriting. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 55–65, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_55.

С наступлением XXI в. значимое место в жизни человека стали занимать персональные компьютеры и ноутбуки; почти канули в Лету рукописные письма, сменившись электронными; взрослые люди в повседневной жизни почти ничего, кроме собственных подписи и кратких записей, не создают от руки. Именно механическая работа нашей руки, прописывающей буквы, отвечает за формирование почерка, характеризующегося особенностями, которые позволяют осуществлять криминалистическую идентификацию личности.

В последние годы все чаще изучается феномен компьютерного (клавиатурного) почерка, а на стыке технико-информационных наук и криминалистики разрабатываются методики идентификации человека по нему. Мы считаем, что компьютерный почерк непосредственно связан с рукописным и имеет с ним единую природу. Раскрыть и обосновать данную позицию мы постараемся в настоящей работе.

Системы письма всегда были нацелены на упрощение: максимально широкий круг людей должен уметь применять символы для передачи мыслей, описания событий и одновременно написанное должно быть однозначно понято другими¹. С конца XX в. до настоящего времени мы можем наблюдать новый виток в развитии письма, переход на качественно новый уровень взаимопонимания между создателем текста и его адресатом. Заслуга в этом принадлежит компьютерам как новым «письменным принадлежностям»²: ведь почерк каждого человека индивидуален и варьируется по степени разборчивости, в то время как отпечатанные на клавиатуре символы пусть и не абсолютно идентичны за счет вариативности шрифтов, но всегда однозначно различимы.

Компьютерное письмо, несмотря на имеющиеся различия, сущностно едино с традиционным – ручным. Чтобы доказать это, рассмотрим феномен, связанный с письмом и письменной речью, – почерк.

Начать нужно с важного аспекта – организации обучения письму. Так, уже в школах Древнего Египта формировали навык единообразного изображения символов³, однако специализированные прописи появились только в Новое время⁴. И по сей

¹ Волошина О. История письменности. Коротко об истории письма // Русский язык. 2009. № 10. URL: https://rus.isept.ru/view_article.php?id=200901001 (дата обращения: 16.02.2022).

² Кох Е. История инструментов для письма // Наука и Техника: электронная библиотека. 2000. 5 янв. URL: <http://n-t.ru/tp/it/ip.htm> (дата обращения: 16.02.2022).

³ Лазаридис Н. Образование и ученичество в Древнем Египте / пер. В. Г. Безрогова, В. К. Пичугиной // Ценности и смыслы. 2020. № 1. С. 15.

⁴ Шустова Ю. Э. Азбуки-прописи конца XVII – начала XVIII в. из частных собраний // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология (ПСТГУ). 2019. Вып. 53. С. 73.

день большое внимание уделяется тому, чтобы добиться от детей стандартизированного написания букв; этот подход поддерживается преподавателями и психологами¹, но значительно мешает криминалистам, так как снижает возможную вариативность почерка. Что касается печатного письма, то здесь тоже существуют свои «прописи» – клавиатурные тренажеры; правда, распространены они не так широко. Данные программы обладают несколькими существенными отличиями от традиционных прописей. Во-первых, их задача – не выработать единообразную манеру письма, а сформировать навыки скоростного набора текста без опечаток. Во-вторых, начинать их использование следует, когда ребенок уже хорошо владеет языком, на котором необходимо печатать². Таким образом, клавиатурные тренажеры направлены не на формирование базового навыка, а на совершенствование уже имеющегося. Впрочем, есть между рассматриваемыми системами обучения и общее: обе учат правильному положению руки (рук), осанке, расстоянию до листа бумаги (дисплея); обе воздействуют на кистевые мышцы, вызывая напряжение в них и в связи с этим требуя перерывов для разминки рук на начальных этапах обучения. Тем самым механизмы контролируемого формирования компьютерного почерка схожи с теми, что применяются для выработки навыка ручного письма.

Обратимся к определению почерка, которое было сформулировано в конце прошлого века Л. А. Винбергом и М. В. Шванковой, заложившими основы судебного почерковедения: «Почерк – это зафиксированная в рукописи система привычных движений, в основе формирования которой лежит письменно-двигательный навык»³. Теория криминалистической техники к настоящему моменту углубила понимание данного понятия. Так, уже не один двигательный, но комплекс письменно-двигательных функционально-динамических навыков формируют почерк, а сам он не система движений, но результат, итоговая программа выполнения навыков, «содержащая зрительно-двигательный образ» выполняемых символов и специальную систему движений⁴. Оба определения указывают на рукописную природу результата визуализации почерка. Однако если исключить данную характеристику и сосредоточиться на основополагающих признаках почерка, которые как раз и были разработаны за последние полвека, то окажется, что этими признаками обладает также компьютерный (клавиатурный) почерк.

Предложим следующее определение компьютерного (клавиатурного) почерка: это основанная на печатно-двигательном функционально-динамическом комплексе навыков и получающая отображение в печатных символах программа их выполнения, содержащая субъективный и объективный зрительно-двигательные образы набираемых символов и специально приспособленную для их реализации систему движений.

Раскроем признаки, приведенные в данном определении:

1) в основе компьютерного почерка лежит печатно-двигательный функционально-динамический комплекс навыков, т. е. руки совершают целенаправленные движения по клавиатуре;

2) компьютерный почерк выражается в печатных символах, т. е. у исполнителя есть заранее сформированный образ того, что он желает увидеть на экране в результате нажатия определенных клавиш;

3) в процессе печати складываются субъективный и объективный зрительно-двигательные образы набираемых символов. Это особенно четко прослеживается при «слепой печати»: исполнитель сначала представляет, какой символ появится перед ним на экране, если он произведет определенное движение пальцами и кистью, а после нажатия получает стандартизированное изображение;

4) у исполнителя сформирована специальная система движений, т. е. доведены до автоматизма действия, совершаемые пальцами и кистью для передачи на экран с клавиатуры желаемых символов.

¹ Бондаренко Р. В., Захарова Л. Ю. Влияние методики обучения письму на формирование двигательного навыка // Фотография. Изображение. Документ. 2016. Вып. 7. С. 36.

² Цветкова М. С., Богомолова О. Б. Культура клавиатурного письма: метод. пособие. М.: Бинум. Лаборатория знаний, 2009. С. 5.

³ Винберг Л. А., Шванкова М. В. Почерковедческая экспертиза: учеб. / под ред. Р. С. Белкина. Волгоград: б. и., 1977. С. 5.

⁴ Криминалистика: учеб.: в 3 ч. / отв. ред. Л. Я. Драпкин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. Ч. 1. С. 126.

Таким образом, компьютерный почерк, аналогично рукописному, базируется на комплексе специальных движений, требуемых для запечатления конкретных символов, образ которых находится в сознании исполнителя текста. Последнее в полной мере свойственно «слепой печати», в остальных же случаях все символы располагаются перед глазами человека и хранить их в памяти не нужно.

Помимо этого, компьютерный почерк обладает еще несколькими криминалистически значимыми свойствами: индивидуальностью, относительной устойчивостью и воспроизводимостью¹, которые обеспечивают возможность его применения в качестве идентифицирующего объекта².

Компьютерный почерк как криминалистически значимое явление обладает следующими признаками:

1. Степень выработанности. Она может быть высокой, средней или низкой, что зависит от количества используемых при наборе пальцев, скорости печати и числа допускаемых ошибок. Например, при высокой степени выработанности пользователь использует от восьми до десяти пальцев, набирает более 200 знаков в минуту и допускает не более 1,5 % ошибок; при низкой – использует один или два пальца, набирает менее 100 знаков в минуту, а количество ошибок превышает 5 %.

2. Темп набора. Данный признак указывает на то, как быстро человек печатает отдельное слово, предложение, не отвлекаясь на формулирование мысли. Также он отражает средний показатель времени, которое затрачивается на набор двух соседних символов.

3. Скорость печати. Оценивается по числу набранных символов в единицу времени. Как темп, так и скорость могут быть низкими, средними и высокими, отражая, соответственно, степень выработанности печатного навыка.

4. Динамика ввода. Характеризует длительность нажатия клавиш, т. е. время, в течение которого пальцы задерживаются на отдельных символах. Эта характеристика влияет на темп и скорость печати, однако является наиболее устойчивой³ и почти не подвержена воздействию отвлекающих факторов.

5. Сила нажатия. Следует учитывать, что разные клавиатуры неодинаковы по степени чувствительности: если для одной достаточно провести пальцами по поверхности и символы отобразятся, то для других требуется значительное давление. Так, на современных клавиатурах глубина нажатия клавиши для срабатывания варьируется от 1,1 до 4 мм. Однако, вне зависимости от объективных характеристик устройства, люди прикладывают разные усилия при нажатии клавиш. Здесь же можно проследить поколенческую разницу: люди старшего возраста склонны нажимать на клавиши с большим давлением, в то время как представители молодежи печатают тише и мягче.

6. Системные опечатки. Возникают чаще у людей со средневыработанным компьютерным почерком и высокой скоростью печати из-за наложений, дублирования или неудобства возврата к недавно отпечатанной букве.

7. Модель внесения исправлений:

а) переход на символ, который требуется заменить, и исправление только его (может совершаться или курсором мыши, или посредством стрелок на клавиатуре);

б) удаление части элемента до нужного символа (производится или одновременным выделением соответствующей части с помощью мыши, или последовательным посимвольным удалением);

в) полное удаление введенного элемента (также может быть одновременным или последовательным).

При этом нельзя говорить, что человек всегда придерживается только одной модели; часто ее выбор зависит от «объема» ошибки (одна буква или несколько в разных местах слова), ее «удаленности» (вторая буква с конца или центральная в десятибуквенном слове) и времени, условно выделенного на анализ (человеку проще полностью переписать слово, чем прочесть его и найти опечатку). Однако представляется,

¹ Перегудов А. В. Анализ клавиатурного почерка. Способы его применения // Интерактивная наука. 2018. № 6. С. 60.

² Криминалистика. Ч. 1. С. 126.

³ Аверин А. И., Сидоров Д. П. Аутентификация пользователей по клавиатурному почерку // Огарев-Online. 2015. № 20. С. 4.

что чем выше степень выработанности почерка, тем более стабильной будет модель исправления допущенных ошибок.

8. Использование определенных букв, символов и «горячих клавиш». Так, клавиша, соответствующая букве «ё», на распространенных раскладках клавиатуры расположена в удалении от остальных, что вызывает необходимость совершения дополнительных движений для набора этого символа. В свою очередь, использование «горячих клавиш», например Ctrl+C и Ctrl+V, может указывать на уровень просвещенности в компьютерной сфере, предоставляя тем самым полезную информацию для идентификации исполнителя.

9. Характер наложений. Позволяет определить, как исполнитель привык держать руки при наборе и за какие зоны на клавиатуре «отвечает» каждый из пальцев. Существуют стандарты расположения рук на клавиатуре при десятипальцевой печати, хотя даже они предполагают вариативность, а в случае печати без предварительного обучения и (или) носителями низко- и средневыработанных почерков наложения, т. е. ситуации применения одного пальца для набора нескольких символов и обращения к одной клавише разными пальцами, будут еще более заметными.

Общие и частные признаки почерка позволяют решать различные задачи: первые необходимы при диагностическом исследовании текста, а вторые – при непосредственной идентификации его исполнителя¹. В связи с этим небесполезно также разделить на две группы признаки компьютерного почерка. Общими в данном случае будут степень выработанности, темп набора, скорость печати, динамика ввода и сила нажатия; эти характеристики наиболее подвержены изменениям и зависят от действия разнообразных внешних и внутренних факторов, влияющих на состояние исполнителя или среды, в которой он работает. Частными признаками, потенциально указывающими на отклонение от стандартов компьютерной печати, будут системные опечатки, модель внесения исправлений, использование дополнительных символов и характер наложений (когда будут созданы системы его фиксации).

Компьютерный почерк не может характеризоваться абсолютной стабильностью – на него могут влиять различные факторы:

1. Психозоциональное состояние исполнителя. Так, представляется очевидным, что опечаленный, запуганный человек будет печатать медленнее своего обычного темпа, а взволнованный допустит больше ошибок, чем обычно.

2. Физиологическое состояние исполнителя. Например, состояние алкогольного опьянения провоцирует большое количество опечаток и нежелание их исправлять. Человеку в состоянии болезни явно сложнее сконцентрироваться, сформулировать мысль и быстро двигаться, напрягая мышцы, которых в процессе набора текста задействуется около 140².

3. Характер набираемого текста, его содержимое. Так, в личной переписке скорость набора сообщения будет выше, чем при профессиональном общении или написании научной статьи. В свою очередь, при печати на знакомом языке автор будет допускать меньше ошибок, чем при использовании иностранного языка, сложных терминов и незнакомых конструкций.

4. Степень вовлеченности. Темп набора и степень выработанности почерка будут ниже, если исполнитель параллельно чем-то занимается: пьет кофе, разговаривает по телефону и т. п. Аналогичных, но менее интенсивных изменений следует ожидать и при переключении вектора внимания, когда, допустим, человек одновременно набирает на клавиатуре текст и смотрит фильм.

5. Привычность клавиатуры. Так, на новом инструменте многие характеристики почерка, даже высоковыработанного, «сбиваются», ведь к новой клавиатуре приходится какое-то время привыкать. Чем выше степень выработанности, тем быстрее проходит процесс адаптации.

Отдельно можно обозначить группу ситуационных факторов: особенности локации (печать стоя, на улице в морозный день и т. п.), сознательное искажение манеры

¹ Антропов А. В., Бахтеев Д. В., Кабанов А. В. Криминалистическая экспертиза: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. С. 100.

² Иванов А. И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2000. С. 57.

печати (например, в процессе экспериментальной попытки опробовать десятипальцевую печать без системного обучения) и др.

Сегодня все больше текстов создаются в печатном виде, различные операции, требующие подтверждения (аутентификации), также проводятся удаленно. Тем самым все чаще возникает необходимость в получении достоверных сведений о том, кто напечатал те или иные символы, ставшие электронным документом, новостью в блоге или послужившие допуском к определенной информации, возможностям. Так как компьютерный почерк (что было показано выше) обладает перечнем характеристик, на основании которых вполне возможно идентифицировать личность, допустимо говорить о назревшей потребности в создании отдельной подотрасли криминалистической техники, расположенной на пересечении судебного почерковедения и цифровой криминалистики, – криминалистического исследования компьютерного (клавиатурного) почерка.

В этом плане удивительно, что в работах лишь одного автора клавиатурный почерк рассматривается сквозь призму его юридического, а не технического значения¹.

Каждой подотрасли криминалистической техники корреспондирует отдельное направление экспертизы. В данном случае следует обособить комплексную экспертизу компьютерного (клавиатурного) почерка, при проведении которой необходимо использовать почерковедческие и компьютерно-технические знания. Однако нужно, чтобы одновременно с криминалистическими заработали правовые механизмы: были легитимированы способы получения образцов компьютерного почерка, методики их исследования и, что самое важное, результаты соответствующих экспертиз признавались процессуально значимыми доказательственными материалами. Опишем в общих чертах основы экспертной методики исследования компьютерного почерка.

Объекты комплексной экспертизы компьютерного (клавиатурного) почерка можно разделить на две группы:

а) технические, включающие в себя компьютер; клавиатуру; устройство, фиксирующее информацию о почерке (аппаратный перехватчик клавиатуры, диктофон, видеокамера); носитель цифровой информации, содержащий операционную систему, в которой осуществлялась работа с текстом; данные программного перехватчика клавиатуры и пр.;

б) почерковедческие, к которым относятся технически полученные и переведенные в языковую форму записи, фиксирующие особенности почерка («переводы» кодов и функций, расшифровки аудиограмм, аналитические карты видеозаписей), видеоматериалы и спорный текст. Несмотря на то что в рассматриваемой ситуации итоговые материалы не отражают видимых признаков почерка исполнителя, совмещение текста с описанием того, как он был набран, облегчит проведение экспертизы.

Образцы для сравнительного исследования могут быть, как и в классическом почерковедении², свободными, условно-свободными и экспериментальными.

Наиболее эффективным способом получения информации о компьютерном почерке является использование данных, собранных программно-аппаратными средствами захвата показателей времени и силы нажатия на клавиши – кейлоггерами (*keyloggers*)³.

Первый вид кейлоггеров представляет собой компьютерную программу, которая после установки и настройки становится невидимой для пользователя и антивирусного программного обеспечения. Такая программа фиксирует следующие данные: любой набираемый текст и каждое нажатие клавиш (как символьных, так и служеб-

¹ Федоров И. З. К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2.

² Антропов А. В., Бахтеев Д. В., Кабанов А. В. Указ. соч. С. 97.

³ Eltahir W., Salami M., Ismail A., Lai W. Design and evaluation of a pressure-based typing biometric authentication system // EURASIP Journal on Information Security. 2008. Vol. 14. DOI: 10.1155/2008/345047; Grabham N., White N. Use of a novel keypad biometric for enhanced user identity verification // IEEE International Instrumentation and Measurement Technology Conference Proceedings. Piscataway: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2008. DOI: 10.1109/IMTC.2008.4546995.

ных); посещаемые сайты; время включения / выключения отдельной программы и компьютера в целом; документы, отправленные на печать; а также способна делать снимки экрана в соответствии с заданными параметрами и сохранять скопированную в буфер обмена информацию. Все собранные сведения формируются с настроенной регулярностью в читаемый человеком отчет и направляются на почту, сохраняются в сетевом окружении (на связанных с пользовательским устройствах) или передаются через ftp (упрощенно – канал безопасного взаимодействия пользователя с сервером)¹.

Второй вид кейлоггеров – аппаратные – представляет собой подключаемые к клавиатуре и компьютеру через USB или COM-разъемы или встраиваемые в клавиатуру устройства, невидимые для антивирусной защиты компьютера, считывающие все нажатия на клавиши и сохраняющие информацию в собственную память. Доступ к считанной информации возможен только в результате физического обращения к устройству (однако некоторые современные устройства предусматривают передачу данных по Wi-Fi)².

Для получения информации о компьютерном почерке можно также исследовать аудиозаписи, которые создаются в процессе набора символов на клавиатуре. Полученные таким образом данные позволяют определить темп печати и силу нажатия³. Однако для этого необходимо дорогостоящее специализированное оборудование (акустические кейлоггеры)⁴.

Кроме того, возможно собрать необходимые материалы с помощью видеозаписей с камер, объективы которых направлены на руки исполнителя. В этом случае фиксирующее устройство должно характеризоваться высокими кадровой частотой и разрешением, а при анализе записи необходимо использовать таймер, позволяющий корректно определить скорость и темп печати (ведь пальцы могут двигаться очень быстро и иногда существенными для определения исполнителя оказываются различия в доли секунд). Приведенный способ сбора информации имеет много общего с так называемым онлайн-получением образцов подписи в целях их верификации посредством искусственных нейронных сетей: в этом случае фиксируется не только итоговое изображение, но и особенности воплощения письменного навыка человека путем видеозаписи процесса выполнения подписи⁵.

Следует учитывать, что аудиозаписи представляют собой альтернативу специализированным кейлоггерам, в то время как видеофиксация выступает дополнительным средством запечатления особенностей клавиатурного почерка человека, поэтому желательно использовать ее всегда.

Для получения условно-свободных и экспериментальных образцов применяются все три способа, особенно если законодательно предусмотреть возможность установки кейлоггеров на компьютерные устройства подозреваемых в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Однако свободные образцы почерка могут быть получены только в том случае, если на рабочем оборудовании лица, независимо от процесса расследования, будет установлен перехватчик клавиатуры. Для этого необходима инициатива самого человека или его работодателя, поскольку введение формально определенного правила, обязывающего внедрять считывающую программу во все операционные системы, вызовет перегрузку серверов, где собранные данные будут храниться, и увеличит риск утечки персональных данных пользователей. Впрочем, можно предположить, что в операционные системы уже внедрены программы-перехватчики, которые направляют корпорациям сведения, позволяю-

¹ Обзор клавиатурных шпионов: лучшие кейлоггеры // Хакер. 2006. 4 дек. URL: <https://haker.ru/2006/12/04/35563/> (дата обращения: 16.02.2022).

² Сосновский Д. Что такое кейлоггер? // Spy-soft.net. URL: <https://spy-soft.net/chto-takoe-kejlogger-vidy-klaviaturnyx-shpionov/> (дата обращения: 16.02.2022).

³ Догваль В. А. Захват параметров клавиатурного почерка и его особенности // Информационные системы и технологии в моделировании и управлении: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ялта, 5–7 июля 2017 г. / отв. ред. Н. Н. Олейников. Симферополь: Ариал, 2017. С. 231.

⁴ Сосновский Д. Указ. соч.

⁵ Bakhteev D. V., Sudarikov R. NSP Dataset and Offline Signature Verification // Quality of Information and Communications Technology / ed. by M. Shepperd, F. Brito e Abreu, A. Rodrigues da Silva, R. Pérez-Castillo. Cham: Springer, 2020. P. 41–49.

шие, например, регулярно разрабатывать новые, более удобные для пользователей клавиатуры¹. Если это так, то в ходе расследования преступлений можно запросить предоставление свободных образцов компьютерного почерка у соответствующих разработчиков программного обеспечения.

Препятствием к получению образцов компьютерного почерка является распространенное в настоящее время негативное отношение к кейлоггерам². Считается, что они применяются исключительно для похищения персональных данных злоумышленниками, хотя на самом деле эти программы могут быть весьма полезны для пользователя компьютера. Так, их установление и настройка позволяют внедрить систему двойной аутентификации, которая примет пароль только в том случае, если он будет введен исполнителем, чей компьютерный почерк зафиксирован программой³. Также программные средства фиксации клавиатурного почерка могут обеспечивать производственную безопасность: анализ психофизиологического состояния работника по его компьютерному почерку позволяет выявить усталость или специфические состояния (например, алкогольного опьянения), грозящие нежелательными последствиями, в частности авариями⁴. Хотелось бы выразить надежду, что общественность будет воспринимать кейлоггеры как средство обеспечения дополнительной безопасности и начнет их широко внедрять, что значительно упростит работу криминалистов.

После получения образцов компьютерного (клавиатурного) почерка можно приступить к проведению его экспертизы, которая состоит из нескольких этапов:

1. Проверка невредимости упаковки изъятых объектов и целостности последних.
2. Анализ информации, содержащейся в памяти компьютера и имеющей отношение к делу.
3. Технически безопасное извлечение требуемой информации и перевод ее в текстовый формат. На этом этапе эксперты в области компьютерных технологий работают с техническими объектами: из хранилища изымаются отчеты кейлоггеров, аудиозаписи, цифровые показатели (динамика, темп и скорость).
4. Раздельное исследование образцов компьютерного почерка, нашедших отражение при создании спорного текста, и поступивших образцов. Эксперт-почерковед оценивает достаточность, сопоставимость и пригодность полученных образцов для проведения экспертизы. Далее составляются таблицы с указанием общих и частных признаков, сведения для которых берутся из полученных компьютерно-техническими экспертами расшифровок, а также самостоятельного анализа экспертом-почерковедом видеозаписей, на которых отразились особенности расположения рук, движения пальцев и т. п.

5. Сравнительное исследование спорного компьютерно-почеркового материала и имеющихся образцов. Происходит сопоставление полученных на прошлом этапе результатов исследования, выявляются общие и различающиеся черты, на основании чего составляются сводные сравнительные таблицы и формулируются выводы.

6. Оформление выводов в виде экспертного заключения с приложением числовых показателей, снятых с устройств отслеживания компьютерного почерка.

Такое исследование позволит установить: исполнителя напечатанного текста; возраст исполнителя текста⁵; обстоятельства и условия выполнения спорного текста; психофизиологическое состояние исполнителя в момент набора текста. Как и при классической почерковедческой экспертизе⁶, в рамках первой цели решаются иден-

¹ Догваль В. А. Указ. соч. С. 231.

² Клавиатурные шпионы или как клавиатура может предать вас // Новости мира IT. 2019. 11 окт. URL: https://zen.yandex.ru/media/it_news/klaviaturnye-shpiony-ili-kak-klaviatura-mojet-predat-vas-5da04457ba281e-00b3fa7a4d (дата обращения: 16.02.2022).

³ Как разработать систему, которая распознает человека по клавиатурному почерку // IDFinance. 2018. 27 апр. URL: <https://habr.com/ru/company/idfinance/blog/354492/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁴ Васильев В. И., Сулавко А. Е., Борисов Р. В., Жумажанова С. С. Распознавание психофизиологических состояний пользователей на основе скрытого мониторинга действий в компьютерных системах // Искусственный интеллект и принятие решений. 2017. № 3. С. 21–23.

⁵ Педофилов можно узнать по «компьютерному почерку» // Аргументы и факты. 2010. 30 окт. URL: <https://aif.ru/society/science/238780> (дата обращения: 16.02.2022).

⁶ Антропов А. В., Бахтеев Д. В., Кабанов А. В. Указ. соч. С. 98.

тификационные задачи, остальные же направлены на решение диагностических задач.

Наконец, приведем ставящиеся перед экспертами примерные вопросы, которые в данном случае могут быть разделены по профилю проводимых исследований:

I. Вопросы, предлагаемые на разрешение компьютерного эксперта:

1. Имеется ли в компьютере, представленном на исследование, программный кей-логгер?

2. Имеется ли в клавиатуре, представленной на исследование, встроенный аппаратный кейлоггер?

3. Имеется ли среди внешних подключенных носителей аппаратный кейлоггер?

4. Как давно был установлен кейлоггер на пользовательском оборудовании? Знал ли пользователь об этом?

5. Имеются ли в компьютере, представленном на исследование, отчеты о работе кейлоггеров?

6. Имеются ли следы удаления отчетов о работе кейлоггеров? Если эти отчеты удалены, то подлежат ли они восстановлению?

II. Вопросы, предлагаемые на разрешение эксперта-почерковеда:

1. Соответствует ли компьютерный почерк, которым был выполнен спорный текст, образцам компьютерного почерка, представленным на исследование?

2. Одним или разными лицами выполнен представленный на исследование текст?

3. К какой возрастной группе относится исполнитель данного текста?

4. Каким уровнем знаний в области компьютерной техники обладает исполнитель?

5. Есть ли у компьютерного почерка, которым выполнен спорный текст, черты, указывающие на его сознательное изменение? Если есть, то какие?

6. В привычных или непривычных условиях выполнен спорный текст?

7. На привычной ли для исполнителя клавиатуре был набран спорный текст?

8. В нормальном или ненормальном психофизиологическом состоянии находился исполнитель текста в момент его набора? Если в ненормальном, то чем такое состояние могло быть вызвано: болезнью, усталостью, состоянием алкогольного опьянения, сильным стрессом и т. д.?

Полагаем, что изложенные нами основы экспертной методики пробудят интерес криминалистов к теме компьютерного почерка, ведь она невероятно актуальна: люди все меньше пишут от руки, но значение документов, у которых достоверно известен исполнитель, в процессе раскрытия и расследования преступлений не уменьшается. На наш взгляд, необходимо уже сейчас серьезно подойти к изучению феномена компьютерного почерка с позиций его криминалистической значимости, а не дожидаться момента, когда из нашей жизни исчезнут рукописи.

Список литературы

Аверин А. И., Сидоров Д. П. Аутентификация пользователей по клавиатурному почерку // Огарёв-Online. 2015. № 20. С. 1–5.

Антропов А. В., Бахтеев Д. В., Кабанов А. В. Криминалистическая экспертиза: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019. 179 с.

Бондаренко Р. В., Захарова Л. Ю. Влияние методики обучения письму на формирование двигательного навыка // Фотография. Изображение. Документ. 2016. Вып. 7. С. 36–47.

Васильев В. И., Сулавко А. Е., Борисов Р. В., Жумажанова С. С. Распознавание психофизиологических состояний пользователей на основе скрытого мониторинга действий в компьютерных системах // Искусственный интеллект и принятие решений. 2017. № 3. С. 21–37.

Винберг Л. А., Шванкова М. В. Почерковедческая экспертиза: учеб. / под ред. Р. С. Белкина. Волгоград: б. и., 1977. 207 с.

Волошина О. История письменности. Коротко об истории письма // Русский язык. 2009. № 10. URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200901001 (дата обращения: 16.02.2022).

Догваль В. А. Захват параметров клавиатурного почерка и его особенности // Информационные системы и технологии в моделировании и управлении: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ялта, 5–7 июля 2017 г. / отв. ред. Н. Н. Олейников. Симферополь: Ариал, 2017. С. 230–236.

Иванов А. И. Биометрическая идентификация личности по динамике подсознательных движений. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2000. 188 с.

Кох Е. История инструментов для письма // Наука и Техника: электронная библиотека. 2000. 5 янв. URL: <http://n-t.ru/tp/it/ip.htm> (дата обращения: 16.02.2022).

Криминалистика: учеб.: в 3 ч. / отв. ред. Л. Я. Драпкин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. Ч. 1. 246 с.

Лазаридис Н. Образование и ученичество в Древнем Египте / пер. В. Г. Безрогова, В. К. Пичугиной // Ценности и смыслы. 2020. № 1. С. 8–25.

Перегудов А. В. Анализ клавиатурного почерка. Способы его применения // Интерактивная наука. 2018. № 6. С. 59–60.

Федоров И. З. К вопросу об установлении исполнителя электронного текста по клавиатурному почерку при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 113–116.

Цветкова М. С., Богомолова О. Б. Культура клавиатурного письма: метод. пособие. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 170 с.

Шустова Ю. Э. Азбуки-прописи конца XVII – начала XVIII в. из частных собраний // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология (ПСТГУ). 2019. Вып. 53. С. 72–89.

Bakhteev D. V., Sudarikov R. NSP Dataset and Offline Signature Verification // Quality of Information and Communications Technology / ed. by M. Shepperd, F. Brito e Abreu, A. Rodrigues da Silva, R. Pérez-Castillo Cham: Springer, 2020. P. 41–49.

Eltahir W., Salami M., Ismail A. Lai W. Design and Evaluation of a Pressure-Based Typing Biometric Authentication System // EURASIP Journal on Information Security. 2008. Vol. 14. P. 1–14. DOI: 10.1155/2008/345047.

Grabham N., White N. Use of a novel keypad biometric for enhanced user identity verification // IEEE International Instrumentation and Measurement Technology Conference Proceedings. Piscataway: Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2008. P. 12–16. DOI: 10.1109/IMTC.2008.4546995.

References

Antropov A. V., Bakhteev D. V., Kabanov A. V. (2019) *Kriminalisticheskaya ekspertiza* [Forensic examination]. Moscow, Yurait, 179 p.

Averin A. I., Sidorov D. P. (2015) Autentifikatsiya pol'zovatelei po klaviaturnomu pocherku [Authentication of users by keyboard handwriting]. In *Ogarev-Online*, no. 20, pp. 1–5.

Bakhteev D. V., Sudarikov R. (2020) NSP Dataset and Offline Signature Verification. In Shepperd M., Brito e Abreu F., Rodrigues da Silva A., Pérez-Castillo R. (Eds.) *Quality of Information and Communications Technology*. Cham, Springer, pp. 41–49.

Bondarenko R. V., Zakharova L. Yu. (2016) Vliyanie metodiki obucheniya pis'mu na formirovanie dvigatel'nogo navyka [The influence of the methodology of teaching writing on the formation of motor skills]. In *Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument*, iss. 7, pp. 36–47.

Dogval' V. A. (2017) Zakhvat parametrov klaviaturnogo pocherka i ego osobennosti [Capturing the parameters of keyboard handwriting and its features]. In Oleinikov N. N. (Ed.) *Informatsionnye sistemy i tekhnologii v modelirovanii i upravlenii: conference papers*. Simferopol, Arial, pp. 230–236.

Drapkin L. Ya. (2018) *Kriminalistika* [Forensics]: in 3 parts. 2nd ed. Moscow, Yurait, part 1, 246 p.

Eltahir W., Salami M., Ismail A. Lai W. (2008) Design and Evaluation of a Pressure-Based Typing Biometric Authentication System. In *EURASIP Journal on Information Security*, vol. 14, DOI: 10.1155/2008/345047.

Fedorov I. Z. (2019) K voprosu ob ustanovlenii ispolnitelya elektronnogo teksta po klaviaturnomu pocherku pri raskrytii i rassledovanii prestuplenii [On the issue of establishing the performer of electronic text by keyboard handwriting in the disclosure and investigation of crimes]. In *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 2, pp. 113–116.

Grabham N., White N. (2008) Use of a novel keypad biometric for enhanced user identity verification. In *IEEE International Instrumentation and Measurement Technology Conference Proceedings*. Piscataway, Institute of Electrical and Electronics Engineers, pp. 12–16, DOI: 10.1109/IMTC.2008.4546995.

Ivanov A. I. (2000) *Biometricheskaya identifikatsiya lichnosti po dinamike podsoznatel'nykh dvizhenii* [Biometric identification of personality by the dynamics of subconscious movements]. Penza, Izdatel'stvo Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 188 p.

Kokh E. (2000) Istoriya instrumentov dlya pis'ma [History of writing tools]. In *Nauka i Tekhnika: elektronnyaya biblioteka*, 5 Jan., available at: <http://n-t.ru/tp/it/ip.htm> (accessed: 16.02.2022).

Lazaridis N. (2020). *Образование и ученичество в Древнем Египте* [Education and apprenticeship in Ancient Egypt], transl. by V. G. Bezrogov, V. K. Pichugina. In *Tsennosti i smysly*, no. 1, pp. 8–25.

Peregudov A. V. (2018) Analiz klaviaturnogo pocherka. Sposoby ego primeneniya [Analysis of keyboard handwriting. Methods of its application]. In *Interaktivnaya nauka*, no. 6, pp. 59–60.

Shustova Yu. E. (2019) Azbuki-propisi kontsa XVII – nachala XVIII v. iz chastnykh sobranii [ABC-books for writing skills of the late 17th – early 18th centuries from private collections]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya (PSTGU)*, iss. 53, pp. 72–89.

Tsvetkova M. S., Bogomolova O. B. (2009) *Kul'tura klaviaturnogo pis'ma* [Culture of keyboard writing]. Moscow, Binom. Laboratoriya znanii, 170 p.

Vasil'ev V. I., Sulavko A. E., Borisov R. V., Zhumazhanova S. S. (2017) Raspoznavanie psikhofiziologicheskikh sostoyanii pol'zovatelei na osnove skrytogo monitoringa deistvii v komp'yuternykh sistemakh [Recognition of psychophysiological states of users based on covert monitoring of actions in computer systems]. In *Iskusstvennyi intellekt i prinyatie reshenii*, no. 3, pp. 21–37.

Vinberg L. A., Shvankova M. V. (1977) *Pocherkovedcheskaya ekspertiza* [Handwriting expertise], ed. by R. S. Belkina. Volgograd, s. n., 207 p.

Voloshina O. (2009) Istoriya pis'mennosti. Korotko ob istorii pis'ma [The history of writing. Briefly about the history of writing]. In *Russkii yazyk*, no. 10, available at: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200901001 (accessed: 16.02.2022).

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРЕСА, ЗАЩИЩАЕМОГО КОСВЕННЫМ ИСКОМ

Гусейнов Нариман Шахин оглы

Студент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), ORCID: 0000-0002-8901-8252, e-mail: nariman2000@yandex.ru

Вопрос о правовой природе косвенного иска остается одним из самых обсуждаемых в процессуально-правовой науке. Этому способствует как иностранное происхождение данного правового механизма, так и его теоретическая сложность. При этом существующее в науке и судебной практике неоднозначное восприятие некоторых аспектов действия механизма косвенного иска мешает корректному формированию практики его применения. В статье предлагается разрешать возникающие противоречия, исходя из определения тех интересов, для защиты которых служит исследуемая конструкция. Автор критически оценивает ряд научных взглядов на исследуемую проблему, доказывает несостоятельность позиции ученых, отрицающих обоснованность выделения института косвенного иска и существования самостоятельного интереса участника юридического лица при предъявлении косвенного иска. На основе анализа судебной практики опровергается мнение о поглощении интересов участников юридического лица интересами последнего или наоборот. Сделан вывод об обусловленности интереса корпорации интересами ее участников, а также о наличии у истца по косвенным искам самостоятельного юридического интереса в исходе дела и, как следствие, материально-правовой заинтересованности в процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс, косвенный иск, корпоративные споры, юридический интерес, возмещение убытков, корпоративные отношения

Для цитирования: Гусейнов Н. Ш. Характеристика интереса, защищаемого косвенным иском // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 66–74. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_66.

CHARACTERISTICS OF THE INTEREST PROTECTED BY AN INDIRECT CLAIM

Guseinov Nariman

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0000-0002-8901-8252, e-mail: nariman2000@yandex.ru

The issue of the legal nature of an indirect claim is one of the most discussed in procedure law science. This is due to the foreign origin of this legal mechanism and its theoretical complexity. At the same time, the ambiguous perception in the science and judicial practice of some aspects of the indirect claim mechanism hinders its correct application. In this regard, the article proposes to resolve the arising contradictions, based on the definition of the interests, which are protected by the indirect claim. The author critically analyses a number of scientific views on the issues under study, and proves the inconsistency of positions denying the validity of the allocation of the indirect claim institute and the existence of an independent interest of a participant in a legal entity when an indirect claim is filed. Based on the analysis of judicial practice, the author refutes the opinion about the absorption of the interests of participants of a legal entity by the interests of the latter or vice versa. He concludes that the corporation's interest is conditioned by the interests of its participants, as

well as that the plaintiff in indirect claims has an independent legal interest in the outcome of the case and, as a result, a substantive interest in the process.

Key words: arbitration process, indirect claim, corporate disputes, legal interest, damages, corporate relations

For citation: Guseinov N. (2022) Characteristics of the interest protected by an indirect claim. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 2, pp. 66–74, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_66.

Cui bone est?
Cicero

Основной целью системы корпоративного управления является обеспечение возврата инвестиций тем, кто предоставил компании свое имущество. В связи с этим необходимо выработать эффективные механизмы *ex post* контроля, которые побуждали бы директоров корпорации действовать во благо корпорации и всех ее участников, а не в своих интересах или интересах ограниченного круга лиц. Одним из таких механизмов защиты интересов участников юридического лица, прежде всего миноритариев, является институт корпоративного косвенного (производного) иска.

Появление косвенного иска в российском цивилистическом процессе связано в первую очередь с возникновением и развитием корпоративного права и, как следствие, с необходимостью существования эффективных процессуальных средств защиты корпоративных прав. В 2009 г. Арбитражный процессуальный кодекс РФ был дополнен гл. 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам». Была установлена исключительная компетенция арбитражного суда по рассмотрению корпоративных споров и закреплен порядок предъявления участником корпорации косвенного иска.

В научной среде нет единства мнений по многим вопросам, возникающим в связи с изучением косвенного иска. Такая ситуация может объясняться несколькими причинами.

Первая заключается в том, что косвенный иск был заимствован в наш правовой порядок из англосаксонского процесса, однако законодатель не провел работу по его адаптации.

Вторая причина в какой-то мере связана с первой и выражается в том, что единое понимание идеи косвенного иска отсутствует и в зарубежном процессе, что обусловлено существованием различных моделей косвенного иска, выделяемых правоведом даже в рамках одного правового порядка. К примеру, некоторые авторы обозначают две модели иска о возмещении убытков обществу, используемые в европейских странах: *ut singuli* (иск подается акционером от своего имени) и *ut universi* (юридическое лицо само обращается в суд с требованием о возмещении убытков)¹. Анализ зарубежного законодательства показывает, что в зависимости от историко-юридических предпосылок в производстве по косвенному иску в разных странах соотношение объема процессуальных прав юридического лица и его участника, предъявившего косвенный иск, неодинаково.

Третья причина – сущность самого косвенного иска и материально-правового отношения, лежащего в его основе. Косвенный иск является межотраслевым институтом и находится на стыке процессуального и корпоративного права, а потому при его изучении невозможно игнорировать нормы последнего: ответы на процессуальные вопросы нельзя искать в отрыве от тех правоотношений, защите которых косвенный иск служит. Неоднозначность проблем и разнообразие мнений, касающихся теории юридического лица, особенностей развития корпоративных отношений, соотношения интересов акционера, всех акционеров и собственно корпорации, обуславливают теоретическую и практическую сложность исследования института косвенного иска.

¹ См., например: Чичакаян Р. А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Согласиться с этими авторами сложно, поскольку модель иска о возмещении убытков *ut universi* реализуется через поощрение общества к подаче иска. С процессуальной точки зрения имеет место прямой, а не косвенный иск.

В работах, посвященных косвенному иску, встречаются диаметрально противоположные мнения относительно таких вопросов, как процессуальное положение юридического лица и его участника в производстве по косвенному иску; течение сроков исковой давности; распределение судебных расходов; определение круга субъектов, наделенных правом требования исполнения решения суда, и т. д.¹ Такая ситуация не способствует нормальному развитию практики применения косвенных исков, на что обращает внимание С. С. Казиханова².

Изучая те или иные институты процессуального права, не следует пренебрегать исследованием общих категорий процессуальной науки, в частности категории интереса. Как отмечал Р. Э. Гукасян, само существование процессуального права порождается наличием интереса, защита которого осуществляется либо в форме опосредствования его субъективным правом, либо непосредственно³. Таким образом, интерес первичен и обуславливает наличие механизмов его защиты. Потому представляется, что при изучении косвенного иска необходимо определить, на защиту какого интереса он направлен. Одни ученые признают наличие собственного интереса и материальной заинтересованности за участником юридического лица, а другие отрицают наличие такового, указывая на поглощение его интересами юридического лица.

Итак, в рамках данного исследования необходимо обратить внимание на следующие вопросы: чей интерес защищается косвенным иском; какой интерес первичен с точки зрения защиты; защищается ли два интереса (один через защиту другого) или один (единый) интерес?

В современной науке наиболее распространена точка зрения о наличии у участника юридического лица, обращающегося с косвенным иском, самостоятельного юридического интереса в исходе дела. Например, С. С. Казиханова, указывая на несостоятельность позиции об отнесении участников корпорации к ее процессуальным представителям, отмечает наличие у таких участников самостоятельного юридического интереса, часто противоречащего интересу самого юридического лица, что подтверждается материалами судебной практики. Также С. С. Казиханова обращает внимание на закрепление в ст. 65.2 ГК РФ субъективного права участника, а последней, как известно, есть форма опосредствования интереса, т. е. налицо признание такового законодателем⁴.

Д. Ю. Ионова раскрывает содержание интереса участника, показывая связь имущественных потерь компании с ущербом участника⁵. К примеру, когда стоимость чистых активов компании станет меньше ее уставного капитала по окончании отчетного года, в соответствии с п. 6 ст. 35 Федерального закона «Об акционерных обществах» и п. 4 ст. 30 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» компания должна уменьшить уставный капитал до величины, не превышающей стоимости ее чистых активов, что приведет к уменьшению размеров долей и акций участников. Е. Г. Стрельцова, рассматривая положение лиц, действующих в чужих интересах в исполнительном производстве, отмечает особенности положения истцов по косвенным искам и подчеркивает, что такие лица имеют материально-правовой интерес к результату исполнения, хоть и не такой, как у взыскателя⁶.

Однако в науке есть и противоположные точки зрения. К примеру, С. В. Моисеев неоднократно выражал сомнения относительно обоснованности выделения института косвенного иска и существования самостоятельного интереса участника корпорации⁷.

¹ Казиханова С. С. Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9; Моисеев С. В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Там же.

² Казиханова С. С. Указ. соч. С. 42–57.

³ Гукасян Р. Э. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М. А. Викут. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. С. 18–19.

⁴ Казиханова С. С. Указ. соч. С. 42–57.

⁵ Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.

⁶ Стрельцова Е. Г. О положении в исполнительном производстве лица, действующего в чужом интересе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 83.

⁷ Моисеев С. В. Указ. соч. С. 58–71.

Во-первых, говоря о признании самостоятельного интереса участника общества, ученый приходит к выводу о необходимости выяснить соотношение интересов участников и самого юридического лица, но сужает его до поглощения одного интереса другим. Представляется, что это соотношение не настолько простое и однозначное.

Во-вторых, С. В. Моисеев пишет, что в таком случае любой иск юридического лица о возмещении убытков следует считать косвенным, поскольку параллельно будут защищаться интересы каждого участника юридического лица. С этим доводом мы не можем согласиться, ведь косвенный характер защищаемого интереса – не единственный критерий квалификации иска как косвенного. К примеру, В. В. Ярков выделяет наряду с ним критерий фигуры выгодоприобретателя по такому иску. Да и интересы юридического лица и его участника могут не совпадать.

В-третьих, С. В. Моисеев задается вопросом, почему при наличии самостоятельного интереса у участника общества он управомочен обратиться с иском лишь к органам управления юридического лица, а не к любому причинителю вреда. Все дело в том, что косвенный иск исторически возник в качестве исключения из общего правила и остается таковым. Специальная норма наделяет участника субъективным правом предъявить иск, поскольку, кроме него, в данной ситуации это сделать некому. Самостоятельный интерес участника признается законом юридическим и обеспечивает ему доступ к такому способу защиты, как косвенный иск, ведь основной способ защиты порочен. Механизм прямого иска юридического лица о возмещении убытков не срабатывает, поскольку лица, уполномоченные действовать от имени юридического лица, являются причинителями ущерба и их интерес противоречит как интересам юридического лица, так и интересам его участников. В тех случаях, когда ущерб обществу причинен посторонними лицами, может быть задействован общий порядок, т. е. прямой иск юридического лица; закон в этом случае не предусматривает исключения и не наделяет участника экстраординарными правами.

Не менее важен в контексте настоящего исследования вопрос о наделении конечных бенефициаров правом на предъявление косвенного иска. С. В. Моисеев, например, считает, что в случае признания за участниками юридического лица самостоятельного интереса в возмещении убытков последнему «необходимо быть последовательными» и признать наличие такого интереса и у других лиц, находящихся на том или ином уровне корпоративной структуры, к примеру у «конечных бенефициаров». Однако не совсем ясно, в чем автор видит ту самую «последовательность», ведь отождествлять фигуры конечного бенефициарного владельца и участника корпорации не вполне корректно. Такие бенефициары, как правило, сознательно «юридически» остаются в тени, избегая ответственности, и осуществляют управление через номинальных лиц, при этом несут риск того, что в случае необходимости не смогут воспользоваться теми способами защиты, которые предусмотрены для участников юридического лица. Иное привело бы к нестабильности гражданского оборота, массовому созданию объемных корпоративных структур и злоупотреблению правом.

Кроме того, говоря о конечных бенефициарах юридического лица и об их правах, нужно иметь в виду, что правовой статус таких лиц до сих пор до конца не определен и их юридическая связь с компанией номинально отсутствует. Коль скоро это так, то о реализации и защите каких прав путем возмещения убытков юридическому лицу мы можем говорить применительно к такому субъекту? В доктрине встречается позиция о том, что в исключительных случаях, когда интерес бенефициара существенен, необходимо предоставлять ему возможность защиты. Здесь следует оговориться, что у бенефициара, безусловно, есть интерес в возмещении убытков юридическому лицу, но этот интерес фактический (экономический), тогда как для возможности защиты права в судебном порядке необходим интерес юридический¹, а если законодателем он таковым не признан, то и значения не имеет².

Анализ судебной практики подтверждает наши выводы. В одном из дел, где бенефициарами – владельцами материнской компании было заявлено требование об

¹ Лукасян Р. Э. Указ. соч. С. 40.

² Нарушение экономических интересов конечных бенефициаров юридического лица (при отсутствии корпоративного договора между ними и участниками) законодательством не отнесено к основаниям для признания недействительным решения общего собрания участников юридического лица. См.: Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 7 декабря 2017 г. по делу № А32-31503/2017.

оспаривании сделок дочерней компании, Верховный Суд РФ отметил: «Контроль в корпорации (обществе) осуществляется его участниками, владеющими надлежащим количеством долей. Основой такого контроля являются права, связанные с собственностью на доли, в частности, право избирать уполномоченные органы управления и осуществлять властно-распорядительные полномочия в отношении подконтрольного хозяйствующего субъекта. В настоящем случае ни одним из названных условий, предоставляющих возможность и право осуществления полномочий по корпоративному контролю, а соответственно правом заявлять соответствующие требования, компании... не обладают»¹.

В другом знаковом деле истец – бенефициар, владеющий через цепочку юридических лиц 25 % долей в уставном капитале общества, предъявил косвенный иск о возмещении убытков в пользу общества к органам управления юридического лица². Истец настаивал на том, что нормы, позволяющие участнику общества обращаться в суд с такими исками, должны применяться к нему по аналогии, поскольку в силу опосредованного владения он имеет интерес в возмещении убытков обществу. Судами первой, апелляционной, кассационной инстанции в удовлетворении требований было отказано в связи с тем, что закон наделяет полномочиями на обращение в суд с такими исками ограниченный перечень лиц, среди которых бенефициар не значится. В передаче кассационной жалобы на рассмотрение в заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ также было отказано.

Многие практики посчитали данное решение сугубо формальным, хотя представляется, что это не так. Суды, проанализировав нормы материального и процессуального права, проследили логику законодателя и не увидели в данном случае пробела в правовом регулировании и возможности применения норм по аналогии. Среди аргументов, которые предлагали суды в обоснование своей позиции, хочется выделить два, на наш взгляд, самых важных.

Во-первых, расширительное толкование процессуального закона может привести к нарушению воли законодателя, установившего право на предъявление исков участниками общества от его имени в определенных случаях. Это создаст неопределенность в вопросах о том, какие лица, по каким основаниям и в каких случаях вправе обращаться от имени обществ, что, в свою очередь, может привести к несогласованности действий участников компаний и их исполнительных органов и к нарушению организационного единства юридического лица³.

Во-вторых, участник корпорации, предъявляя требование о возмещении обществу убытков, причиненных органами управления юридического лица, преследует опосредованный (косвенный) интерес. Интерес такого участника обосновывается наличием у него как истца материально-правового требования, обусловленного недопущением причинения ущерба ему как субъекту гражданско-правовых отношений. Связывание права на использование подобного способа защиты – взыскания убытков с руководителем – только с наличием интереса, но без учета статуса субъекта указанных правоотношений и объекта защиты интереса участника корпорации не основано на нормах права⁴. Подобного косвенного интереса у бенефициаров нет. То есть *интерес таких бенефициаров не обладает свойством правовой определенности, в отличие от косвенного интереса участников, и вследствие этого не опосредствован в субъективном праве такого лица как форме защиты интереса, а значит, не может быть защищен судом.*

Такие выводы представляются вполне обоснованными, ведь чем отдаленнее в корпоративной структуре находится лицо, тем сложнее оценить его интерес. Для судебной защиты права (повторим) необходим юридический интерес, т. е. интерес, признанный законом. Причины, по которым законодатель не может признать такое

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 апреля 2017 г. по делу № 309-ЭС14-923.

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 декабря 2018 г. № Ф02-6281/2018 по делу № А74-3619/2018.

³ Там же.

⁴ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2018 г. по делу № А74-3619/2018.

свойство за интересами конечных бенефициаров, были обозначены судом. Таким образом, на уровне законодательства и судебной практики сформирована позиция о недопустимости предъявления многоуровневых (двойных, тройных) косвенных исков; правомочиями на их предъявление обладают только прямые участники юридического лица.

Чтобы разрешить противоречие, возникшее в доктрине, необходимо обратить внимание на природу корпоративных отношений, возникающих при предъявлении косвенного иска.

Любопытную позицию относительно соотношения интересов юридического лица и его участника занимает Д. И. Степанов. Он исходит из того, что: а) непосредственно у юридического лица фактически собственного интереса, не зависящего от интересов его участников, нет; б) при этом интересы участников юридического лица не поддаются корректному суммированию и приведению к общему, усредненному интересу. В таком случае, делает вывод ученый, остается лишь выявить то лицо, чей интерес получает в силу указания закона возможность приоритетной защиты по сравнению с интересами других лиц. Причем в каждом конкретном институте корпоративного права и возникающих спорных правоотношениях закон может наделять интерес разных субъектов (допустим, мажоритарного или миноритарного участника) свойством приоритета. Исходя из изложенного, автор предлагает использовать некий инструмент, условный тест, который позволял бы в каждом случае выявлять, чей интерес защищается тем или иным средством защиты¹. Защищается ли интерес корпорации другими средствами защиты, помимо косвенного иска? Да, а значит, в институте косвенного иска приоритет защиты смещен в пользу другого интереса. Д. И. Степанов приходит к следующему выводу: «... интерес юридического лица – для целей конкретного института – отождествляется с интересом иного участника отношений, который защищает свои интересы средствами, проистекающими из анализируемого института. Фактом введения института правопорядок сигнализирует, что он дает специальную защиту определенной группе, точнее, вводит диктаторство против цикличности интересов, приоритетно защищая одних в ущерб другим, самим фактом введения института смещается баланс от одной группы участников корпоративных отношений к другой»².

Судебная практика свидетельствует о том, что суды отмечают относительность причинения ущерба интересам юридического лица путем причинения ему убытков.

Во-первых, суды допускают возможность вывода о причинении убытков юридическому лицу при доказанности причинения убытков конкретным его участникам определенным действием или бездействием контролирующих лиц. Как указывает Верховный Суд РФ, «...составной частью интереса общества являются в том числе интересы участников. В связи с этим ущерб интересу общества также имеет место, когда сделка хотя и не причиняет ущерб юридическому лицу, но не является разумно необходимой для хозяйствующего субъекта, совершена в интересах только части участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, которые не выражали согласие на совершение соответствующей сделки»³. Такой вывод логически следует из утверждения «Нарушение интереса участника есть нарушение интереса общества» и свидетельствует о том, что между интересами участников и интересом юридического лица нет подчиненности, эти интересы взаимообусловлены.

Во-вторых, даже в отсутствие непосредственного причинения убытков юридическому лицу причинение убытков или нарушение в результате действий контролирующих лиц интересов меньшинства акционеров (пусть и в интересах их большинства) квалифицируется судами как действия против интересов юридического лица и причинение ему убытков. Так, Верховный Суд РФ делает вывод: «Несмотря на то что корпорация предполагает обособление имущества участников (акционеров) для

¹ Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 57.

² Там же. С. 59.

³ Пункт 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.).

ведения предпринимательской деятельности и является самостоятельным участником гражданского оборота, следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими. С необходимостью реализации общих интересов участников и достижением общей цели и связывается создание участниками самой корпорации. Таким образом, в ситуации причинения корпорации вреда предполагается, что одновременно именно ее участники понесли убытки. Соответственно, в опровержение факта причинения вреда корпорации может быть выдвинут довод о том, что в результате вменяемых действий сами участники не пострадали»¹.

Итак, материалы судебной практики говорят о том, что интерес участника корпорации не вытекает из интереса юридического лица, не подчинен ему; более того, они могут не совпадать вовсе, если, например, при оспаривании сделки общество и его контрагент вместе противостоят участнику, обратившемуся с косвенным иском². Однако почему же тогда иск именуется «косвенным» и формально мы говорим о защите интереса именно юридического лица?

Представляется, что это следствие общепринятого в праве определения природы юридического лица с точки зрения теории фикции и существования так называемой корпоративной вуали, т. е. предполагаемого наличия незримой «личности корпорации». Поэтому мы вынуждены считаться с интересом юридического лица, но его содержание, как мы убедились, до сих пор неоднозначно. Одновременно такое понимание не должно мешать правильному восприятию производства по косвенному иску. Кроме того, существование «корпоративной вуали» имеет большое значение именно во внешних корпоративных спорах и позволяет учредителям, директорам и участникам юридического лица не отвечать по долгам организации. В случае же предъявления косвенного иска речь идет о внутреннем корпоративном споре, о кризисе внутри корпорации, о противоправных действиях контролирующих лиц по отношению к другим участникам, что подразумевает нарушение интересов корпорации. Мы как бы спускаемся на другой уровень, где «личность корпорации» не имеет определяющего значения, поскольку, действуя от имени корпорации, директора наносят ущерб другим участникам и самой корпорации.

Мы не можем согласиться с С. В. Моисеевым, который, говоря о квалификации иска как косвенного на основании критерия личности причинителя вреда, отмечает, что этого критерия недостаточно для обоснования необходимости выделения отдельного вида иска³. Но ведь очевидно, что именно личность причинителя вреда обуславливает необходимость в механизме косвенного иска. Механизм прямого иска юридического лица в случае причинения ему убытков действиями членов органов управления этого юридического лица, действующими от его же имени, как уже отмечалось, является порочным, поскольку предполагает совпадение личностей причинителей вреда и инициаторов иска. Фанатичное следование теории фикции при изучении косвенного иска окончательно заводит в тупик, потому что, исходя из этой теории, все действия членов органов управления юридического лица совершаются от имени самого юридического лица, а значит, юридическое лицо причиняет вред самому себе. Что, конечно, не так.

Возникающая в связи с теорией фикции личность юридического лица не абсолютна, это допущение, как представляется, предназначено для решения конкретных проблем, возникающих в связи с деятельностью корпорации. Сама по себе возможность привлечения к ответственности отдельных руководителей юридического лица является исключением из теории фикции. Таким исключением выступает и институт косвенного иска, коль скоро ответственность за действия, совершаемые от имени юридического лица, но вразрез с его интересами, в этом случае возлагается на кон-

¹ Пункт 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.).

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22 июня 2016 г. № Ф02-1986/2016 по делу № А33-14535/2015; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 1 февраля 2018 г. № Ф07-15787/2017 по делу № А56-69628/2015; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14 июня 2019 г. № Ф09-2543/19 по делу № А50-30570/2017.

³ Моисеев С. В. Указ. соч. С. 66.

кретное контролирующее лицо. Здесь можно проводить параллели с таким феноменом, как «прокалывание корпоративной вуали», имеющим место при привлечении контролирующих должника-корпорацию лиц к субсидиарной ответственности в банкротном процессе. Но этот инструмент не вполне соответствует природе внутрикорпоративного конфликта, лежащего в основе предъявления косвенного иска, поскольку конструкция юридического лица предполагает ограничение ответственности его учредителей и участников именно перед кредиторами¹. Повторим, что при предъявлении косвенного иска речь идет о конфликте, происходящем под покровами этой самой «корпоративной вуали».

Итак, на первый взгляд может показаться, что правовая природа косвенного иска и существование самостоятельного интереса у участника корпорации вызывают сомнение. Однако более глубокое исследование этого института и «вскрытие» корпоративных правоотношений позволяют делать вывод о защите косвенным иском, в том числе, непосредственно интереса участника корпорации, обращающегося с косвенным иском. Защищаемый объективный интерес участника корпорации выражается в наличии субъективной заинтересованности в процессе. Ранее нами было обосновано наличие у него процессуальной заинтересованности²; теперь же на основе приведенных выше рассуждений можно говорить и о наличии субъективной материальной заинтересованности. Это, в свою очередь, позволяет дать ответ на многие упомянутые вначале работы вопросы, в том числе о процессуальном положении участника корпорации.

Список литературы

Лукасян Р. Э. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М. А. Вукот. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. 190 с.

Гусейнов Н. Ш. Косвенный иск в российском арбитражном процессе // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 56–63.

Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. 2018. № 7. С. 17–22.

Казиханова С. С. Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 42–57.

Моисеев С. В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 58–71.

Степанов Д. И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 1. С. 29–83.

Стрельцова Е. Г. О положении в исполнительном производстве лица, действующего в чужом интересе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 6. С. 83–96.

Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.

Чичакян Р. А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 5. С. 7–49.

References

Chichakyan R. A. (2018) Kosvennyye iski: sravnitel'no-pravovoi analiz Frantsii, Italii i Rossii [Derivative actions in France, Italy and the Russian Federation: a comparative analysis]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 18, no. 5, pp. 7–49.

Gukasyan R. E. (1970) *Problema interesa v sovetskom grazhdanskom protsessual'nom prave* [The problem of interest in Soviet civil procedural law], ed. by M. A. Vikut. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 190 p.

Guseinov N. Sh. (2021) Kosvennyi isk v rossiiskom arbitrazhnom protsesse [An indirect claim in the Russian arbitration procedure]. In *Rossiiskoe pravo onlain*, no. 4, pp. 56–63.

Ionova D. Yu. (2018) Kosvennyye iski kak sposob zashchity interesov uchastnikov kommercheskikh korporatsii [Collateral actions as a means of protection of interests of business corporation members]. In *Rossiiskii sud'ya*, no. 7, pp. 17–22.

Kazikhanova S. S. (2021) Problema vernogo opredeleniya protsessual'nogo polozheniya korporatsii i ee uchastnikov, ikh protsessual'nykh prav i obyazannostei po kosvennym iskam [The problem of

¹ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 10–12.

² Гусейнов Н. Ш. Косвенный иск в российском арбитражном процессе // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 61.

correctly determining the procedural status of the corporation and its participants, their procedural rights and obligations in indirect claims]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 9, pp. 42–57.

Moiseev S. V. (2021) Kosvennyi isk... kak mnogo v etom zvuke... [Indirect claim... How much is there in this sound...]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 9, pp. 58–71.

Stepanov D. I. (2015) Interesy yuridicheskogo litsa i ego uchastnikov [Interests of corporation and its shareholders]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 1, pp. 29–83.

Strel'tsova E. G. (2013) O polozhenii v ispolnitel'nom proizvodstve litsa, deistvuyushchego v chuzhom interese [About situation in executive production of the person acting in others interest]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 6, pp. 83–96.

Sukhanov E. A. (2014) *Sravnitel'noe korporativnoe pravo* [Comparative corporate law]. Moscow, Statut, 456 p.

НЕКОТОРЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Степанов Кирилл Алексеевич

Студент Уральского государственного юридического университета
им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-1855-9481,
e-mail: minerality@yandex.ru

Автор отмечает, что законодательство о социальном обеспечении, особенно в части установления социальных выплат, подвергается частым изменениям, что нередко приводит к необоснованному увеличению понятийного аппарата права социального обеспечения. Излишнее терминологическое разнообразие нарушает отраслевые принципы, создает препятствия для правореализационной деятельности, дезориентируя получателей выплат и правоприменителей. Последние сталкиваются с проблемами неверного употребления и толкования терминов законодателем, когда отдельные виды социальных выплат трактуются исключительно в цивилистическом контексте, без учета оснований, принципов и доктрины права социального обеспечения.

Ключевые слова: право социального обеспечения, понятийный аппарат, пособие, компенсации, терминология

Для цитирования: Степанов К. А. Некоторые терминологические проблемы права социального обеспечения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 2. С. 75–80. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_75.

SOME TERMINOLOGICAL PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY LAW

Stepanov Kirill

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-1855-9481, e-mail: minerality@yandex.ru

The author notes that the social security laws, especially in terms of establishing social benefits, changes very quickly, which often leads to an unreasonable increase in the conceptual apparatus of social security law. Excessive terminological diversity violates sectoral principles, creates obstacles to law enforcement activities by misleading recipients of payments and law enforcers. The latter also face problems of misuse and incorrect interpretation of terms by the legislator, when certain types of social payments are interpreted exclusively in a civilistic context without taking into account the grounds, principles and doctrine of social security law.

Key words: social security law, conceptual apparatus, allowance, compensation, terminology

*For citation: Stepanov K. (2022) Some terminological problems of social security law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 75–80, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2022_2_75.*

Законодательство о социальном обеспечении сегодня подвергается достаточно частым изменениям, которые характеризуются хаотичностью и бессистемностью. Одним из следствий такой тенденции стали множественные расхождения в понятийном аппарате права социального обеспечения, его излишнее терминологическое разнообразие: законодатель зачастую обозначает схожие или одинаковые явления

различными словосочетаниями, чем, безусловно, нарушает принцип терминологического единства.

Одно из главных свойств понятийного аппарата – системность. В научной литературе утверждается, что «понятийный аппарат – не просто набор терминов и их определений, а совокупность взаимоувязанных, согласованных и соподчиненных понятий, каждое из которых имеет свои место и назначение. При этом он обладает системообразующими признаками, т. е. представляет собой структурно упорядоченное целостное единство отдельных элементов – понятий, категорий и терминов»¹.

Понятийный аппарат – это система понятий, которые являются взаимозависимыми. При интерпретации конкретного понятия должны учитываться ограничения, накладываемые другими элементами системы².

К сожалению, понятийный аппарат, используемый законодателем в настоящее время применительно к социальным выплатам, характеризуется бессистемностью.

Среди отраслевых принципов права социального обеспечения традиционно выделяется принцип единства и дифференциации, который в полной мере можно отнести и к видам социального обеспечения³.

Увеличение количества видов социального обеспечения, а вместе с ними и объема понятийного аппарата началось с середины 1990-х гг. Появление в праве таких видов социального обеспечения, как компенсации и страховые выплаты, а позже субсидии и материнский семейный капитал, привело к «терминологическим коллизиям». Многие из понятий, возникших в названный период, можно было отнести к новым лишь формально, так как они обозначали традиционные виды социального обеспечения.

Отсутствие единообразия используемых терминов, общее «размывание» базовых понятий путем введения новых аналогичных или даже дублирующих терминов – все эти недостатки понятийного аппарата права социального обеспечения неоднократно рассматривались в литературе⁴. Но каких-либо значительных изменений не произошло⁵.

Следует прежде всего обратить внимание на отсутствие в нормативных правовых актах в сфере социального обеспечения определения понятия «пособие». В большинстве из них лишь перечислены виды пособий (по временной нетрудоспособности, ежемесячное пособие по уходу за ребенком и др.). Как следует из ч. 2 ст. 1.2 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (с изм. на 26 мая 2021 г.) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», термин «пособие» может применяться «в том значении, в каком он используется в других законодательных актах Российской Федерации», однако в российском законодательстве наблюдается отсутствие единого понимания данного термина.

Между тем в ст. 1 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (с изм. на 8 марта 2022 г.) «О государственной социальной помощи» приведена дефиниция понятия «социальное пособие» как разновидности государственной социальной помощи. Но и в данном нормативном правовом акте не определено общее понятие «пособие».

Социальные пособия могут рассматриваться не только в рамках государственной социальной помощи. Так, некоторые ученые выделяют социальные и страховые посо-

¹ Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 72; Силкина Е. А. Вопросы терминологии в праве социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 58.

² Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 72.

³ Антипьева Н. В. Единство и дифференциация правового регулирования как принцип социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3. С. 8, 10, 12; Евстигнеева Л. А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2. С. 138, 140.

⁴ Гусева Т. С. Использование российским законодателем новой терминологии для обозначения социальных выплат: объективная необходимость или недостаток юридической техники // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1. С. 126, 130, 131.

⁵ Миронова Т. К. Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 154, 157.

бия, относя к первым пособия, выплачиваемые из бюджетных средств, а ко вторым – пособия, выплачиваемые за счет средств внебюджетных фондов¹.

Ученые выделяют ряд признаков пособий: денежная форма; периодичность предоставления выплаты (единовременно, ежемесячно, периодически); цель – поддержание прежнего материального положения лица (возмещение утраченного заработка и др.).

Закреплению определения термина «пособие» в социально-обеспечительном законодательстве мешает прежде всего постоянное пополнение понятийного аппарата новыми терминами, которые зачастую не учитывают сформировавшиеся в науке социального обеспечения положения и дефиниции. Так, в Указе Президента РФ от 26 декабря 2006 г. № 1455 (с изм. на 31 декабря 2014 г.) «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» встречается термин «компенсационные выплаты», а в Указе Президента РФ от 26 февраля 2013 г. № 175 (с изм. на 7 марта 2019 г.) «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы» используется понятие «ежемесячные выплаты». В данных актах приведенные термины фактически дублируют уже существующие, порождая излишнее терминологическое разнообразие.

В указах Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 (с изм. на 10 марта 2021 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и от 7 апреля 2020 г. № 249 (с изм. на 11 мая 2020 г.) «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» прилагательные «социальная» и «государственная», характеризующие меры поддержки, используются лишь с целью устранения «дублирования» названий нормативных правовых актов, но не отражают сущности этих мер.

Отдельными нормативными правовыми актами² была введена новая форма выплат – денежные выплаты. Однако по ряду признаков данные выплаты можно отнести к категории пособий. При этом характер источника правового регулирования не является основанием для обособления этих видов социального обеспечения в особую подгруппу. То есть опять же наблюдается необоснованное увеличение понятийного аппарата.

К сожалению, правоприменители также сталкиваются с неверным употреблением и толкованием терминов законодателем. Так, в ст. 19 и 20 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ (с изм. на 2 июля 2021 г.) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» закреплено: «При возникновении поствакцинального осложнения, с учетом тяжести его последствий, гражданину предоставляются денежные выплаты». При этом одна из таких выплат, единовременная, названа «пособием», а другая, ежемесячная, – «компенсацией». В данном случае понимание термина «компенсация» отличается от доктринального и, скорее, относится к «цивилистическому»: компенсация толкуется как выплата, направленная на восстановление имущественной сферы при посягательствах на нематериальные блага³.

Обращаясь же к доктринальному пониманию компенсационных выплат, следует отметить, что оно сформировалось под влиянием положений трудового права: под компенсацией понимаются выплаты, возмещающие затраты, фактически понесенные лицом, взамен социального обеспечения в натуральной форме⁴. Именно в таком значении данное понятие употребляется, например, в ст. 11 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (с изм. на 28 июня 2021 г.) «О социальной защите инвалидов

¹ Смирнова Н. Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового обеспечения по праву социального обеспечения современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 65.

² Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ (с изм. на 29 декабря 2020 г.) «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей»; Указ Президента РФ от 20 марта 2020 г. № 199 (с изм. на 10 марта 2021 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»; Указ Президента РФ от 10 марта 2021 г. № 140 «О некоторых вопросах, связанных с осуществлением ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 „О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей“».

³ Краснова С. А. Проявления компенсационного воздействия в гражданском праве и праве социального обеспечения: сравнительно-правовой анализ // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 107.

⁴ Адриановская Т. Л. Компенсации в праве социального обеспечения и в трудовом праве // Социальное и пенсионное право. 2014. № 4. С. 28.

в Российской Федерации»: «...если инвалид приобрел соответствующее техническое средство реабилитации и (или) оплатил услугу за собственный счет, ему выплачивается компенсация в размере стоимости приобретенного, но не выше установленного законом лимита». Там же указано, что отказ инвалида от реализации индивидуальной программы не дает ему права на получение компенсации в размере стоимости реабилитационных мероприятий, предоставляемых бесплатно.

Проанализировав доктринальные положения, можно выделить некоторые признаки компенсационных выплат как разновидности денежных выплат в рамках социального обеспечения. К таковым относятся:

1) направленность на полное или частичное возмещение фактически понесенных расходов. Как правило, данные расходы должны подтверждаться, но есть и некоторые исключения;

2) предоставление взамен натурального вида обеспечения. При этом получатель выплаты должен обладать правом на натуральный вид обеспечения.

Данные признаки нельзя назвать бесспорными. Так, компенсации могут выступать в качестве замены утраченного заработка или же, например, возмещать причиненный здоровью вред. Это, например, ряд компенсаций, предоставляемых лицам, которые были подвержены воздействию радиации при определенных обстоятельствах, обозначенных в нормативных правовых актах.

Обращаясь к исключительным случаям, когда закон не требует подтверждать фактически произведенные расходы, стоит отметить, что такая практика несколько нивелирует различия между компенсациями и пособиями. Так, ч. 16 ст. 11.1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает ежегодную денежную компенсацию расходов на содержание и обслуживание собак-проводников. Закон презюмирует затраты на собаку-проводника, признает их неизбежность, исходя из чего и была установлена периодически индексируемая сумма возмещения. Тем не менее данная выплата отличается от пособия на том основании, что она входит в федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, который утвержден распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 2347-р.

В некоторых нормативных правовых актах о социальном обеспечении понятийный аппарат используется достаточно последовательно. В частности, термин «компенсация» в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» употребляется в соответствии с его доктринальным толкованием. Но, к сожалению, это скорее исключение, чем правило. Например, в Федеральном законе «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» термин «компенсация» употребляется в значении, расходящемся с его доктринальным пониманием.

Еще один пример ошибочного применения терминов: в Федеральном законе от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. с 1 января 2022 г.) «О погребении и похоронном деле» «пособием» именуется денежная выплата, направленная на возмещение расходов, фактически понесенных лицом, не воспользовавшимся услугами по погребению, оказание которых гарантируется на безвозмездной основе.

Учитывая все описанные недостатки законодательства о социальном обеспечении, следует сказать, что оно не раскрывает значение понятий «пособие» и «компенсация» и не предусматривает критерии, которые позволяют отличать данные понятия от иных видов социального обеспечения в денежной форме.

В научной литературе отмечается, что многие специалисты не могут предложить юридически значимые признаки компенсационных выплат, исходя из анализа действующих правовых норм¹. Некоторые авторы относят к наиболее ярким чертам компенсации следующие: 1) характер источника правового регулирования, позволяющий государству оперативно реагировать на появление нового социального риска²; 2) незначительный размер³.

¹ Гусева Т. С. Правовая природа компенсационных выплат в праве социального обеспечения России // Социальное и пенсионное право. 2011. № 3. С. 12.

² Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Антонова. М.: Проспект, 2021. С. 24–45.

³ Цветков С. Б. Право социального обеспечения: учеб. пособие. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2009. С. 159.

Сказанное приводит к тому, что в учебной литературе перестают выделять разделы о видах социального обеспечения¹, а также не приводят критерии дифференциации денежных выплат, которые предоставляются в рамках социального обеспечения. Между тем ряд авторов рассматривают виды социального обеспечения как институт общей части права, а также используют их для классификации подразделений особенной части права социального обеспечения².

Подводя итоги, следует сказать, что в законодательстве о социальном обеспечении наблюдается необоснованное расширение понятийного аппарата в части социальных выплат. Эти «законодательные нововведения» нельзя рассматривать как продиктованные объективной необходимостью, а скорее следует трактовать как недостаток юридической техники. Каждый элемент системы может существовать лишь в том случае, если он специализирован, выполняет особые функции, которые необходимы для функционирования всей системы³. Введение же законодателем «новых» терминов не согласуется с внутренней структурой права социального обеспечения, не учитывает существующие и устоявшиеся доктринальные положения, препятствует системному регулированию социально-обеспечительных выплат.

Список литературы

- Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. 188 с.
- Адриановская Т. Л. Компенсации в праве социального обеспечения и в трудовом праве // Социальное и пенсионное право. 2014. № 4. С. 27–30.
- Антипьева Н. В. Единство и дифференциация правового регулирования как принцип социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3. С. 8–16.
- Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 180 с.
- Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учеб. и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 428 с.
- Гусева Т. С. Использование российским законодателем новой терминологии для обозначения социальных выплат: объективная необходимость или недостаток юридической техники // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 1. С. 126–132.
- Гусева Т. С. Правовая природа компенсационных выплат в праве социального обеспечения России // Социальное и пенсионное право. 2011. № 3. С. 11–13.
- Евстигнеева Л. А. Принципы права социального обеспечения: в преддверии кодификации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2. С. 138–144.
- Институт социальных пособий и компенсаций в Российской Федерации: генезис правового регулирования: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Антонова. М.: Проспект, 2021. 192 с.
- Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 120 с.
- Краснова С. А. Проявления компенсационного воздействия в гражданском праве и праве социального обеспечения: сравнительно-правовой анализ // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. С. 103–109.
- Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 441 с.
- Миронова Т. К. Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 153–162.
- Силкина Е. А. Вопросы терминологии в праве социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 205 с.
- Смирнова Н. Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового обеспечения по праву социального обеспечения современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 222 с.
- Цветков С. Б. Право социального обеспечения: учеб. пособие. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2009. 199 с.

¹ Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 225–232.

² Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учеб. и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 49–50.

³ Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976. С. 37.

References

Adrianovskaya T. L. (2014) Kompensatsii v prave sotsial'nogo obespecheniya i v trudovom prave [Compensation in social security law and in labour law]. In *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*, no. 4, pp. 27–30.

Antip'eva N. V. (2013) Edinstvo i differentsiatsiya pravovogo regulirovaniya kak printsip sotsial'nogo obespecheniya [Unity and differentiation of legal regulation as a principle of social security]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 3, pp. 8–16.

Antonova N. V. (Ed.) (2021) *Institut sotsial'nykh posobii i kompensatsii v Rossiiskoi Federatsii: genesis pravovogo regulirovaniya* [Institute of social benefits and compensations in the Russian Federation: genesis of legal regulation]. Moscow, Prospekt, 192 p.

Aver'yanov A. N. (1976) *Sistema: filosofskaya kategoriya i real'nost'* [The system: a philosophical category and reality]. Moscow, Mysl', 188 p.

Evstigneeva L. A. (2015) Printsipy prava sotsial'nogo obespecheniya: v preddverii kodifikatsii [Principles of social security law: on the eve of codification]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, no. 2, pp. 138–144.

Golovina S. Yu. (1997) *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava* [Conceptual apparatus of labour law]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, 180 p.

Grigor'ev I. V., Shaikhhatdinov V. Sh. (2022) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law]. 7th ed., Moscow, Yurait, 428 p.

Guseva T. S. (2011) Ispol'zovanie rossiiskim zakonodatelem novoi terminologii dlya oboznacheniya sotsial'nykh vyplat: ob"ektivnaya neobkhodimost' ili nedostatok yuridicheskoi tekhniki [Using the new terminology by the Russian legislator for identifying social payments: the objective necessity or the lack of legal technique]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 126–132.

Guseva T. S. (2011) Pravovaya priroda kompensatsionnykh vyplat v prave sotsial'nogo obespecheniya Rossii [The legal nature of compensation payments in the social security law of Russia]. In *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*, no. 3, pp. 11–13.

Kozlov V. A. (1989) *Problemy predmeta i metodologii obshchei teorii prava* [Problems of the subject and methodology of the general theory of law]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 120 p.

Krasnova S. A. (2019) Proyavleniya kompensatsionnogo vozdeistviya v grazhdanskom prave i prave sotsial'nogo obespecheniya: sravnitel'no-pravovoi analiz [Manifestations of compensatory impact in civil law and social security law: a comparative legal analysis]. In *Problemy pravovogo obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva: conference papers*. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGTU, pp. 103–109.

Machul'skaya E. E. (2021) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law]. 4th ed., Moscow, Yurait, 441 p.

Mironova T. K. (2017) Novatsii v ponyatiinom apparate prava sotsial'nogo obespecheniya i ikh vliyaniye na predmet otrasli [Innovations in the conceptual apparatus of social security law and their impact on the subject of the industry]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 153–162.

Silkina E. A. (2013) *Voprosy terminologii v prave sotsial'nogo obespecheniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Questions of terminology in social security law: a candidate of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 205 p.

Smirnova N. L. (2002) *Posobiya po vremennoi netrudosposobnosti kak vid strakhovogo obespecheniya po pravu sotsial'nogo obespecheniya sovremennoi Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Temporary disability benefits as a type of insurance coverage under the social security law of modern Russia: a candidate of legal sciences thesis]. Vladivostok, 222 p.

Tsvetkov S. B. (2009) *Pravo sotsial'nogo obespecheniya* [Social security law]. Volgograd, Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 199 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 26.07.22.
Уч.-изд. л. 9,06. Объем 1,78 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит